Л. МАРТОВ

РАЗВИТИЕ КРУПНОЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ И РАБОЧЕЕ ДВИЖЕНИЕ В РОССИИ

Л. МАРТОВ

РАЗВИТИЕ КРУПНОЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ И РАБОЧЕЕ ДВИЖЕНИЕ В РОССИИ

ПЕТРОГРАД
Пр. 25 Октября, 74
тел. 134-34.

КНИГА

МОСКВА
Тверская, 38
тел. 264-61.

1923.

БИБЛИОТЕКА
СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ
АКАДЕМИИ.
287
23

Главлит № 1709. Тираж 8.000.

Военная Типография Штаба Р.-К. К. Армии (пл. Урицкого, 10).

ГЛАВА I.

Развитие крупной промышленности и рабочее движение до 1892 г.

I.

Крупная обрабатывающая промышленность, получившая свое начало в России при Петре Великом, постепенно развивалась в течение XVIII и первой половины XIX века. Крепостная промышленность, основанная на кабальном труде и в значительной степени находившаяся в руках дворянства, уступала место капиталистической индустрии, применявшей вольнонаемный труд и руководимой городской и сельской буржуазией, в среде которой было не мало выходцев из крепостного крестьянства. По расчету проф. Туган-Барановского [1]), в 1832 году из 5.599 фабрик всего 862 принадлежали дворянам (14%). В конце 40-х годов из общего числа до 10.000 фабрик дворянам принадлежало до 500, т.-е. уже только 5%.

В атмосфере развивавшегося денежного обмена, разлагавшего старые экономические формы быта, социальные бедствия, связанные с развитием крупной индустрии, должны были с особенной силой проявиться там, где новые капиталистические отношения тесно сплелись с старыми крепостническими, где производителю приходилось нести то и другое ярмо, а собственник бился в сетях противоречий между двумя несовместимыми способами производства. Поссессионные и вотчинные заводы и фабрики в первой половине XIX века уже имели свой „рабочий вопрос", как его уже знали на заре развития современной промышленности, в XV и XVI веках, рудники Саксонии и Богемии, где точно также сосуще-

[1]) Туган-Барановский. Русская фабрика, стр. 90—91.

ствовали производственные отношения феодализма и капитализма [1]).

Регламентация производства на поссессионных фабриках (они не имели права сокращать производство, изменять его характер и уменьшать число занятых рабочих) стала непреодолимым препятствием для развития этой привилегированной промышленности, когда бок-о-бок с ней выросла и окрепла свободная промышленность, постоянно изменявшая и совершенствовавшая свои способы производства. К тому же и кабальный труд оказался, как и в земледелии, менее производительным, чем вольнонаемный, и, несмотря на крайне низкую его оплату, обходился дорого.

При таких условиях фабриканты, чем далее, тем более пытаются отстоять отживающую форму производства путем усиления эксплоатации рабочих. А такое усиление при наличности медленного технического прогресса было возможно только в форме постоянного нарушения установившихся отношений или в форме прямых злоупотреблений. Борьба против этих посягательств на традиционно-сложившиеся нормы фабрично-заводского быта и составляет содержание рабочих волнений первой половины XIX века. Рядом с этой причиной действовало стремление к повышению заработной платы, стимулируемое более высокими заработками вольнонаемных рабочих, плата которых в течение всей второй четверти века возвышалась, благодаря тому, что развивавшаяся капиталистическая промышленность не находила достаточного количества свободных рабочих рук.

Формы этих фабричных волнений были различны: от подачи коллективных заявлений и посылок делегатов к властям до забастовок и разнообразных видов пассивного и активного сопротивления.

Постоянные волнения поссессионных рабочих заставляли фабрикантов еще более отрицательно относиться к системе кабального труда, а правительство — спешить с ликвидацией этой отжившей формы производства. В 1840 г. был издан закон, дозволивший фабрикантам

[1]) См. об этом у Каутского: Die Vorläufer des modernen Socialismus. Bd. 1.

переход от кабального труда к вольнонаемному, и фабриканты широко воспользовались предоставленным им правом. Таким образом, самое радикальное из требований, выставлявшихся во время беспорядков поссессионными рабочими, было удовлетворено по отношению ко многим из них. Но так как закон 1840 г. давал увольняемым при ликвидации поссессионных отношений рабочим лишь право записываться в мещане или переселяться на казенные земли, то во многих случаях рабочие упорно отказывались от применения этого закона, требуя сохранения за ними старой оседлости. На этой почве в 40-х годах происходил ряд волнений, для подавления которых пускалась в ход военная сила.

Среди рабочих вольнонаемных волнения были реже, чем на поссессионных и вотчинных фабриках. Тем не менее, и здесь имели место серьезные беспорядки, как, напр., в Дмитровском уезде Московской губ. в 1844 г. на Вознесенской хлопчатобумажной мануфактуре, где дело дошло до применения военной силы. В 1847 г. московский генерал-губернатор кн. Щербатов констатировал, согласно жалобам самих рабочих, следующие поводы к неудовольствию с их стороны: уплата заработка фабричными изделиями, негодность харчей, штрафы и произвольные вычеты.

Волнения поссессионных и вольнонаемных рабочих побудили правительство Николая I заняться законодательным регулированием отношений между капиталистами и рабочими. Первый закон, изданный в этом отношении,—закон 24 мая 1835 года,—вызван прежде всего заботой об интересах фабрикантов. Последние, пользуясь вольнонаемным трудом отпущенных на оброк помещичьих крестьян, зависели от произвола помещиков, которые нередко отзывали своих крепостных обратно до истечения срока их найма на фабрике. Попытка инициатора законопроекта, московского генерал-губернатора кн. Голицына, внести в него пункты, ограждающие интересы рабочих довольно серьезными гарантиями, натолкнулась на резкую оппозицию представителей петербургского и московского купечества [1]), и под их да-

[1]) См. Туган-Барановский, там же, стр. 171.

влением законопроект в окончательном виде, кроме обязательства хозяев ввести расчетные книги и вывешивать на фабрике правила внутреннего распорядка, не заключает никаких других ограничений произвола капиталистов. За то он, освобождая фабрикантов от обязанности отпускать по требованию помещика принадлежащих последнему крепостных, в то же время воспрещает рабочему самовольное расторжение договора, равно как предъявление требования об увеличении платы; фабриканту же закон разрешает увольнение рабочего с предупреждением за 2 недели, „по причине невыполнения им обязанностей или по буйному поведению".

Этот первый фабричный закон распространялся первоначально только на Петербург и Москву. В том же 1835 г. его действие распространено на Ригу. Дальнейшее географическое расширение сферы действия закона свидетельствует о постепенном росте вольнонаемной фабричной промышленности и обострении взаимных отношений между трудом и капиталом: закон 1835 года распространен в 1836 г. на весь Прибалтийский край, в 1837 г. на Владимирскую и Калужскую губернии, в 1839—на Тверскую, в 1843—на всю Московскую губернию, в 1846—на фабричные пункты Черниговской, в 1847—Нижегородской и 1852—Казанской губернии, а в 1853 г.—на свеклосахарные заводы Киевской губернии.

После волнений на Вознесенской мануфактуре в 1844 году правительственное расследование обнаружило весьма широкое применение на фабриках Московской губернии детского труда. До 2.100 детей работало на 23-х бумагопрядильных фабриках днем и ночью. 7 августа 1845 г. издано Положение комитета министров о воспрещении фабричного труда малолетних до 12-тилетнего возраста. Однако, этот закон никогда не был применен и вскоре был забыт самим правительством.

Более практическое значение имели для рабочих две статьи изданного в 1845 же году Уложения о наказаниях, явившиеся ответом правительства на учащавшиеся рабочие волнения. Именно, ст. 1791 приравнивает к „восстанию против властей, правительством установленных", и карает в известных случаях каторжными работами „явное неповиновение владельцу или управляющему

заводом, оказанное целой артелью или толпой". Следующая 1792 ст. впервые вводит в русское законодательство понятие *стачки* рабочих, подвергая зачинщиков аресту от 3 недель до 3 месяцев, а простых участников—от 7 дней до 3 недель.

От простых репрессивных мер правительство скоро перешло к мерам предупредительным, проникнутым тем же духом полицейской опеки. Повод к ним подала революция 1848 г. Известный реакционер, московский генерал-губернатор граф Закревский, в особой записке, представленной императору Николаю I, указывал, что „кроме 36 тысяч фабричных в Москве считается временных цеховых, вольноотпущенников и дворовых 37 тысяч человек... Для охранения тишины и благоденствия, коими в настоящее время наслаждается одна Россия, правительство не должно допускать скопления безнравственных и бездомных людей, которые легко пристают к каждому движению, нарушающему частное или общественное спокойствие" [1]). Закревский предложил воспретить вовсе постройку новых и расширение старых фабрик в Москве. Этот реакционный проект, хотя и вызвал оппозицию фабрикантов и министерства финансов, но получил одобрение Николая I и в смягченном, правда, виде приобрел силу закона 28 июня 1849 г. Экономическое развитие, однако, не считалось с буквой этого архаического проявления полицейской мудрости, и закону 1849 г. никогда не было суждено применяться на деле.

К началу пореформенного периода истории России в XIX веке мы видим, таким образом, фабрично-заводский пролетариат в виде концентрированной в нескольких районах полумиллионной массы, на добрую половину состоящей в крепостной зависимости от фабрикантов или же от помещиков, совершенно бесправной перед произволом капиталиста и подозрительной правительственным властям, для которых фабричный рабочий является воплощением крайнего обострения мятежных дум и чувств, присущих всей народной массе крепостной России. К моменту, когда начало ликвиди-

[1]) Цит. у Туган-Барановского, стр. 179.

роваться крепостное право, правительственные власти питали опасения, что объявление „воли" встречено будет в Петербурге и Москве беспорядками городской „черни", среди которой фабрично-заводский и ремесленный пролетариат занимал главное место.

В качестве класса, подозрительного самодержавному правительству и подлежащего неослабному надзору с его стороны, русский пролетариат вступил в пореформенный период истории.

II.

Рабочий вопрос с 60-х до начала 90-х годов.

Условия, при которых совершилось освобождение крестьян, отразились непосредственно на экономическом положении фабрично-заводского пролетариата. Разоренная деревня высылала в города и промышленные центры новые и новые толпы пролетариев, обостряя конкуренцию среди рабочего населения. В то же время быстрое введение усовершенствованных способов производства сокращало относительно спрос на рабочие руки, обесценивало профессиональную квалифицированность рабочего, создавало ему конкурентов в лице женщин и детей и ослабляло силу его сопротивления фабриканту [1]). И то же техническое развитие фабрики, убивая конкурировавшие с нею кустарные промыслы и ремесла, приводило к новому переполнению рабочего рынка избыточными руками.

За первые 20 лет после освобождения крестьян наблюдается крайне слабое движение вверх номинальной заработной платы фабричных рабочих при одновременном возрастании цен на жизненные продукты, являвшемся естественным результатом развития капитализма и городской жизни. Таким образом, реальная заработная плата падала. Так, для Шуйского уезда Владимирской губернии мы, переводя месячную плату на

---

[1]) См. об этом у Я. Гарелина, „Город Иваново-Вознесенск", часть II, 1885 г.

пуды ржаной муки по ценам соответствующих лет, получим следующее изменение реальной заработной платы различных категорий рабочих:

	1856—57 гг.	1883 г.	% понижения или повышения.
Прядильщики	26.0	14.9	— 43%
Ставильщики	6.2	5.1	— 18%
Набойщики	17.2	11.7	— 32%
Ткачи механич.	20.2	10.7	— 47%
Ткачи ручные	11.9	5.8	— 52%
Кузнецы	16.4	21.4	+ 30%
Слесаря	21.7	19.4	— 10%
Столяры	20.1	26.3	+ 31%
Банкоброшницы	9.8	7.3	— 25%
Мотальщицы	16.1	10.3	— 36%

За исключением кузнецов и столяров, все категории испытали сильное понижение реальной заработной платы. То же мы видим в г. Иваново-Вознесенске, где заработок механических ткачей, выраженный в пудах хлеба, упал за этот же период времени с 23.2 до 13.7 (понижение на 41%) [1]), заработок набойщиков с 17.3 до 11.7, а прядильщиков—с 26 до 14.9 [2]).

Заработной плате соответствовали и прочие условия фабричного труда. В прядильных и ткацких фабриках Иваново-Вознесенска и Шуи в начале 80-х гг. практиковалась 12-ти часовая работа, а на ситцепечатных фабриках $13^1/_2$ и даже $14^1/_2$ часов; при этом применялись сверхурочные работы, удлинявшие рабочий день фактически до 18—20-ти часов [3]). В виленском фабричном округе в 1885 году инспекция констатировала, как обычное явление для кожевенных заводов, рабочий день в 13 часов, а для текстильного производства—до 16-ти часов реальной работы. На спичечных фабриках „рабочий день начинается летом с восходом солнца и заканчивается с его закатом" [4]).

---

[1]) Туган-Барановский, ор. с., 434; Песков, „Фабричный быт Владимирской губ.," Спб. 1884.

[2]) Рабочее движение в Иваново-Вознесенском районе. Женева, 1900.

[3]) Ibid.

[4]) Отчет фабр. инсп. виленского округа за 1885 г.

В. В. Святловский [1]) констатирует, что по 16—17-ти часов в сутки работают мелкие ватные и костопальные заводы, а по 18-ти—спичечные, парусино-ткацкие и овчино-шубные в московском и харьковском фабричных округах. В джутовом и кирпичном производствах обычен 15-тичасовой рабочий день, встречающийся также и в шерсто-и бумагопрядильнях московского округа. Побочные фабрики обыкновенно работают по 13—14-ти часов в сутки.

По Дементьеву [2]), лишь в десятой части фабрик Московской губ. число рабочих часов было к началу 80-х гг. меньше 12-ти, обычно оно равнялось 13—13½. В 5% всего числа фабрик рабочий день равен 18-ти часам (в рогожных заведениях, в красильных отделениях ситцевых фабрик, на фарфоровых заводах). „Неделя" в 1878 г. сообщала, что рогожники г. Рославля работают, за вычетом перерывов, 21 час в сутки [3]). На шахтах Екатеринославской губ. в 70-х гг. обычной была 17-тичасовая работа, но встречалась и более продолжительная, причем малолетние работали столько же, сколько и взрослые [4]). На золотых промыслах Сибири и Урала в 60-х гг. рабочий день часто превышал даже 15-тичасовую норму, установленную законом 1838 года [5]).

Комиссия, учрежденная в 1859 г. петербургским генерал-губернатором констатировала на шести бумагопрядильнях 14-тичасовой рабочий день для детей в возрасте 8—14 лет.

Ночная работа была распространена чрезвычайно сильно. Ночью работали почти на всех текстильных фабриках московско-владимирского района; в харьковском округе треть всех рабочих (преимущественно на сахарных заводах) работала ночью. В Польше ночная работа была общим правилом в заводах сосновицкого округа и на сахарных заводах.

---

[1]) Святловский. „Фабричный рабочий", стр. 39—40.
[2]) Дементьев, „Фабрика", I-е изд. стр. 88.
[3]) Цитировано у Пажитнова, „Положение раб. класса в России". Спб. 1906, стр. 71.
[4]) Пажитнов, стр. 226—7.
[5]) В. Семевский, „Рабочие на золотых промыслах". Т. 2.

Воскресный отдых нередко не превышал 12-ти часов, как это было, напр., на фабрике Саввы Морозова в с. Никольском (Орехове-Зуеве) [1]).

Во все время пореформенного периода наблюдается развитие системы *штрафов* на фабрике, являясь, с одной стороны, реакцией фабрикантов на повышающуюся чувствительность и самосознание рабочего; с другой—методом приспособления капиталистов к колебаниям промышленности, позволявшим им ослаблять на счет рабочих действие периодов кризиса или застоя. Штрафование в размере трети месячного заработка было в начале 80-х гг. обычным на заводах Юза [2]). На чудовищное развитие системы штрафов единодушно обращает внимание вся литература конца 70-х и начала 80-х гг., посвященная быту фабрично-заводских рабочих (см. особенно у Янжула, Микулина, Святловского, Пескова), а проф. Янжул прямо высказывает убеждение, что на фабриках средней России штрафы составляют изрядную статью дополнительного дохода фабрикантов [3]). Само правительство в 1886 году признало штрафные операции фабрикантов „неблаговидными" (в мотивировке законопроекта 3 июня 1886 г.) [4]).

Не менее, если не более доходную статью составляла система расплаты товарами из хозяйских лавок. Эта система вызвала особенное раздражение рабочих, так как не только чувствительно сокращала их заработок, но и давала повод к постоянным злоупотреблениям худшего рода. Сроки расплаты также давали пищу для неудовольствия рабочих. В начале 80-х гг., по данным Янжула, Пескова и Святловского, только на 11,5% фабрик применялся еженедельный срок расплаты, на 4,4%—2 или 3 раза в месяц, на 40,7%—ежемесячный и на 43,5%—более продолжительный срок или же вовсе неопределенный [5]). К этому надо прибавить систему удер-

---

[1]) Песков, ор. с., стр. 97.
[2]) Пажитнов, 88.
[3]) Янжул, „Фабричный быт Московской губ.", стр. 85.
[4]) На Никольской мануфактуре Саввы Морозова штрафы достигали 300,000 руб. в год, составляя 40% выдаваемой заработной платы (Пажитнов, 88).
[5]) С. Прокопович, „К рабочему вопросу". Спб. 1905, стр. 83.

живания конторой части заработка при расплате, весьма распространенную особенно в центральном районе.

Ужасные гигиенические условия работы и жизни в фабричных казармах дополняют эту картину обстановки промышленного пролетариата в период 60 — 80-х гг., вместе с профессиональными заболеваниями и чрезвычайным обилием травматических повреждений, после которых рабочие и их семьи не получали обыкновенно никакого обеспечения [1]).

Тягостные сами по себе и, как мы видели, ухудшившиеся условия труда русских рабочих должны были вызвать, и действительно вызвали, с их стороны ряд волнений, которые, за немногими исключениями, носили тот же характер, что и „беспорядки" фабричных рабочих в дореформенную эпоху. Уже в 1865 г. происходят какие-то волнения рабочих в Орехове-Зуеве. В 1870 г. пресса обращает внимание на ряд вспыхнувших в этом году стачек (прядильщики и портные в Петербурге, одна фабрика в Варшаве, ткачи в Белостоке, суконщики в с. Сетунь под Москвой и доковые рабочие в Кронштадте) и впервые заговаривает о „рабочем вопросе" в России, как о вопросе отношений между наемным трудом и капиталом. В четырех из пяти случаев поводом к конфликту являлись вопросы заработной платы. При стачке прядильщиков Невской бумагопрядильни в Петербурге стачечники, кроме судебной ответственности (3 — 7 дней ареста), подверглись и административной высылке.

В 1871 г. печатью отмечены вновь волнения в Орехове-Зуеве и стачка 4.000 извозчиков в Одессе, протестовавших против введения таксы. В июне 1872 г. была стачка строительных рабочих в Кронштадте, боровшихся за повышение платы и уничтожение штрафов, причем рабочие оказали сопротивление аресту одного из руководителей, что вызвало присылку вооруженной команды. В августе того же года начались волнения на Кренгольмской мануфактуре около города Нарвы. Требования

---

[1]) О несчастн. случаях см. Погожев, „Фабр. быт Германии и России". 1882. О гигиенич. условиях и санитар. состоянии фабрик факты собраны у Пажитнова.

рабочих сводились к сокращению рабочего времени, предоставлению детям возможности посещать школу, уменьшению штрафов. Арест делегатов, посланных рабочими к губернатору, вызвал общую стачку (11 сент.), шествие в гор. Нарву толпой, столкновение с солдатами. 18 сентября стачка прекратилась после ареста руководителей. В январе 1873 г. была забастовка на фабрике Михина в Костроме из-за принуждения рабочих работать в день Нового года. В том же году была стачка на солеварных промыслах Баскунчакского озера (Астрах. губ.), вызванная неаккуратным расчетом; во время стачки объездчики, по приказанию управляющего Акимова, замучили одного рабочего на смерть, а жандармские власти затушили уголовное дело, возбужденное против Акимова [1]). В 1874 году штрафы вызвали забастовку на суконной фабрике Лазарева в Москве (в конце октября), причем суд в конце-концов оправдал забастовщиков в виду явных злоупотреблений фабриканта. В том же году в Ландварове Виленской губ. бастовал гвоздильно-проволочный завод. В 1875 г. произошли беспорядки на заводе Юза из-за невыдачи конторой заработанных денег: рабочие разгромили лавки и трактиры. Дело кончилось присылкой военной команды. Продолжающаяся неуплата денег вызвала повторение беспорядков через месяц. Изменение выговоренных условий найма вызвало в мае того же года мирную стачку 800 рабочих на постройке Оренбургской жел. дор.; стачка окончилась телесным наказанием, примененным властями ко всем участникам, после чего 15 человек было сослано в Архангельскую губ. В июле этого же года 4.000 рабочих мануфактуры Коншина в Серпухове бастовали, требуя отмены штрафов и произвольных вычетов; рабочие держались очень стойко и выиграли стачку. В Вильне на табачной фабрике Дурунча рабочие потребовали повышения рабочей платы и „передачи рабочей кассы в ведение выборных от рабочих". Стачка была подготовлена рабочими, которые вошли в соглашение с рабочими других трех табачных фабрик, обещавших им поддержку. Фабриканты ожидали общей за-

[1]) „Вперед", 1875 г., № 22.

бастовки; однако, полицейские меры ее предотвратили, а рабочие Дурунча получили общий расчет. В 1876 г. борьба со штрафами вызвала в марте стачки 500 прядильщиков на мануфактуре Саввы Морозова в Орехове-Зуеве и 400 рабочих Мышегского чугуно-литейного завода в Тарусском уезде Калужской губ. Первая из них увенчалась успехом. В 1877 г. ткачи в Белостоке успешно боролись за увеличение расценок.

За этот период, с 1865 до 1877 г., зарегистрованные литературой стачки должны были охватывать около 20 тысяч рабочих. Их главным мотивом являлся протест против особенно вопиющих, из ряда выходящих злоупотреблений фабрикантов, в области особенно штрафов и других вычетов из заработной платы. Характер движения был стихийный и судорожный, элемент сознательности в них еще очень слаб.

К концу этого периода, впрочем, относится событие, указавшее русскому обществу на наличность более серьезного брожения в рядах рабочих. В организованной революционным обществом „Земли и Воли" демонстрации на Казанской площади в Петербурге (6 декабря 1876 г.) приняло участие до 200 рабочих. Но массы петербургских рабочих эта манифестация, конечно, не коснулась.

Средина 70-х гг. была временем промышленного застоя. С 1878 г. начинается промышленное оживление. Этим, очевидно, объясняется учащение стачек, наблюдаемое с 1878 г. Стачки в большинстве случаев продолжают носить со стороны рабочих оборонительный характер, в отличие от стран с развитым и организованным рабочим движением, где периоды промышленного подъема являются периодами аггресивного экономического движения рабочих. Если, при всей несознательности рабочих масс, в этот период экономического подъема происходят оборонительные стачки, то причиной этого являлась тенденция капиталистов даже и при благоприятной промышленной конъюнктуре посягать на уже установившиеся условия найма (особенно на нормы расценок). С другой стороны, благодаря промышленному процветанию, рабочие, в случаях известных нам за этот период стачек, легче, чем в предыдущий период, добивались удовлетворения всех требований, несмотря на то,

что к этому времени введения в разных местах России исключительных правил и учреждения генерал-губернаторств давление администрации на стачечников проявлялось еще более сурово, чем прежде. В связи с большой легкостью, с которой стачечники добивались успеха, стоит, очевидно, менее значительное, чем в предыдущий период, количество случаев, когда мирная стачка осложнялась разгромом зданий и подобными явлениями массового терроризма.

Не следует также упускать из вида, что рассматриваемый период (1878—1881 гг.) был временем общественного оживления, роста оппозиционного движения имущих классов, студенческих волнений и разгара революционной борьбы „Земли и Воли" и „Народной Воли". Эти обстоятельства несомненно сказались на настроении рабочих масс, обострив их чувствительность, как это, между прочим, видно из некоторых правительственных документов того времени, напр., из всеподданнейшего отчета харьковского губернатора за 1878 г. [1]). К тому же на фабриках и заводах крупных центров в то время были рассеяны элементы, входившие в состав революционных обществ и оказывавшие на массу то или иное воздействие в моменты брожения.

В 29 стачках, сведения о которых мы могли собрать за период трех лет 1878—1880 гг., приняло участие от 30 до 35 тысяч рабочих. В 1878 г. бастовали в Петербурге: Новая бумагопрядильня, прядильная фабрика Кенига, завод Курикина, фортепианная фабрика Беккера, табачные фабрики Шапшал и Мичри, в Москве были забастовки на 2 фабриках, в Костроме на заводе Шипова, в Одессе бастовали грузчики товарной станции. Мотивами большинства стачек была борьба против понижения расценок, штрафов и неправильной расплаты. Стачка в Новой бумагопрядильне в Петербурге своими перипетиями привлекла к себе внимание петербургского общества, и мы на ней остановимся подробнее.

Стачка вспыхнула 27 февраля, когда рабочим было объявлено о понижении расценок. Стачечники обратились к градоначальнику с просьбой о вмешательстве и предъ-

[1]) Цит. у Плеханова „Русский рабочий" и т. д.

явили ряд разнообразных требований. По предложению градоначальника, они через неделю взялись за работу, полагаясь на его обещание, что вскоре будут даны фабрикой некоторые уступки. Когда 15 марта были вывешены новые правила, не содержавшие ни одного значительного улучшения условий труда, рабочие, считая, что градоначальник (ген. Козлов) их обманул, вновь заволновались и на следующий день вывесили на фабрике свои требования в такой редакции:

„1) Почти 15-тичасовая работа, в течение целого дня на ногах—работа непосильная; она убивает здоровье даже самого сильного человека, а на фабрике, кроме мужчин, работают и женщины и дети. Рабочие требуют сократить рабочее время на 2 часа. Начинать работу они хотят в 6 часов утра и кончать в 7 часов вечера, уделяя из этого времени полтора часа на обед [1]). 2) Теперь начальство само сознало, что брать одну копейку в день за вонючую и не всегда кипяченую воду не справедливо и обещается давать эту воду даром. Но это не подачка, а уступка необходимости. Теперь рабочие требуют, чтобы эти копейки, составляющие в год три рубля, были выданы рабочим обратно... ведь их брали не по правилам и даже в рабочих книжках о них ничего не было упомянуто. 3) Инструменты и машины, а также части машин, хозяева всегда выбирают сами и выбирают потом с лихвой затраченные на них деньги с рабочих. Но машины и инструменты не вечны: они постоянно ломаются, как и всякие другие вещи, и нас, рабочих, заставляют, кроме того, платить и за эту неизбежную порчу, взваливая на нас обвинения в умышленной их порче. Но кто же в этих случаях будет решать спор между рабочими и хозяином? Мы требуем уничтожения § 3 правил, чтобы за поломку челноков, вилок и щеток не взималась с нас плата. 4) Мы требуем непременно отмены штрафов за дурное поведение, так как *хозяин или его наемные холуи не могут быть беспристрастными судьями нашей нравственности*“. Далее идут требования уменьшения штрафов за прогульные дни,

[1]) Этой нормы рабочего дня петербургские рабочие текстильной промышленности добились, как известно, только в 1897 г.

повышения расценок (на 10%) и освобождения арестованных.

В тот же день рабочие отправились к дворцу наследника (будущего императора Александра III), чтобы лично ему подать жалобу. Последняя была принята и рабочим обещано расследование, которое ни к чему не привело. Жалоба начиналась словами: „Мы, обманутые рабочие бумагопрядильной фабрики, обращаемся к Вашему Высочеству с жалобой на притеснения наших хозяев и полиции". Рабочие просят, чтобы, в случае назначения следственной комиссии, в состав ее были введены выборные и от рабочих. Конец петиции напоминает текст той, которая была составлена в январские дни 1905 года; возможно, что она служила образцом для составителей последней. „Мы,—заявляют рабочие,—обращаемся к Вам, как к отцу. Если не будут удовлетворены наши справедливые требования, то мы тогда будем знать, что нам не на кого надеяться, что никто не заступится за нас и что мы должны положиться на нас и на свои руки" [1]).

В этой забастовке активную роль играли кружки „землевольцев" [2]). В том же 1878 году в марте рабочие Одессы приняли живое участие в бурной уличной демонстрации, разыгравшейся по поводу политического процесса Ковальского и др.

В самом начале 1879 г. стачка на Новой бумагопрядильне возобновилась в виду того, что администрация назначила к увольнению 44-х участников первой стачки. Бросив работу, стачечники выработали требования, аналогичные прошлогодним. К стачке примкнули рабочие Нарвской бумагопрядильни (Шау). Забастовщики действовали весьма организованно, обратились с просьбой о материальной поддержке к рабочим всех фабрик и заводов, рассылали на другие фабрики воззвания, собирались на сходки для обсуждения своей политики и взаимно обязывались круговой порукой. Волнение пере-

---

[1]) Все эти подробности взяты из описания стачки в газете „Начало" 1878 (№ 1). См. „Рев. литература 1870-х гг." Базилевского.

[2]) Подробности см. у Плеханова „Русский рабочий". Автор сам деятельно участвовал в руководстве стачкой.

далось на все текстильные фабрики: на фабриках Чешера и Мальцева стачка не состоялась, лишь благодаря обещаниям хозяев дать некоторые уступки. Власти решили подавить стачку силой и это им удалось на 10-й день после того, как произведен был ряд арестов и высылок, а все малолетние стачечники были подвергнуты наказанию розгами.

В том же 1879 г. были 4 забастовки, имевшие целью повышение заработной платы (3.900 рабочих мануфактур Третьяковых и Ильиной в Серпухове, 1.500 рабочих на 2 фабриках в Иваново-Вознесенске, на одной фабрике в Шуйском уезде и в м. Гуслицах под Москвой на фабрике Балашова; первые две окончились победой рабочих). Против увеличения рабочего дня (с 10 до 11 ч.) бастовали в марте и добились уступки после недельной забастовки мастеровые железнодорожных мастерских в Киеве (2.000 чел.). Против понижения расценок борьба велась в Серпухове (4.000 раб. на фабрике Коншина в январе) и в Петербурге на Семянниковском заводе (летом). Обе стачки также сопровождались успехом.

Неправильный расчет и злоупотребления властью фабриканта вызвали забастовки среди углекопов ст. Шохтной (июль), в железнодорожных мастерских Воронежа (17 июля), на суконной фабрике Шредера в Москве (сент.); та же причина (невыдача платы в срок) вызвала на заводе Семянникова перед Пасхой „бунт" в виде разгрома заводских помещений; рабочие были избиты нагайками казаков. Из последних движений успешна была только стачка в Воронеже. Наконец, здесь же следует упомянуть о происшедших в апреле 1879 г. крупных беспорядках в Ростове на-Дону, где рабочие, возбужденные арестом одного из сотоварищей, произвели разгром всех полицейских учреждений и в течение нескольких дней господствовали в городе.

В 1880 г. вызваны понижением расценок стачки на шерстоткацкой фабрике Каверина в Москве (февр.), на хлудовской мануфактуре в Ярцеве, Смоленской губ. (сент.), на фабрике Щербакова в Озерах, Коломен. у. (окт.) и на фабрике Серикова в Серпухове (нояб.). Только первая прошла успешно для рабочих. Хлудовская забастовка, благодаря грубому вмешательству мест-

ных властей, сопровождалась разгромом лавок и присылкой военной команды, после чего 800 из 2.600 стачечников высланы по этапу. Сверх того, происходили по разным поводам забастовки на фабр. Бровкина в Москве, заводе Голубева в Петербурге и киевских железнодорожных мастерских.

В 1881 г. в промышленности наступает застой, обостренный последовавшими в 1882—1884 г. кризисами во Франции и Соединенных Штатах. Застой длился вплоть до 1887 г. и вызвал еще неизвестные в России бедствия рабочего класса. В статье „Хроника рабочего труда в России" С. Приклонского [1]) приводятся такие данные о состоянии рабочего рынка в 1881 г.: на 4 фабриках и заводах Петербурга из 6.700 рабочих рассчитано 4.300; в Александровском уезде Владимирской губ. осталось без работы 9.000 рабочих, занятых размоткой шелка. На Ярцевской фабрике Хлудова рассчитано 2.000 рабочих; в Костромской губ. число рабочих сократилось на $^1/_3$, в пос. Клинцах (Черниговской г.) на 40%, а заработная плата понижена на $^1/_3$—$^1/_2$. На 20% понижена плата в мануфактурах Твери, где также часть рабочих рассчитана; в Иваново-Вознесенске массовые расчеты и увеличение штрафов, как метод фактического понижения платы; в Ржеве и его округе до 12.000 прядильщиков пеньки без работы; сокращение работ на Мальцевских заводах и в селе Павлове, где недельный заработок кустарей упал с 2 р. 50 к. до 80 к. В 1882 г., по свидетельству Туган-Барановского, в Варшаве летом было 20.000 безработных [2]).

За 6 лет (1881—1886) можно найти в литературе упоминание о 48 более или менее значительных стачках, охвативших более 80.000 рабочих. В действительности количество стачек было значительно *большим*; есть много данных, указывающих на то, что специально во Владимирском промышленном районе в средине 80-х гг. происходил ряд стачек, о которых точных сведений в печати не появлялось.

---

[1]) „Дело", 1883 г., январь.
[2]) Туган-Барановский. „Фабрика", стр. 334.

Значительное большинство стачек этого периода имело прямой или косвенной причиной понижение расценок; во втором случае дело шло о борьбе против возрастающих *штрафов* — скрытая форма понижения платы—или за смену мастеров, применявших штрафы и вычеты. Таковы поводы стачек на Пермском пушечном заводе (фев. 1882), на фаб. Дербенева в Иваново-Вознесенске (фев. 1882), на гвоздильном заводе в Петербурге (май 1882), в Брестских железнодорожных мастерских в Москве (ноябрь 1882), на мелких ткацких фабриках Белостока и в колоссальной мануфактуре в Жирардове (дек. 1882), равно как среди ткачей в Ревеле и на Кренгольмской мануфактуре и в железнодорожных мастерских Борисоглебска (в течение 1882 г.). По той же причине бастовали Вознесенская мануфактура Дмитровского у. (фев. 1883), Николаевские жел.-дор. мастерские в Москве (янв. 1884), Полтавские железнодорожные мастерские (апр. 1884), табачная фабрика Бостанжогло в Москве (май 1884), Тверская мануфактура Варвары Морозовой и Никольская Саввы Морозова в Ореховe-Зуеве (в янв. 1885), пять Иваново-Вознесенских фабрик (в сентябре 1885 г.), фарфоровый завод Кузнецова в Тверской губ. (ноябрь 1885). Повидимому, те же поводы играли роль в забастовках в Варшавско-Венских железнодорожных мастерских и на заводах Бромлея и Дависона в Москве (май 1882), на Жирардовской мануфактуре (авг. 1884), и на чугунном (1883 и 1886), и Путиловском (1884) заводах, и на фабриках Паля и Максвеля (осень 1886) в Петербурге. В 1884 г. в июне бастовал механический завод Максвеля против увеличения рабочего дня на $2^1/_2$ часа, а в декабре того же года на Вознесенской мануфактуре вновь разыгралась стачка, вызванная сокращением числа рабочих дней до 4 в неделю и завершившаяся победой рабочих.

Специально непомерные штрафы играли видную роль в поводах к недовольству рабочих на фаб. Дербенева в Иванове, в Николаевских железнодорожных мастерских, на фабр. Варвары и Саввы Морозовых, на заводе Кузнецова.

Следует еще упомянуть о неотлившихся в стачку волнениях среди варшавских рабочих в февр. 1883 г.,

заставивших полицмейстера отменить изданный им приказ, согласно которому все женщины-работницы, подобно проституткам, подлежали врачебно-полицейскому надзору. Наконец, осенью 1885 г. в Варшаве перед Королевским замком произошла бурная демонстрация безработных, требовавших себе работы [1]). На почве возраставшей безработицы происходил ряд стачек и волнений на пристанях Херсона, Таганрога, Твери, Рыбинска.

Стачки этого периода отличались и многочисленностью участников, и остротой своей формы. Железнодорожные мастеровые Варшавско-Венской дороги, забастовав, произвели уличные беспорядки. При стачке в Жирардове в декабре 1882 г. произошло столкновение 8.000 стачечников с войсками; солдаты стреляли, убив 3-х и ранив 13 стачечников. Во время стачки в Николаевских мастерских в Москве в янв. 1884 г. рабочие избили помощника начальника. Декабрьская стачка того же года на Вознесенской мануфактуре сопровождалась разгромом, были вызваны войска, и 115 стачечников подверглись высылке. Разгром произведен был также ткачами Морозовской мануфактуры в Твери и орехово-зуевскими ткачами Саввы Морозова, а также рабочими завода Кузнецова.

Рядом с этими проявлениями резкого классового возмущения замечается более организованный характер стачек и более сознательное формулирование требований. В этом отношении знаменательный факт представляла стачка 70 еврейских ткачей в Белостоке, происшедшая, как выше указано, в дек. 1882 г. Она происходила при организованной поддержке со стороны небастовавших еврейских рабочих, которые обложили себя определенным сбором в пользу стачечников, и при бойкоте мест стачечников со стороны ткачей-немцев [2]). Стачка была, благодаря этому обстоятельству, выиграна. Стачка в Жирардове, закончившаяся кровопролитием, была в значительной мере стачкой солидарности громадного большинства рабочих, поддержавших забасто-

---

[1]) См. Мазовецкий. „История социалистического движения в Польше". Загр. изд. 1904 г.

[2]) С. Прокопович, „К рабочему вопросу", стр. 62.

вавших шпульниц. Начатая требованием сохранения старой нормы заработка, она продолжалась под флагом требования сокращения рабочего времени на 1 час [1]). Когда жандармские власти привлекли к суду 11 рабочих Александровских железнодорожных мастерских, в которых происходила борьба путем „саботажа" (загромождения железнодорожного пути) против системы сдачи работ подрядчикам, то все 200 стачечников явились в камеру мирового судьи, требуя, чтобы и их привлекли к ответственности [2]).

Пример чрезвычайной для того времени организованности и планомерности представляла собой знаменитая стачка на Никольской мануфактуре Саввы Морозова. Ей предшествовала агитационная деятельность рабочих Мосеенко, Волкова и Иванова, которые явились и руководителями самой забастовки. План стачки был выработан на предварительных собраниях влиятельных рабочих. Прибывшему в начале стачки губернатору Волков, в качестве делегата, предъявил тщательно разработанные требования стачечников, заключавшие в себе возвращение штрафов за несколько лет, нормировку их в будущем (не свыше 50% заработка), регулирование браковки товара, вознаграждение за забастовку и организованное представительство рабочих в лице избранных ими старост. Во время забастовки вожди стачечников старались поддержать среди них полный порядок: происшедший 9 января разгром был делом безработных и хулиганов. Арест Волкова вызвал попытку отбить его силой. Стачка закончилась двумя судебными процессами и высылкой 800 рабочих, но тетрадь требований, предъявленная Волковым, послужила материалом для последовавшего фабричного законодательства [3]).

Значительная организованность видна в Иваново-Вознесенской забастовке сентября 1885 г., в которой участвовало 6.000 рабочих пяти крупных фабрик, повидимому, предварительно сговорившихся между собой. Поводом послужило введение на фабрике 9-тичасовых смен

[1]) Л. Плохоцкий, „Стачечная борьба польских рабочих". „Жизнь", № 6. Женева. 1902 г.
[2]) „Нар. Воля", № 11—12.
[3]) 10-тилетие Морозовской стачки. Женева. 1896 г.

в виду только что изданного закона, воспретившего ночную работу женщин. При сдельной плате это нововведение означало падение заработка, и рабочие требовали повышения расценок, чего и добились.

Ноябрьская стачка на фарфоровом заводе Кузнецова в том же году была подготовлена на тайном собрании 100 рабочих. Арестованные полицией „зачинщики" были толпой освобождены из-под ареста [1]).

В осенних стачках 1886 г. в Петербурге руководство принадлежало кружкам рабочих-социалистов, имевших связи с народовольческими кружками интеллигентов [2]).

Начавшееся в 1887 г. промышленное оживление, вместе с изданием ряда фабричных законов и введением фабричной инспекции, значительно ослабило интенсивность рабочего движения. За период с 1887 по 1889 год количество стачек очень незначительно. В 1887 г. была в течение июля и августа „перемежающаяся" забастовка ткачей Белостока: пока одни мастерские бастовали, другие продолжали работать и поддерживать бастующих. Благодаря этому способу действия, свидетельствующему об организованности стачки, последняя увенчалась успехом: рабочие добились увеличения расценок. Стачка 300 чесальщиков на фабрике Зотова в Костроме (ноябрь 1887), направленная против понижения расценок, потерпела поражение. Летом 1887 года была неудачная стачка на фабр. Максвеля в Петербурге. В 1888 году в конце сентября началась стачка в Шуе, охватившая 4 крупные фабрики и длившаяся 10 дней. Ее повод был тот же, что в Иваново-Вознесенской стачке 1885 года: протест против введения двухсменной работы, сократившей заработок. Результат стачки был невыгоден для рабочих: фабриканты ввели одну 13-ти часовую смену, причем число занятых рабочих было сокращено. К тому же 1888 году относится начало стачечного движения среди еврейских ремесленных подмастерьев г. Вильны. В 1889 г. происходят мелкие забастовки на фабриках Иваново-Вознесенска, направленные против ночной работы.

---

[1]) Прокопович, „К рабочему вопросу", стр. 68.

[2]) Из „Рабочего движения за Невской заставой". Воспоминания рабочего. Женева. 1900.

III.

Правительство и рабочий вопрос до начала 90-х годов.

Промышленный кризис начала 80-х годов с сопровождавшей его острой безработицей, равно как и многочисленные волнения рабочих и участие отдельных единиц из их среды в сенсационных политических процессах—все это выдвинуло рабочий вопрос на видное место в ряду вопросов, занимавших внимание общества. Периодическая литература впервые посвящает сравнительно много места рабочему вопросу. В январской книжке умеренно-либеральной „Русской Речи" за 1881 г. указывается на то, что до последнего времени думали, что рабочего вопроса в России не существует; однако, волнения последних лет и особенно появление на скамье подсудимых по политическим делам таких личностей, как Пресняков, Окладский и Тихонов [1]), показывают, что Россия в этом отношении мало отличается от других стран.

„Долго замалчиваемый у нас рабочий вопрос,—писал С. Приклонский,—как будто вырос из земли и предстал пред нашими глазами в то время, когда продолжительный промышленный кризис ухудшил положение рабочих" [2]).

Вместе с тем усиленное внимание обратило на рабочий вопрос и правительство Александра III. Восьмидесятые годы положили начало развитию русского фабричного законодательства.

С самого начала предыдущего царствования вопрос о регламентации отношений между наемными рабочими и капиталистами возникал в правящих сферах. Образо-

[1]) Все трое судились по процессу „Нар. Воли" в 1880 г.: первый казнен, остальные осуждены на каторгу за участие в ряде террористических актов.

[2]) С. Приклонский, „Хрон. рабоч. труда". „Дело", 1883 г. I. За 2 года до этого ту же мысль высказал революционный журнал „Земля и Воля" с своей точки зрения. („Вопрос о городском рабочем принадлежит к числу тех, которые выдвигаются самой жизнью на подобающее место").

ваны были еще в 1859 году две комиссии по выработке проекта правил для фабрик: одна при петербургском градоначальнике, другая—при министерстве финансов. Они проектировали запрещение ночной работы, запрещение детского труда и ограничение 10-ю часами труда подростков, учреждение инспекции и промысловых судов из представителей от рабочих и капиталистов.

Проекты эти встретили сочувствие со стороны некоторых крупных фабрикантов петербургского района, по крайней мере, в части, касающейся ночной работы и труда малолетних. Вся же остальная масса фабрикантов оказала проекту энергичную оппозицию, выдвигая принцип невмешательства государства в экономические отношения. Капиталисты ссылались на благодетельность физического труда для детей, отвлекающего их от праздности. Эта оппозиция вызвала со стороны тверского губернатора графа Баранова фразу в официальной бумаге о „тартюфовских" приемах фабрикантов, которые парадируют заботами о „свободе народного труда". „Освобождение крестьян,—писал гр. Баранов,—из крепости помещика естественно влечет за собой освобождение рабочих из крепости хозяев... Государству нужны здоровые, разумные и способные граждане, а не тупоумные, хотя с виду и очень покорные".

Проект введения фабричной инспекции особенно раздражил буржуазию. Московские и тверские фабриканты объявили его проявлением оскорбительного недоверия к их классу. Тверские фабриканты писали: „Фабрика есть дом трудолюбия, ночная ревизия фабрик похожа на следствие и может подать повод к всевозможным притеснениям со стороны ревизоров".

Несмотря на склонность правительства к усилению регламентации и опеки во всех сферах социальной жизни и на настроение известной части бюрократии, выразителем которой в данном случае являлся гр. Баранов и которая, с более или менее сословно-дворянской точки зрения, относилась к усиливающейся буржуазии без всякой благожелательности, — несмотря на это проекты комиссий 1859 г. не имели успеха: оппозиция фабрикантов привела к их крушению.

Положение рабочих на казенных фабриках и заводах в 60-х гг. уже было регулировано рядом правил, предоставивших рабочим гарантии, которых не знали их собратья в частной промышленности. Так, по положению 8 марта 1861 г. о горных заводах, были созданы горнозаводские товарищества, т.-е. организации для защиты профессиональных интересов рабочих. Ведению этих товариществ подлежали, между прочим, внутренние конфликты и недоразумения между заводоуправлениями и отдельными рабочими, причем наложение на виновных штрафов находилось в руках товариществ. Тем же положением установлено обязательство заводоуправлений поддерживать рабочего во время его болезни и определены пенсии пострадавшим от несчастных случаев и их семьям. Аналогичные постановления были созданы и для других казенных предприятий (жел. дорог, заводов морского и артиллер. ведомств и т. д.). В положении о частных золотых и платиновых приисках было также установлено вознаграждение рабочего или его семьи за понесенное на работе увечье или смерть „вследствие непринятия промышленником предписанных горным уставом предосторожностей".

В течение 70-х гг. опять две комиссии (Игнатьева в 1870 г. и Валуева в 1874 г.) пытались ограничить труд малолетних и подростков, но Государственный Совет не утвердил выработанных ими проектов, встретивших новую ожесточенную оппозицию фабрикантов (преимущественно московского района).

Только стачки конца 70-х и начала 80-х гг. заставили правительство игнорировать эту оппозицию. 1 июня 1882 г. издан был закон о работе малолетних, запрещавший фабричную работу для детей, не достигших 12-тилетнего возраста, и ночную, праздничную и воскресную работу детей вообще, а для дневной работы детей в возрасте от 12—15 лет установивший 8-ми час. норму, возложив при этом на фабрикантов обязательство предоставить время для посещения школы. Вместе с тем создана была, наконец, в России фабричная инспекция, но количественный состав ее был настолько незначителен, что она лишь в самой ничтожной степени могла следить за исполнением закона. Введение последнего

в действие было, в интересах фабрикантов, отсрочено на 2 года.

Этот первый русский фабричный закон с самого начала оставался позади не только требований гигиенистов, но и пожеланий представителей наиболее передовых отраслей крупной промышленности. Запрещения ночной работы,—и не только для детей, но и для женщин,—требовали представители петербургских бумагопрядилен, настаивая на том, что лишь такая мера предотвратит возможность чрезвычайного, носящего спекулятивный характер, расширения производства в моменты оживления рынка.

Те же фабриканты находили возможным нормирование рабочего дня взрослых мужчин 70 часами в неделю. Прибалтийские и польские фабриканты держались тех же взглядов. Но капиталистическая буржуазия московско-владимирского района, не вышедшая еще в сфере приемов эксплоатации из периода первоначального накопления, не шла ни на какие реформы, и, так как она составляла в то время один из главных оплотов воцарившейся в правительственных сферах воинствующей реакции [1]), последние не решались пойти дальше того, что составило содержание закона 1882 года, причем в 1884 г. были еще изданы правила об изъятиях из этого закона для некоторых производств.

Однако, усиливавшиеся волнения рабочих не позволили остановиться на этих полумерах. 4 февраля 1885 г. в отношении к министру финансов глава тогдашнего правительства, министр внутренних дел гр. Д. Толстой, писал: „Исследование местными властями причин... стачек рабочих обнаружило, что они грозили принять размер серьезных волнений и произошли, главным образом, вследствие отсутствия в нашем законодательстве общих постановлений, на основании коих могли бы определиться взаимные отношения фабрикантов и рабочих. Такой пробел в законодательстве, обусловливая разнообразные порядки на фабриках, открывал широкий простор произвольным, клонящимся к ущербу рабочих, распоряжениям фабрикантов и ставил первых в крайне тяжелое

[1]) Связь М. Н. Каткова с крупной буржуазией никогда не прерывалась.

положение: несоразмерно высокие штрафы в виду временного упадка промышленной деятельности часто служили в руках фабрикантов способом искусственного понижения заработной платы до того, что рабочий лишался возможности уплатить лежащие на нем повинности и прокормить свою семью; высокие цены в фабричных лавках и недобросовестность приказчиков вызывали справедливый ропот и недовольство рабочих, а недостаток точности при составлении условий с малограмотными людьми порождал постоянные споры в расчетах задельной платы... Совокупность всех изложенных, а также и многих других причин влекла за собою, как показал опыт, возникновение беспорядков, а необходимость для прекращения их прибегать к содействию войск в достаточной степени свидетельствовала о настоятельности приступить к составлению, в развитие действующего законодательства, таких нормальных правил, которые, ограничивая в известной степени произвол фабрикантов, способствовали бы устранению в будущем прискорбных случаев, имевших место в Московской и Владимирской губерниях".

Вслед затем была создана комиссия под председательством дир. департ. полиции В. К. Плеве для выработки нового закона. Но еще до окончания ее трудов был издан закон 3-го июня 1885 г., воспрещавший временно (на 3 года) занимать женщин и подростков (до 17 лет) ночной работой на хлопчатобумажных, шерстяных и полотняных фабриках [1]); в том же году расширен штат фабричных инспекторов.

Закон 1885 года, впервые регламентировавший труд взрослых женщин, оказал значительное влияние на ход рабочего движения: с одной стороны, он вызвал у рабочих-мужчин стремление отвоевать себе ту же свободу от ночного труда, особенно, поскольку он резко ставил вопрос о разрушении рабочей семьи, в которой муж должен был работать во время отдыха жены и обратно; с другой стороны, в тех отраслях текстильного производства, где женский труд преобладал, применение

[1]) В 1886 г. действие закона распространено на другие отрасли текстильного производства.

этого закона привело фабрикантов к введению двухсменной системы (по 9 часов), сократившей заработки рабочих—отсюда ряд стачек во Владимирской губернии, длившихся с перерывами до середины 90-х гг.

Комиссия Плеве представила проект общего фабричного закона в Государственный Совет, который и одобрил его. Закон был издан 3-го июня 1886 г. При его обсуждении в Государственном Совете высказывались, что положение рабочих является „прискорбным", и что „возникающее отсюда раздражение против фабрикантов, при трудности для темного люда отыскивать законным образом защиту своих прав, постоянно поддерживает в рабочих склонность искать восстановления этих прав путем стачек и беспорядков, сопровождающихся грубыми проявлениями своеволия и насилия" [1]).

В отчете Государственного Совета за 1886 г. появление закона 3-го июня комментируется так: „постепенно накопляющееся в классе фабричных рабочих недовольство делает его благоприятной, восприимчивой почвой для преступных учений, стремящихся к уничтожению государственного и общественного строя. Этим объясняется тот факт, что представители противоправительственной пропаганды сосредоточивают в последнее время свое внимание на фабричном населении и нередко скрываются в его рядах... В виду этого и в заботе о возможном устранении фабричных стачек и беспорядков министерство внутренних дел признало необходимым без дальнейших промедлений приступить к пересмотру существующих постановлений Устава о промышленности в смысле урегулирования взаимных отношений между фабрикантами и рабочими".

Составленная в 1892 году записка министерства финансов „о пересмотре статей закона, карающих забастовки", прямо заявляет, что „крупные беспорядки в Московской и Владимирской губерниях послужили толчком к изданию специального закона 3-го июня 1886 г." [2]).

---

[1]) См. Литвинов-Фалинский, „Фабричное законодательство и фабричная инспекция в России". Спб. 1900 г., стр. 61.

[2]) Записка эта напечатана в №№ 4—6 „Освобождения" за 1902 г. и в отдельных изданиях „Освобождения" и „Лиги Р. Р. С. Д." (Женева, 1902).

Главные постановления этого закона таковы: 1) обязательность расплаты не реже одного раза в месяц; 2) запрещение расплаты купонами и товарами; 3) запрещение вычетов для уплаты долгов рабочего конторе на покрытие расходов по врачебной помощи, за освещение и за пользование орудиями труда. Изданные в том же 1886 г. (1 октября) правила о надзоре за исполнением закона вводят обязательные расчетные книжки, регулируют штрафы и операции фабричных лавок. В общем, закон и правила удовлетворяют существенным из требований, выставленных рабочими во время забастовки в Орехове-Зуеве. Вместе с тем были расширены права фабричной инспекции и созданы коллегиальные губернские присутствия по фабричным делам, которым предоставлено штрафовать фабрикантов в размере 300 руб. и издавать, в развитие закона, обязательные постановления.

Другие стороны закона 1886 г., касающиеся репрессивной—по отношению к пролетариату—деятельности правительства, будут рассмотрены ниже[1]).

Новый закон вызвал бурю негодования со стороны капиталистов. Министр финансов Бунге был объявлен „социалистом". Правительство пошло навстречу претензиям фабрикантов, воспретив печатание отчетов фабричных инспекторов (эти отчеты не опубликовались после 1885 года). Последним пришлось вести упорную борьбу за проведение закона 1886 г. в жизнь; фабриканты всячески обходили закон, особенно в его постановлениях, регулирующих штрафы[2]). Давление фабрикантов и сочувствующей им консервативной прессы несомненно оказало влияние на последовавшее вскоре затем увольнение министра Бунге, замененного Вышнеградским. В начале 1887 г. последнему было подано ходатайство Московского отделения общества содействия торговли и промышленности, в котором заявлялось:

[1]) Первоначально действие закона было распространено лишь на Петербургскую, Московскую и Владимирскую губернии и лишь позднее на остальные.

[2]) Об этих обходах см. А. Микулин, „Очерки по истории применения закона 3 июня 1886 г. на фабриках и заводах Влад. губ." Владимир. 1893 г.

„Воззрения инспекции на взаимные отношения между фабрикантами и рабочими построены на совершенно ложном представлении о противоположности интересов сторон. Московское отделение, напротив, видит в сотрудничестве хозяев и рабочих на фабриках союз, основанный на сходстве интересов и различии способностей, дополняющих одно другое“ [1]).

В том же году при посещении министром Нижегородской ярмарки ему представлена была от всероссийского купечества докладная записка о нуждах промышленности и торговли. В записке вновь повторялись жалобы на закон 1886 г. и на инспекцию. Министр обещал удовлетворить ходатайства буржуазии.

Наступившее промышленное оживление и ослабление рабочего движения в его острых формах благоприятствовали фабрикантам. Правительство подвергло „очищению“ состав фабричной инспекции, удалив тех из инспекторов, которые вызвали против себя наибольшее раздражение буржуазии. А 24-го апреля 1890 г. издан новый закон, значительно испортивший реформу 1886 года. Он предоставлял фабричной инспекции дозволять воскресную и праздничную работу малолетних, а фабричным присутствиям или губернаторам—ночной труд женщин; отменил запрещение ночного труда подростков в стеклянном производстве и предоставил министрам финансов и внутренних дел разрешать на известный срок в отдельных производствах наем детей в возрасте 10—12 лет.

Если в развитии фабричного законодательства в собственном смысле слова мы наблюдаем чрезвычайную медленность и колебание, придающие ему зигзагообразное направление, то нельзя того же сказать о правительственной политике по отношению к рабочему движению, как проявлению классовой борьбы. Как в период неутверждаемых проектов, так и в краткую эпоху фабричного законодательства, репрессивная политика правительства развивалась систематически, следуя шаг за шагом за ходом рабочего движения.

В 1866 году, при издании нового Уложения о наказаниях, правда, была выкинута статья 1791 Уложения

[1]) Цитир. у Туган-Барановского, l. c., стр. 417.

1845 года, приравнивавшая „явное неповиновение“ фабриканту к „восстанию“. Она была найдена связанной с кабальными отношениями на фабрике, а потому устаревшей. Зато статья, каравшая арестом в размере от 3 недель до 3 месяцев участников стачек, происшедших в целях повышения заработной платы, была сохранена в силе, как ст. 1358 нового Уложения. Но она не успела еще быть примененной на практике, когда после стачки на Невской бумагопрядильне в Петрограде последовало (6 июня 1870 г.) высочайшее повеление о том, чтобы губернаторы, в случае стачек на фабриках и заводах, „не допуская дела до судебного разбирательства, немедленно по обнаружении главных зачинщиков, высылали таковых в одну из назначенных для того губерний“. 30 сентября 1871 г. право высылки распространено и на ремесленников.

В 1874 г. было издано дополнение к ст. 318 Уложения о наказаниях, каравшее ссылкой на житье в Сибирь, с лишением прав, или заключением в крепости за принадлежность к сообществу, имевшему целью „возбуждение вражды между хозяевами и рабочими“.

8 августа 1878 года состоялось повеление о предоставлении свободного доступа на все фабрики и заводы чинам полиции и жандармерии, с правом производства обысков и арестов. Мера эта, насколько известно, не вызвала со стороны капиталистов тех протестов против нарушения неприкосновенности их зданий, какие за 20 лет до того имели место по поводу проекта введения фабричной инспекции. В 1879 г. ген.-губернатор Юго-Западного края возложил на фабрикантов обязанность следить за „недопущением в среду рабочих распространителей вредных политических учений“, а в 1880 году фабрикантам дано право учреждать специальные политические должности при фабриках.

Закон 1886 г., удовлетворявший, как мы видели, часть требований рабочих, в то же время усиливал наказания за стачки и расширял сферу преследуемых деяний в этой области. Отныне наказуемыми становились стачки, направленные не только к возвышению заработной платы, но и других условий найма, а мера наказания повышена для „подстрекателей“ до 4—8 мес. тюремного заключе-

ния. В случае осложнения стачки повреждением имущества, наказание повышается до 8—16 мес. для подстрекателей и 4—8 мес. для участников; те же нормы установлены для пытающихся применить насилие против отказывающихся бастовать.

Помимо того, закон 1886 года устанавливает для рабочих уголовную ответственность за досрочное или—при найме на неопределенный срок—совершенное без предупреждения за 2 недели расторжение договора о найме; расторжение договора по ст. 51-й карается арестом до 1 месяца. Между тем, такое же расторжение договора со стороны фабриканта подвергает последнего лишь гражданской ответственности. Эту разницу закон мотивировал имущественной необеспеченностью рабочего. В цитированной выше записке м-ва финансов от 1902 г. говорится по этому поводу: „при всем старании нельзя отыскивать достаточно основательных мотивов, которые оправдывали бы существование статьи 51-й". Министерство признало, что оно „противоречит основным началам уголовного права" [1]). Между тем, по этой статье привлекались ежегодно сотни рабочих. Так, по данным сводов отчетов фабричных инспекторов, количество привлеченных к судебной ответственности по этой статье достигло:

во 2-й половине 1900 г.	872
в 1901 г.	640
в 1902 г.	561

В гор. Иваново-Вознесенске за 6 лет, с 1890 по 1895 г. привлечено 143 человека [2]).

В том же 1886 году были изданы правила о найме на сельские работы, в которых, рядом с наказанием рабочих за стачки и самовольный уход, заключалось еще несколько репрессивных постановлений, стесняющих личность и свободу сельского рабочего.

---

[1]) „Русский закон и рабочий". Штутгарт, 1902, стр. 8.
[2]) Данные взяты у С. Н. Прокоповича, стр. 93 и 95.

IV.

Зачатки социалистического рабочего движения (1860-е—90-е годы).

Вплоть до 90-х годов мы видим только стихийные экономические движения пролетариата, являющиеся непосредственной реакцией рабочих масс против условий жизни, в которые их ставит развитие капиталистических производственных отношений. Лишь в отдельных немногих случаях в этот стихийный процесс привходят известные элементы организованности, как то было в Морозовской стачке 1885 г. Для того, чтобы ясно представить себе картину превращения этого стихийного массового движения в движение организованное и пропитывающееся все большей классовой сознательностью, нам надо бросить беглый взгляд на различные факторы, которые воздействовали на рабочий класс *со стороны* и тем в той или иной мере способствовали подъему его интеллектуального уровня.

Отношение правительства к рабочему классу достаточно выяснено в предыдущей главе, как со стороны систематических репрессий по отношению к рабочему *движению*, так и со стороны тех его забот о рабочем классе, которые так или иначе выразились в развитии фабричного законодательства. Мы видели, что эти последние были всегда проникнуты духом опеки, характеризующим полицейское государство; поэтому в них нельзя найти и следа готовности содействовать развитию самодеятельности рабочих или хотя бы только терпеть ее. Равным образом, в области хотя бы элементарного школьного обучения правительство в рассматриваемый период так же мало заботилось о культурных нуждах фабрично-заводского пролетариата, как и о нуждах крестьянства.

Что касается общества, то из его самоуправляющихся органов, *земства* местами (напр., во Владимирской, Московской, частью Смоленской и Тверской губерниях) пытались активно вмешаться в отношения между рабочими и нанимателями и изданием „обязательных

постановлений" наложить узду на неограниченную эксплоатацию фабрикантов, преимущественно в сфере гигиенической обстановки фабричного труда. Что касается городских самоуправлений, находившихся в руках торговой и домовладельческой буржуазии, то они постоянно проявляли самое безучастное и черствое отношение к городскому пролетариату.

С либеральными и просвещенными элементами общества пролетариат впервые столкнулся в начале 60-х годов, когда возникло движение в пользу устройства воскресных школ. Обслуживая, вообще, городскую бедноту, они, между прочим, шли навстречу потребности в грамотности, обнаруживавшейся среди рабочих, преимущественно ремесленных. Как известно, воскресные школы скоро были повсеместно закрыты правительством, и самое увлечение общества просветительной деятельностью этого рода исчезло с окончанием подъема первой половины 60-х годов. Кое-где, впрочем, на фабриках уцелели школы, устроенные в этот период более или менее либеральными хозяевами.

Начавшееся тогда же увлечение кооперативами—преимущественно производительными—не имело каких-нибудь серьезных последствий: производительные артели, образованные интеллигентами в разных ремеслах, не достигли сколько-нибудь заметных размеров и скоро разрушились. В 70-е годы производительные ассоциации сменяются кооперативами других видов, но главной сферой их применения является деревня. Правда, в городах тогда же начинают основываться потребительные товарищества, но они основываются среди низших слоев буржуазных классов: чиновников, офицеров, служащих всякого рода. Некоторые из них, тем не менее, втянули в свою организацию и рабочих, и в 70-х годах насчитывалось уже некоторое количество потребительных обществ, основанных служащими, но включавших и известную часть рабочих (Путиловское, Брянское и др., равно как потребительные общества железнодорожников). Эти общества иногда пользовались материальной поддержкой капиталистов, и в этом можно видеть известное стремление последних, считаться с заявившим о себе в забастовках и волнениях рабочим классом.

Не затрагивая рабочих масс и будучи, по общему правилу, руководимы так, что рабочие занимали в них неравноправное и приниженное положение, эти потребительные общества все же известному слою рабочих (более пожилым квалифицированным рабочим) дали некоторый навык в организационном деле.

Имущие классы и интеллигенция способствовали также возникновению касс взаимопомощи и больничных касс среди наемных рабочих в торговле и промышленности. Особенно кассы типографщиков и приказчиков обязаны инициативе и материальной поддержке предпринимателей и представителей интеллигенции. В обществах взаимопомощи приказчиков еще в конце 90-х годов на 8 действительных членов приходился в среднем один почетный член или член-соревнователь, так что элемент филантропии играл видную роль в этих учреждениях взаимопомощи.

Комбинируя данные, собранные Прокоповичем [1]) о различных кассах взаимопомощи рабочих, приказчиков и ремесленников, мы находим, что к концу 80-х годов таких обществ насчитывалось:

Среди ремесленников	70	из них 58 в Прибалт. крае, 6 в Петербурге, по 1 в Москве, Одессе, Киеве, Саратове, Хвалынске и Кронштадте.
Среди приказчиков	34	
Среди типографщиков	13	в Варшаве, Риге, Дерпте, Петербурге, Москве, Одессе, Киеве, Харькове, Казани.
Среди горнорабочих Польши .	14	
Среди горнорабочих Урала . .	13	
Среди горнорабочих друг. мест.	13	на Кавказе, в Олонецкой губ. и в Пермской.
На фабриках и заводах . . .	13	1 в Риге, 3 в Либаве, 1 в Тукуме, 1 на Урале, 3 в Петербурге, 1 в Харькове, 1 в Туле.
Итого	160	

[1]) Прокопович. „К рабочему вопросу".

Сюда не входят: 1) обязательные кассы, устроенные в Варшавской и Гродненской губерниях с принудительным вычетом из заработной платы определенного процента; 2) такие же принудительные кассы при железных дорогах, и 3) многочисленные кассы еврейских ремесленников Литвы и Белоруссии, образовавшиеся из религиозных братств („хевры"), объединявшие мастеров и подмастерьев для дела взаимопомощи, но иногда, под влиянием внутренних антагонизмов, превращавшиеся в специально-подмастерские союзы, порою с чисто-боевыми задачами.

Что касается численного состава этих учреждений, то, напр., в приказчичьих обществах среднее число членов на 1 кассу (в 1898 году) было 275. Касса белостокских суконщиков в 1885 г. имела 1.000 членов. В 1891 г. 15 горнозаводских касс Урала, Кавказа и Олонецкой губ. насчитывали 7.934 члена.

Развитие касс взаимопомощи среди рабочего класса постоянно наталкивалось на препятствие со стороны бюрократии, несмотря на неоднократно делавшиеся представителями правительства заявления о полезности этих учреждений. В конце 1885 года группа рабочих шлиссельбургского участка гор. Петербурга подала заявление градоначальнику ген. Грессеру о разрешении им основать взаимно-вспомогательное общество по типу действовавшего с 1862 г. в Петербурге немецкого ремесленного общества „Пальма". Градоначальник, вызвав инициаторов, предложил им собрать и доставить ему подписи желающих быть членами общества. Когда это было сделано, все подписавшиеся (многие—семейные люди) были арестованы и высланы из столицы [1]).

Период 80-х гг. характеризовался значительным развитием культурно-просветительной деятельности либерального общества, далеко опередившим по размерам эпоху 60-х годов. Множество интеллигентных сил, разочаровавшихся в революционном движении, искало себе применения в этой сфере. Значительная доля этой культурно-просветительной работы была направлена

[1]) „Из рабоч. движения за Невской заставой". Женева, 1900, стр. 11.

в среду пролетариата. Издание дешевых книг („Посредник“ и другие фирмы), устройство книжных складов (например, А. М. Калмыковой в Петербурге), организация воскресных и вечерних школ—все это шло навстречу значительному подъему духовных интересов, которым характеризуются 80-е годы в жизни рабочих крупных промышленных центров. Этот подъем стоял несомненно в тесной связи с бурями, пережитыми рабочим классом во время стачечной полосы первой половины десятилетия. В течение 80-х годов во всех крупных городских центрах выработался известный, еще очень тонкий, слой рабочих, выделяющихся из окружающей среды своим культурным уровнем и интеллигентностью и находящихся в некотором общении с демократической частью интеллигенции. Когда в 1888 г. такою группою рабочих был послан адрес Глебу Успенскому по поводу юбилея его литературной деятельности, то знаменитый писатель в „Русской Мысли“ отметил нарождение „нового читателя“ из среды городского пролетариата [1]). Около того же времени другой писатель-народник С. Каронин (Н. Петропавловский) впервые изобразил в беллетристическом произведении (повесть „Снизу вверх“) тип нарождающегося рабочего-интеллигента, воспитанного условиями суровой капиталистической действительности.

---

[1]) Интересно привести некоторые выдержки из этого письма рабочих к известному писателю, дающие понятие о внутренней жизни упомянутого слоя рабочих в течение общественной реакции 80-х годов.

„Сколько прошло времени, сколько пролетело голых годов бесплодно, пока мы сами своим умом и желанием к развитию, а иногда с помощью добрых людей, добрались до хороших книг, которые открыли нам глаза, показали свет и правду. Мы сумели сами для себя из этих хороших книг извлечь пользу. Мы научились думать о своей жизни, о своих товарищах, о жизни разных людей, научились отличать добро от зла, правду от лжи“... „В праздничные дни и по вечерам мы полюбили читать хорошие книги, и вечер проходил незаметно. Довольные чтением, мы расходились с волнением в душе, и забывалась на время тяжелая доля рабочего, жизнь на заводах и фабриках, тяжелая, обидная, бесправная, полная бранью и унижением. Мы чахли в ней, и чахли наши дети по фабрикам и мастерским; но вера в добро и правду не покидала нас, облегчала измученное сердце, и надежда в душе загорается“. (Цит. у П. Б. Аксельрода „Рабочий класс и революционное движение в России“. Перев. с немецк. Библиотека „Обществ. Пользы“. Спб. 1907 стр. 24—25).

Общение с демократической интеллигенцией на почве удовлетворения культурных запросов, способствуя проникновению в среду рабочих либеральных взглядов этой интеллигенции, должно было в 80-х годах познакомить рабочих с *толстовством*, которое в это время имело большое влияние на умы интеллигенции. Толстовская критика церковного догматизма и пропаганда личного самоусовершенствования отвечали, в свою очередь, духовным запросам пробуждавшегося передового слоя рабочих. В Петербурге существовали кружки рабочих-толстовцев. Но религиозная критика и этическая пропаганда шли в рабочую среду и с другой стороны. В православном крестьянстве 80-е годы, как известно, ознаменовались сильным религиозным кризисом, выразившимся в развитии, главным образом, рационалистических сект. При тесной связи городской рабочей массы с деревней эти секты стали распространяться и в промышленных центрах. В Петербурге и Москве распространялась преимущественно секта бывшего уральского заводчика Пашкова [1]), но сюда также проникало и влияние штундизма. Последний сильно распространился среди рабочих южной России, особенно Одессы, Николаева, Екатеринослава, Севастополя.

Группы рабочих-сектантов обыкновенно стремились замыкаться в свой тесный мирок, изолированный от окружающей среды; полицейские преследования, которым они подвергались, лишь укрепляли их в этих стремлениях. Тем не менее, они оказывали несомненное влияние на рабочую массу, подрывая ее традиционное религиозное мировоззрение и содействуя развитию идейных запросов в ее среде.

Среди всех внешних влияний на промышленный пролетариат относительно наибольшее значение имела пропаганда идей утопического социализма, исходившая из тайных обществ, образованных революционной интеллигенцией.

Первые случаи обращения революционных кружков к рабочим относятся к началу 60-х годов в период

[1]) Она, повидимому, распространялась, главным образом, через домашнюю прислугу тех аристократических домов, в которых Пашков приобрел последователей.

увлечения интеллигенции воскресными школами. В 1862 г. в официальном органе „Северная Почта" было напечатано (№ 119 от 3 июня):

„Показаниями фабричных работников на Петербургской стороне обнаружено, что в двух воскресных школах (Сампсониевской на Выборг. стор. и Введенской на Петербургской) преподается учение, направленное к потрясению религиозных верований, к распространению социалистических понятий о праве собственности и к возмущению против правительства... По докладу о сем м—ра вн. дел, высочайше разрешено: учредить особую следственную комиссию для подробного исследования, при депутате от Министерства народного просвещения, действий распорядителей Сампсониевской и Введенской школ и преподаваемого в них обучения, и, вместе с тем, закрыть обе школы, впредь до окончания и определения следствия [1])".

Этот эпизод послужил поводом к нескольким жандармским расследованиям, в результате которых возникло два политических процесса. По первому Василий Хохряков был в феврале 1863 г. приговорен к 9 годам каторжных работ, студент Беневольский сослан на поселение, рабочие же В. Трифонов, Е. Коченков и М. Федоров присуждены к наказанию 15 розгами. Относительно второго процесса имеется такое известие в „Сенатских Ведомостях" (№ 43) за 1863 г.:

„По сентенции военного суда, 16 стрелкового батальона поручику Якову Ушакову, присужденному Генерал-Аудиториатом, на основании полевых уголовных законов, к лишению всех прав и смертной казни расстрелянием *за распространение вредных идей между фабричными работниками* посредством чтения и передачи им сочинений возмутительного содержания", смертная казнь заменена 4-х летней каторгой [2]).

В мотивированном приговоре Верховного уголовного суда по делу „Каракозовцев" (Прибавление к №78 „Сенатских Ведомостей", 1866 г.) читаем:

[1]) „Государственные преступления в России в XIX в.", под ред. Базилевского. Том I.

[2]) Там же. Я. Ушаков—в настоящее время член Государственного Совета и лидер крайней правой его фракции.

„Судебное следствие обнаружило, что еще в 1863 г. составился в Москве кружок из молодых людей, зараженных социалистическими идеями"... Они „старались... устроить завод в Жиздринском уезде на социальном (!) начале для рабочих Мальцевских заводов".

Есть данные о пропаганде среди рабочих членов тайного общества, организованного С. Нечаевым (1869 г.).

С начала 70-х годов социалистическое движение в интеллигенции приняло массовый характер. Тысячи интеллигентов, усвоив идеи социализма, посвятили себя пропаганде этих идей среди народа. С точки зрения тогдашних взглядов на социальное состояние России, они преимущественно обращали свое внимание на крестьянство, но частью связанные необходимостью жить и действовать в городах, частью расчитывая легко отыскать первых адептов среди более развитого городского населения, многие из них занялись пропагандой среди рабочих. Революционные общества, известные под именем „Чайковцев" (главным образом в Петербурге), кружков Долгушина (в Москве), Фел. Волховского (Одесса), равно как действовавшая преимущественно в центральном районе организация, основанная группой кавказцев и вернувшихся в Россию цюрихских эмигрантов (кн. Цицианов, Джабадари, Кардашев, Софья Бардина, сестры Фигнер, Любатович, Субботины и др.), кружки „бунтарей" в Киеве и Харькове, группы последователей П. Лаврова („лавристы"), вступали в сношения с единицами из рабочей среды, поселялись в рабочих артелях, основывали артельные мастерские и, образуя рабочие кружки, распространяли заграничные издания и легальную демократическую литературу. Особенно много в этом направлении сделал кружок „Чайковцев", члены которого кн. Крапоткин, Кравчинский (Степняк) и другие устраивали в фабричных предместьях Петербурга чтение систематических лекций по социально-политическим вопросам, и „московская" организация, члены которой, как С. Бардина и другие, поступали простыми работницами на фабрики, чтобы найти доступ к рабочей массе.

Заполнившая собою первую половину 70-х годов, эта пропаганда имела несомненный успех. Уже начиная

с 1872 г., в политических процессах на скамье подсудимых фигурируют рядовые рабочие, выступающие, как убежденные социалисты [1]). В 1875 году в Одессе социалист Заславский основал революционную рабочую организацию „Южно-русский рабочий союз", ставивший своей целью пропаганду среди рабочих социально-революционных идей. Союз охватил несколько десятков рабочих, но затем был разрушен арестами, а члены его подверглись ссылке на поселение по суду. В том же 1875 году группа русских анархистов в Женеве основала газету „Работник", расчитанную на пропаганду среди городского и сельского рабочего населения. В процессе „50-ти" (московской организации) в 1877 году вскрылись факты социалистической пропаганды в Москве и ее районе, в Иваново-Вознесенске и Туле. Обвиняемый ткач Петр Алексеев произнес на суде смелую речь, в которой говорил о закрепощении рабочих капиталистом, являющемся продолжением былого закрепощения помещиком. Речь эту, служившую долго после того агитационным целям, он закончил известными словами о „мускулистой руке рабочего", которая уничтожит „ярмо деспотизма" [2]).

Выше упоминалось об участии рабочих в демонстрациях 6 декабря 1876 г. на Казанской площади в Петербурге. Общество „Земля и Воля", организовавшее эту демонстрацию, посвящало много сил пропаганде среди рабочих (этой деятельностью особенно занимался, между прочим, Г. В. Плеханов), и под его влиянием находилось в Петербурге много кружков. Члены этих кружков играли активную роль в петербургских стачках 1878 г. Имея во главе весьма интеллигентных и энергичных деятелей, как Виктор Обнорский, Петерсен и особенно Степан Халтурин [3]), эти рабочие кружки в конце 1878 года

---

[1]) Таковы присужденные к каторге ткачи Александров, Герасимов, Тефтул, Союзов, Агапов, Петр Алексеев, Малиновский, умерший в тюрьме, Крылов и многие другие.

[2]) Осужденный на 6 лет каторги, Петр Алексеев был в 1891 г. убит в Якутской области с целью грабежа.

[3]) В. Обнорский был в 1880 г. сослан на каторгу, Петерсен оставался активным деятелем рабочего движения до последних лет. Участник двух террористических предприятий, Ст. Халтурин был казнен в Одессе в 1882 году.

задались целью создать одну рабочую организацию в Петербурге, которая могла бы затем превратиться в общую организацию пролетариата России. На собраниях 23 и 30 декабря 1878 г. организация была основана, под именем „Северного Союза русских рабочих". Вскоре появилась в печати программа Союза. В ее первых строках говорится:

„Сознавая крайне вредную сторону политического и экономического гнета, обрушивающегося на наши головы со всею силой своего невыносимого каприза, сознавая всю невыносимую тяжесть нашего социального положения, лишающего нас всякой возможности и надежды на сколько-нибудь сносное существование, сознавая, наконец, более невозможным сносить этот порядок вещей, грозящий нам полнейшим материальным лишением и парализацией духовных сил, мы, рабочие Петербурга, на общем собрании от 23 до 30 декабря 1878 года пришли к мысли об организации общерусского союза рабочих, который, сплачивая разрушенные силы городского и сельского рабочего населения и выясняя ему его собственные интересы, цели и стремления, служил бы ему достаточным оплотом в борьбе с социальным бесправием и давал бы ему ту органическую внутреннюю связь, какая необходима для успешного ведения борьбы".

Далее говорится: „Северный Союз русских рабочих", тесно примыкая по своим задачам *к социально-демократической партии Запада* [1]), ставит своей программой"... следуют пункты программы, заключающие замену существующего политического и экономического строя „свободной народной федерацией общин", „уничтожение поземельной собственности и замену ее общинным землевладением", „правильную ассоциационную организацию труда, предоставляющую в руки рабочих-производителей продукты и орудия производства". Вслед затем излагается программа-минимум, включающая свободу слова, печати, собраний и сходок, уничтожение сословных прав и привилегий, введение милиции и т. д., равно как „ограничение числа рабочих часов", запрещение детского труда, отмену косвенных налогов и учреждение про-

[1]) Курсив наш.

изводительных ассоциаций и даровой государственный кредит для них и крестьянских общин. Требование политических свобод мотивируется тем, что „политической свободой обеспечивается прежде всего решение социального вопроса“ [1]).

Программа Союза представляла, таким образом, комбинацию идей революционно-народнических с социал-демократическими в той их, окрашенной лассальянством, форме, в какой они были усвоены в то время германской социал-демократией. Слова о том, что Союз тесно примыкает к социал-демократической партии Запада, очевидно, имели в виду германскую социал-демократию; это указание тем более знаменательно, что в кругу тогдашних русских социалистов, проникнутых идеями бакунинского анархизма, эта партия считалась почти реакционной. Точно так же в разрез со взглядами социалистической интеллигенции шло установление программы-минимум и особенно требование политической свободы в пределах современного государства. Правда, введения парламентаризма программа не требовала, но уже одно ее указание на необходимость политической свободы для разрешения социального вопроса вызвало со стороны органа „Земля и Воля“ полемику, в которой этот орган справедливо указывал на эклектизм разбираемой программы.

„В теоретической части программы,—писал он,—мы не видим, к сожалению, полной последовательно развитой системы воззрений, а скорее смешение программ различных западных социалистических партий“.

„Отрицание государства и требование коммунальной автономии зачисляет наших товарищей в лагерь социалистов-революционеров...., а последующие параграфы программы *прямо взяты из катехизиса немецких социал-демократов*“ [2]).

„Вопросу о влиянии политической свободы в деле борьбы с эксплоататорами посвящается слишком много места, и решается он в программе слишком категориче-

---

[1]) См. Куклин. „Итоги революционного движения в России“. Женева. 1903.

[2]) Курсив наш.

ски в положительном смысле,—а положения программы о значении пропаганды фактами, об активной борьбе даже не дебатируются. О воззрениях „Сев. Союза“ на этот предмет можно догадываться лишь потому, что он включил стачки в число признанных орудий борьбы и пропаганды“ [1]).

На эту статью члены „Северного Союза“ ответили письмом, помещенным в № 5 того же органа [2]), представляющим один из наиболее интересных документов по истории эволюции общественной мысли в России.

„Главное обвинение,—пишут рабочие по поводу статьи в „Земле и Воле“,—сводилось к тому, что в нашей программе замечается путаница понятий и воззрений на различные оттенки революционной партии Запада и в особенности (что-де очень странно) замечается *смешение социалистических требований с конституционными* [3]). Мы верим, что наша программа, действительно, должна была вызвать порицания именно этой стороной, но только мы, с своей стороны, ничего в ней нелогичного не видим. Ведь, собственно говоря, если мы разбираем какое-нибудь суждение, то нам нужно обратить внимание на то, есть ли в нем логика, а не на то, из чьих мыслей и слов это суждение. Между тем, многие, как видно, именно и обращают свое внимание только на последнее, и посему в своих замечаниях доходили до того, что требование политической свободы нами, рабочими, считали просто нелепым и невяжущимся с вопросом об удовлетворении желудка“.

„Вот здесь-то, признаться, мы и не видим никакой логики, ничего кроме недомыслия. Ведь, высказать подобные соображения—значит прямо отказывать нам даже в малейшем понимании окружающих явлений, значит прямо глумиться над нашими мозгами и приписывать разрешение социального вопроса одним только желудкам. Боимся, чтобы при таком узком разрешении мы не поняли друг друга... Разве мы сами не знаем,

---

[1]) „Земля и Воля“, № 4 (напечат. в сборнике „Рев. литер. 70-х гг.“ апр. 200—201).

[2]) Там же, стр. 257—260.

[3]) Курсив наш.

что лучше быть сытым и мечтать о свободе, чем, сидя на пище святого Антония, добиваться свободы? *Но что же делать, если логика желаний и помыслов уступает перед нелогичностью истории и если политическая свобода является прежде социального удовлетворения?* [1]). Нас можно было бы еще упрекать, если бы мы составляли свою программу где-нибудь в Подлипной, обитатели которой дальше своей деревни да назойливого попа соседнего селения ничего не видят. В этом случае наша программа, конечно, кроме усмешки, ничего бы не вызвала, так как представления о Сысойке, умеющем хорошо лущить древесную кору для своего желудка, и о политической свободе как-то не вяжутся. *Но в том-то и сила, что мы уже вышли из условий этой жизни* [2]), начинаем сознавать происходящее вокруг нас, а главное, что и заставило нас выставить, повидимому, чуждые нам требования, мы составляем организацию не ради ее самой, а ради дальнейшей пропаганды и активной борьбы. Наша логика в данном случае коротка и проста. Нам нечего есть, негде жить,—и мы требуем себе пищи и жилища; нас ничему не учат, кроме ругательств и подпалочного подчинения, и мы требуем изменения этой первобытной системы воспитания. Но мы знаем, что требования наши так и останутся требованиями, если мы, сложа руки, будем взирать с умилением, как наши... хозяева распоряжаются нашими животами... И вот мы сплачиваемся, организуемся, берем близкое нашему сердцу знамя социального переворота и вступаем на путь борьбы. Но мы знаем также, что политическая свобода может гарантировать нас и нашу организацию от произвола властей, дозволит нам правильно развить свое мировоззрение и успешнее вести дело пропаганды,—и вот мы, ради сбережения своих сил и скорейшего успеха, требуем этой свободы, требуем отмены разных стеснительных „положений" и „уложений". Такое требование тем более удобовыполнимо, что оно по вкусу говорунам [3]), этим деятелям будущей всероссийской говорилки—следо-

---

[1]) Курсив наш.
[2]) Курсив наш.
[3]) Т.-е. либералам.

вательно, на осуществление его расчитывать не так трудно... Мы только говорим, что... политическая свобода все-таки очень важное условие для скорейшего переворота и более или менее осмысленного решения социального вопроса".

„Земля и Воля" не без ехидства спрашивала, почему программа „Союза" умалчивает об аграрном вопросе и что он думает требовать для крестьян—всеобщего ли передела земель или „последовательных реформ вроде отмены выкупных платежей за землю, переразверстки наделов и т. д."? Как известно, народники написали на своем знамени—„Черный передел". Члены „Союза" не уклонились от ответа и, признав, что они в своей программе „черезчур увлеклись своим городским положением и черезчур пропитались духом различных программ Запада", почему и не упомянули об аграрном вопросе, заявили, что „необходимыми требованиями" в этом вопросе считают: „увеличение наделов сообразно потребностям семьи на счет незанятых и помещичьих земель" и податную реформу.

По поводу указаний на отсутствие в программе упоминания о средствах борьбы „Союз" отвечал: „при слабости еще организации, при недостатке энергичных боевых сил, наша деятельность будет носить характер *пропаганды и мирной агитации*", не исключающей, однако, руководства стачками. И в этом пункте ответ шел в разрез с „бунтарским" направлением народнической интеллигенции.

В общем и целом изложенный документ носил на себе печать такого решительного перехода от традиций народнического бакунизма к современному социал-демократизму, который показывал ясно, что рабочий социализм не мог бы долго ужиться в рамках идеологии, господствовавшей в социалистической интеллигенции того времени.

Было бы, однако, ошибкой думать, что деятели „Северного Союза" сознательно стояли на почве учения о классовой борьбе. Воззвание, приложенное к программе и обращенное к рабочим, говорит о миссии „Союза" „обновить мир, возродить семью, установить собственность, как она должна быть, и воскресить великое учение Христа о братстве и равенстве".

„Союз“ в 1879 г. включал свыше 200 членов. Дальнейшему его росту препятствовали усилившиеся репрессии, вторжение провокаторов и особенно переход социалистов-землевольцев к террористической борьбе, в которой приняли участие и многие из членов „Союза“ [1]). К концу 1879 г. последний распался, не успев выпустить задуманной Халтуриным газеты для рабочих.

Период 1877—1879 гг. был также временем зарождения социалистических рабочих кружков среди польских рабочих г. Варшавы, где, благодаря большему развитию промышленности, непосредственному соседству с западноевропейскими странами и большей культурности рабочих, успех этой пропаганды был более заметным, чем в остальных частях России. К тому же польские социалисты, хотя и проникнутые, подобно русским, идеями бакунизма, с самого начала стояли на почве рабочего движения и не переживали полосы аграрно-социалистических увлечений. В этом первом периоде социалистического движения в Польше, закончившемся арестами в августе 1879 г., принимали деятельное участие выдвинувшиеся впоследствии Мендельсон, Людв. Варынский, В. Серошевский, Э. Пекарский.

В 1879 г. в Киеве и Одессе вновь образовался „Южно-русский рабочий союз“, распространивший свою деятельность на другие центры юга и просуществовавший до 1882 г. По своему направлению, этот „Союз“ не имел того самобытного характера, какой отмечал „Союз северно-русских рабочих“, и находился всецело под влиянием народнических и народовольческих взглядов, царивших в революционной среде. В Петербурге после распадения общества „Земли и Воли“ на „Нар. Волю“ и „Черн. Передел“, обе организации продолжали пропаганду среди рабочих и издавали для них в 1880 и 1881 гг. специальные газеты (народовольцы—„Рабочую Газету“, чернопередельцы—„Зерно“). Среди народовольцев активную роль, как агитатор в рабочей среде, играл Тимофей Михайлов (под именем Лапина), о котором

[1]) Революционные рабочие кружки начинают образовывать „боевые дружины“ и применять „фабричный террор“ в экономической борьбе.

прокурор Муравьев в процессе о цареубийцах выразился, что он был „апостолом петербургских рабочих“ [1]).

В первой половине 80-х годов народовольческие и чернопередельческие рабочие кружки существовали в Петербурге, Москве, Харькове, Таганроге, Ростове на-Д., Полтаве, Екатеринославе, Новочеркасске, Елизаветграде, Одессе, Киеве, Саратове, Николаеве. Деятельность этих кружков носила чисто-пропагандистский характер и, при незначительности охватываемого ими слоя рабочих, не оказывала влияния на общественную жизнь.

Иначе сложилось дело в Польше, где к началу 1882 г. из остатков кружков 1879 г. создалась социалистическая партия „Пролетариат“ (во главе с Куницким, Яновичем, Варынским, Пухевичем и др.). Эта партия выставила в своей программе принцип классовой борьбы пролетариата и повела довольно широкую агитацию среди рабочих масс в Варшаве, Жирардове, Лодзи, Згерже, Томашове и других фабричных центрах. Ее члены, организованные в многочисленные рабочие кружки, принимали участие в забастовках этого периода, и партии отчасти принадлежала инициатива в возбуждении массовых протестов рабочих (напр., в 1883 г. по поводу распоряжения полицеймейстера Варшавы о подчинении работниц врачебно-полицейскому надзору). Хотя партия „Пролетариат“ и не была чужда *бланкизма*, представляла себе политическое преобразование в виде захвата власти и официально исповедывала терроризм (на практике, впрочем, не примененный ею), тем не менее, по сравнению с тогдашними и прежними русскими революционными организациями, была в гораздо большей степени проникнута идеями научного социализма и рабочей социал-демократии. Признание ею террора привело к отделению части членов, во главе с Пухевичем образовавших организацию „Солидарность“ еще более социал-демократического типа. Последняя продержалась не долго. Сам „Пролетариат“ был уничтожен арестами 1884 г., приведшими к „процессу 29-ти“ в Варшаве, который закон-

[1]) Т. Михайлов был казнен по делу 1 марта. О его деятельности, как агитатора, см. в цитированной брошюре „Из рабоч. движения за Невской заставой“, а также В. Панкратов, „Из деятельности среди рабочих 1880—84 г.“ Изд-во „Молодая Россия“, Москва, 1906 г.

чился четырьмя смертными казнями. Речь Людв. Варынского [1]) на суде развивала марксистское понимание социалистической деятельности. „Мы,—сказал он,—подготовляли не переворот, а условия для переворота... Мы сумели сделать рабочее движение сознательным, сумели схватить его в тиски организационной дисциплины и, формулировав определенно программу средств и целей,—вести пролетариат к победе“ [2]).

В 1887 году возобновилась в значительно более узких рамках организация „Пролетариата“ в Варшаве и с перерывами, которые вызывались арестами, продолжала существовать до конца десятилетия. В 1889 г. рядом с нею возник ряд кружков рабочих, не сочувствовавших резко политическому и террористическому направлению „Пролетариата“. Они образовали „Рабочий Союз“, выдвинувший на первый план организацию экономической борьбы рабочих.

В самой России большая часть рабочих кружков была уничтожена во время тех массовых арестов и судебных процессов, которые, продолжаясь с 1882 по 1887 год, добили и без того, клонившееся к упадку революционное движение интеллигенции. Рабочие, объединившиеся в этих кружках, не успели поэтому ознакомиться с литературной пропагандой „Группы Освобождения Труда“, возникновение которой означало наступление новой эры в судьбах русского социализма. Упомянутая группа, образованная Г. В. Плехановым, П. Б. Аксельродом, В. И. Засулич, Л. Дейчем и вскоре умершим Игнатовым, положила в основу своей деятельности принципы научного социализма и призвала русских социалистов бросить народническую утопию и заговорщическую тактику, чтобы приступить к организации самостоятельной рабочей партии, которая объединяла бы сознательных рабочих и боролась прежде всего за политическую свободу.

Так как выступление „Группы Освобождения Труда“ совпало с полным торжеством общественной реакции, то ее пропаганда в первые годы не встречала почти

---

[1]) Л. Варынский умер в Шлиссельб. крепости.
[2]) См. Кульчицкий, 1. с., стр. 60.

вовсе отклика. Только в Петербурге в 1884 году группа интеллигентов, руководимая Благоевым [1]), пришла более или менее самостоятельно к усвоению социал-демократических идей и до 1886 г., когда была уничтожена арестами, вела в духе этих идей пропаганду среди рабочих, причем вступила в сношения с „Группой Освобождения Труда", члены которой (Плеханов и Аксельрод) поместили программные статьи в органе Благоевской группы „Рабочий" (вышло 2 №). Взгляды Благоева и его товарищей были окрашены в сильной степени лассальянством (требованием государственной помощи для производительных ассоциаций).

Влияние социал-демократической пропаганды „Группы Освобождения Труда" распространялось только на интеллигенцию, среди которой во 2-й половине 80-х годов у Плеханова уже имелись последователи. В немногих существовавших в течение 2-й половины 80-х гг. революционных группах, продолжавших действовать под знаменем „Народной Воли", находились люди, разделявшие полностью или отчасти марксистские идеи. Косвенное влияние этих идей сказывалось в том, что революционные группы конца 80-х гг. (в Петербурге, Минске, Киеве, Смоленске, Вильне, Одессе, Харькове, Костроме, Ростове на-Д.) не прерывали связей с передовыми фабрично-заводскими рабочими и вели среди них некоторую пропаганду, которая часто носила почти только культурно-просветительный характер.

Все эти попытки воздействия социалистической интеллигенции на пролетариат в течение 70-х и 80-х годов имели известное значение для подготовки того массового рабочего движения, которое окрасило собою последнее десятилетие XIX века. Мало отражаясь непосредственно на миллионах рабочего класса, эти пропагандистские попытки способствовали умножению числа сознательных единиц, рассеянных в рабочем классе, уплотнению культурного слоя рабочих, формировавшегося постепенно в процессе общественного развития. К моменту, когда общественная реакция начала приходить к концу, в про-

[1]) В настоящее время лидер одной из социалистических фракций в Болгарии.

мышленных центрах России среди этого культурного слоя рабочих, выдававшегося своим умственным и моральным уровнем над приниженной и темной рабочей массой, имелись уже тысячи единиц, прошедших известную школу политического воздействия.

В этой именно среде преимущественно рекрутировались члены социалистических организаций следующего периода. От нее исходила и инициатива организованной классовой борьбы.

V.

Стихийное и социалистическое рабочее движение в период 1890—1893 гг.

Начавшееся с 1887 г. промышленное оживление приостановилось в течение 1891—1892 гг., частью вследствие общего застоя на мировом рынке, частью же, благодаря голоду этих двух лет, отразившихся особенно на текстильной промышленности, которая работает преимущественно на сельского потребителя. Несмотря на то, что привоз иностранной хлопчатобумажной пряжи за трехлетие 1891—1893 гг. упал по сравнению с предыдущим трехлетием на $47^1/_2\%$ результат усиленного протекционизма во время министерства Вышнеградского [1]], потребление хлопка в русской промышленности поднялось за это трехлетие всего на $10{,}8\%$. Но действительного промышленного кризиса не было, и производство чугуна не переставало возрастать. За трехлетие 1888—1890 гг. оно достигло $145^1/_2$ милл. пудов, за период 1891—93 гг.—197 милл. [2]) (возрастание на 36%). Число занятых на фабриках и заводах, не обложенных акцизом, числилось 720 тыс. рабочих, в 1891 г.—738 тыс., в 1893 г.—860 тыс.

Однако, это увеличение числа занятых рабочих сопровождалось колоссальным наплывом в города безработных, выгнанных голодом из деревни. Благодаря этому обстоятельству, заработная плата подверглась понизе-

[1]) Туган-Барановский. „Фабрика", стр. 313.
[2]) Новый таможенный тариф 1891 г.

нию [1]), в то время как, благодаря неурожаям, цены на хлеб и другие продукты потребления сильно возрасли. Отсюда—острое состояние недовольства и беспокойства, охватившее рабочее население городов. В некоторых городах (напр., Витебск) оно выразилось в уличных беспорядках по поводу вздорожания хлеба. В Заверце, Петроковской губ. эти беспорядки (осенью 1891 г.) привели к столкновению с полицией и избиению демонстрантов. В городах Поволжья, где, благодаря неурожаю и упадку хлебной торговли, скопилась масса безработных портовых рабочих, то же недовольство нашло себе пищу в „холерных бунтах" (в Саратове, Астрахани, Царицыне, Хвалынске, Покровской слободе), принявших столь грозные размеры, что правительство для борьбы с ними прибегло к военным судам и смертным казням.

В рассматриваемый период стачечное движение в собственной России (без Польши) проявилось в ряде забастовок на Урале в 1890 году (в екатеринбургском округе их было 6—с требованием повышения заработной платы), стачке на табачной фабрике Богданова в Петербурге в начале 1891 года, стачке на ткацкой мануфактуре в Вышнем-Волочке (1894), в Ярославской Корзинкинской мануфактуре (1892), в железнодорожных мастерских Курско-Харьково-Севастопольской жел. дороги и на Юзовском заводе в 1892 г., стачке на Хлудовской бумагопрядильне в г. Егорьевске Рязанской губернии, поддержанной всеми остальными фабриками этого города в 1893 г., общей забастовке ткацких фабрик в Шуе в том же году и, наконец, в ряде стачек в ремесленных мастерских разных цехов гор. Вильны в течение 1892—93 гг. (особенно стачка портных в течение осени 1893 г.). Регистрация острых столкновений труда с капиталом в это время в периодической прессе всего менее отличалась полнотой, и следует допустить, что в действительности стачек было больше, особенно в течение 1892 года в промышленном центральном районе, где рабочим приходилось отстаивать заработную плату от попыток пониже-

[1]) За пятилетие 1891—95 гг. средний заработок рабочего-мужчины на мануф. Цинделя в Москве составлял 231 р. 60 к. против 236 р. 60 к. в предыдущее и 247 р. 30 к. в последующее десятилетие (Шестаков. Рабочие на мануфактуре тов. Эмиль Циндель". Москва. 1900).

ния ее фабрикантами, которые стремились использовать наплыв безработных из деревни.

В стачках на фабриках главным мотивом являлось повышение заработной платы или борьба против ее понижения; в стачках же ремесленников в Вильне главная борьба сосредоточивалась на сокращении рабочего дня. Железнодорожные рабочие Курско-Харьково-Севастопольской железной дороги боролись в 1892 г. против введения расчетных книжек, так как при этом введении администрация пыталась кодифицировать ряд таких ухудшений в условиях труда, которые, будучи установлены в предыдущий период, еще оспаривались рабочими. Стачка 1892 г. на Ярославской мануфактуре и Егорьевская стачка 1893 г., равно как Юзовская стачка, сопровождались фабричными погромами и вмешательством вооруженной силы [1]). В общем, стачки (кроме движений виленских ремесленников) кончаются поражением рабочих.

По выдержанности рабочих и их единодушию, общая стачка в Шуе (летом 1893 года) выделялась в ряду одновременных с нею столкновений труда с капиталом. Эта стачка являлась логическим продолжением движения 1888 года и началась во имя сокращения рабочего дня, как только обнаружившееся промышленное оживление позволило рабочим надеяться на успех их выступления. Стачка длилась неделю и закончилась победой рабочих: с 1 октября 1893 года на всех фабриках Шуи введен 12-ти часовой рабочий день (вместо 13-ти часов) [2]).

В Польше период 1890—93 гг. богат рядом массовых стачечных движений, превосходивших по своим размерам не только одновременные движения в остальной России, но и аналогичные движения польских рабочих во второй половине 80-х гг. Количество бастовавших за этот период рабочих Польши значительно превзошло 100.000. Стачки происходили среди горнорабочих Домброва (в 1891 г. на копи „Нивка“, в июле 1892 г. на нескольких копях), среди текстильных рабочих в Лодзи и Жи-

[1]) В Юзовке рабочие волнения сплелись с „холерным бунтом“ и закончились военным судом и смертными приговорами.

[2]) См. „Продолжительность рабочего дня и заработная плата“. Издание м-ва финансов. 1896 г., стр. 13.

рардове в мае 1891 г., в Лодзи, Томашове, Згерже, Побианицах и Здунской Воле в мае следующего (1892) года, среди ремесленных рабочих и на мелких фабриках Варшавы в мае и июне 1891 г. и среди строительных рабочих в том же городе весной 1892 года. Борьба за повышение заработной платы и за сокращение рабочего дня, в значительном числе случаев увенчавшаяся успехом [1]), составляла главное содержание этого движения, в котором значительную роль играла агитация социалистических организаций. Стачка в Томашове в июне 1892 г., подобно стачке на Курско-Севастоп. дороге того же года (см. выше), была направлена против введения расчетных книжек и вызвана теми же мотивами.

Происходившие в тесной связи с деятельностью социалистов стачки в Польше, первоначально встретившие сравнительно терпимое отношение со стороны правительственной администрации, затем наталкиваются на решительное противодействие с ее стороны. В мае 1891 г. во время стачки в Жирардове, несмотря на выдержанное и спокойное поведение стачечников, вмешательство полиции в стачку вызвало ряд уличных схваток, которые послужили поводом для вызова войск. Войсками руководил лично варшавский губернатор Медем. Произошли новые столкновения, заключившиеся избиением рабочих: несколько человек было убито, свыше 900 стачечников было арестовано и выслано [2]).

В следующем году еще более кровопролитные столкновения произошли в Лодзи. 5 мая началась забастовка на различных ткацких фабриках; рабочие требовали сокращения рабочего дня и увеличения заработной платы. Попытка стачечников „снимать" с работы рабочих других фабрик привела к столкновению с полицией и к аре-

---

[1]) Волнения, не переходившие в стачку, побудили администрацию Варшавско-Венских железнодорожных мастерских повысить весной 1890 г. заработную плату на 10%; строительные рабочие добились в Варшаве повышения платы на 10% и сокращения рабочего времени с 14 до 12 часов; таких же уступок добились после стачек 1892 г. на фабриках Згержа, Томашова, Здунской Воли и Побианиц; в Лодзи на многих ткацких фабриках хозяева, опасаясь волнений, уменьшили весной 1892 г. рабочий день на 1 час.

[2]) Кульчицкий, 1. с., стр. 95—96.

стам рабочих. Тогда рабочие одной из крупных фабрик—Познанского—попытались отбить арестованных. В солдат, конвоировавших последних, полетели камни; солдаты отвечали выстрелами, убившими 5 человек, в том числе двух малолетних и одну женщину. Разъяренная толпа заставила солдат отступить.

Высшие власти края предписали самые строгие меры репрессии. Утверждают, что тогдашний варшавский генерал-губернатор Гурко телеграфировал губернатору Миллеру: „Стрелять, патронов не жалеть". Действуя маленькими отрядами, войска для рассеяния толпы рабочих, пускали в ход огнестрельное оружие. Новые трупы еще более ожесточили рабочих; стачка стала всеобщей, и рабочее население, отбивая повсюду арестованных, овладев тюрьмой и некоторыми казармами, становилось хозяином в городе. Власти и капиталисты покидали город. Между тем, в предместьи Балуты, повидимому, не без участия агентов полиции, хулиганами был произведен еврейский погром. Стянутые со всех сторон войска заполнили город и подавили стачку, которая захватила несколько десятков тысяч рабочих. Губернатор запретил фабрикантам делать какие бы то ни было уступки стачечникам. Число убитых во время этих дней рабочих было не менее 40—50. События в Лодзи привлекли к себе внимание русского и польского общества и были им встречены как проявление революционного движения рабочего класса, несмотря на старания реакционной прессы представить их в виде стихийного погромного движения [1]). Лодзинские фабриканты обратились к правительству с ходатайством о регулировании законодательным путем рабочего дня по всей империи. Ходатайство было отклонено [2]); как выше упомянуто, в следующем году лодзинские фабриканты сами сократили ра-

---

[1]) См. о лодзинских событиях у Л. Плохоцкого „Стачечная борьба польских рабочих". „Жизнь" № 6. Женева. 1902 г., стр. 35—39.

[2]) Плохоцкий (там же, стр. 38) утверждает, что в связи с кровавым подавлением рабочего движения в Жирардове и Лодзи, этот неуспех ходатайства польских капиталистов о законодательном сокращении рабочего дня сыграл известную роль в усилении среди известной части польских рабочих сепаратистских тенденций, окрасивших социалистическое движение в Польше второй половины 90-х годов.

бочий день на 1 час, чтобы избежать повторения волнений.

Как жирардовские, так и лодзинские волнения находились в связи с майскими манифестациями, которые в Польше возникли одновременно с странами Западной Европы, т.-е. в 1890 г. Отголоском агитации и стачек 1890—1892 гг. явилось динамитное покушение в Лодзи в конце 1893 г. В дом крупного фабриканта Куницера, который при одном незначительном столкновении с рабочими вызвал казаков, применивших воздействие нагайками, была брошена бомба. Часть здания была разрушена, но человеческих жертв не было. Произведенное следствие, отличавшееся крайне жестокими мерами понуждения со стороны жандармских и полицейских властей, обнаружило существование значительной рабочей организации, из среды которой вышли виновники покушения. Пятеро рабочих [1]) были преданы военному суду, приговорившему их к смертной казни, замененной каторжными работами и ссылкой на поселение. Несколько десятков рабочих подверглись ссылке в административном порядке в северные и сибирские губернии.

Социалистическая агитация, под влиянием которой находилось рабочее движение в Польше, концентрировалась в начале десятилетия, с одной стороны, в группах, перенявших от старой организации имя и программу „Пролетариат", с другой стороны, в образовавшемся в начале 1890 года „Союзе польских рабочих", основателем которого Л. Кульчицкий называет Януша Танского († 1899 г.). Состоя преимущественно из рабочих, „Союз" признавал принципы международной социал-демократии, но, в применении этих принципов к местным условиям, ставил на первый план своей деятельности руководство экономической борьбой рабочих и организацию рабочих для этой борьбы. Соответственно этому, „Союз" на практике не вносил элементов политики в свою агитацию. Он организовал (преимущественно в Варшаве) стачечные боевые кассы в разных профессиях. По словам Л. Кульчицкого, в 1892 г. число рабочих, организованных в эти нелегально существовавшие кассы, доходило

[1]) Грубецкий, Клепсатель, отец и сын Корчмареки и Циммерман.

до 6.000 человек. Примыкающая к „Союзу" интеллигенция вела научно-социалистическую пропаганду в легальной польской печати.

Аресты ослабили в 1891 г. организацию „Союза", лишили ее главных интеллигентных сил, и в следующем году он сошел со сцены. В конце того же года началось объединение различных социалистических групп Польши, завершившееся образованием „Польской Социалистической Партии", в центре политической программы которой стояло образование самостоятельной польской республики, а в 1893 году выделились в особую организацию (С.-Д. Ц. Польского и Литвы) группы, отрицавшие необходимость борьбы за национальную самостоятельность.

На Парижском международном конгрессе 1889 г., постановившем ежегодную майскую манифестацию, присутствовал, в качестве делегата, варшавский рабочий-каменщик Владислав Ангельский [1]). Весной 1890 г. социалисты вели усиленную агитацию в Варшаве в пользу исполнения решения международного конгресса, и эта агитация имела значительный успех, привлекши внимание широких масс рабочих к идее систематической борьбы за сокращение рабочего дня. В день первого мая 1890 года в Варшаве бастовало до 10.000 рабочих; в 1891 г. первомайская забастовка была слабее в Варшаве вследствие принятых заранее администрацией мер; зато она распространилась на крупные фабрики Жирардова и Лодзи. В 1892 г. агитация по поводу 1 мая послужила толчком к тем событиям, которые окончились вышеописанной бойней. В 1893 г. майская забастовка произошла только среди кожевников и каменщиков Варшавы; рабочие заводов и фабрик работали под давлением полиции. Для развития рабочего движения в Польше майские манифестации имели громадное значение.

Голодовки 1891 и 1892 гг., в связи с „холерными" бунтами, вызвали внимание прогрессивных элементов русского общества к экономическим вопросам и в особенности остро поставили тот вопрос о судьбах русского капитализма и крестьянской общины, который в течение

[1]) Застрелился в 1899 г. в сибирской ссылке.

всех 80-х гг. уже вызвал в среде революционной демократической интеллигенции деление на народников и марксистов. Разоблаченный голодом факт массового разорения крестьянства, рядом с неуклонно идущим вперед развитием промышленного капитализма, много содействовал усилению влияния марксистских идей на счет идей старого народничества. Соответственно этому, усиливается тяга наиболее крайних элементов демократической интеллигенции к активной деятельности среди городского пролетариата и в тех тайных кружках, которые уже раньше занимались этой деятельностью, и среди тех интеллигентных одиночек, которые входили в общение с пролетариатом на почве легальной просветительной работы, марксисты приобрели перевес.

Распропагандированные частью марксистами-социал-демократами, частью народовольцами, петербургские рабочие весной 1891 года приняли участие в демонстрациях учащейся молодежи, посылавшей приветственные адресы и депутации к заболевшему писателю-публицисту И. В. Шелгунову [1]). Когда вскоре после того Шелгунов умер и на его похоронах студенческая молодежь организовала многолюдную демонстрацию, в последней приняло участие несколько десятков рабочих, возложивших венок с надписью: „Указателю пути к свободе и братству". Демонстрация эта была первым проявлением движения рабочих, находившихся под влиянием социал-демократических идей.

В том же 1891 году рабочие, организованные в социал-демократические кружки в Петербурге, устроили тайное собрание, посвященное дню 1 мая. В речах, про-

[1]) „Вы первый,—писали рабочие в своем адресе,—признали жалкое положение рабочего класса в России. Вы всегда старались и стараетесь до сих пор объяснить нам причины, которые отодвигают нас назад и держат нас в том угнетенном состоянии, в котором мы закованы, словно в железные цепи, нашими правителями и капиталистами... Вы выполнили свою задачу, показав нам как мы должны вести борьбу". Как справедливо указывает П. Аксельрод („Раб. класс и револ. движ. в России". Пер. с нем., Спб., 1907), написанные в 60-х гг. сочинения Шелгунова о рабочем вопросе (между прочим, его популяризация сочинения Ф. Энгельса о положении рабочего класса в Англии), были к 80-м гг. забыты интеллигенцией, но стали очень популярны среди рабочих.

изнесенных на этом собрании, воспроизведенных и распространенных между рабочими и учащейся молодежью, впервые были формулированы самими рабочими идеи классовой борьбы и классовой организации [1]). Такие же тайные майские собрания происходили в 1892 году в Петербурге и Вильне; в 1893 г.—в Вильне; В широких рабочих массах России еще о майской манифестации ничего не знали и, вообще, деятельность русских социалистических кружков, которые все больше принимали марксистскую программу „Группы Освобождения Труда", протекала совершенно вне движения широких масс.

---

[1]) В одной из речей оратор-рабочий, указав на прогрессивную роль демократической интеллигенции 70-х годов, пытавшейся пробудить русский народ, воскликнул: „Но народ не признал в них друзей и смотрел на них с недоверчивостью. Так понесем же теперь мы, товарищи, свое скромное знание в народ; не сумеем ли мы передать его народу и не поймет ли он теперь нас, потому что мы ближе стоим к нему, чем интеллигенция? Только жаль одного, что у нас нет ни откуда помощи, как было у прежних рабочих, исключая небольшой кучки людей, которым мы всегда отдадим сердечное спасибо. Нынешняя молодежь не слышит народного стона и не видит народного горя,— она и не думает о народе. Эта молодежь не что иное, как паразитический элемент общества: она способна только потреблять продукты общественного труда и не думает платить за эти труды народу". Господство реакционных настроений и общественного индифферентизма в интеллигенции того времени объясняет эту объективно-неправильную характеристику. В речи другого оратора находим конкретизацию политических задач. Чтобы осуществить общественное переустройство, „нам необходимо приобрести политические права", именно „учреждение конституции, основанной на всеобщем и прямом избирательном праве", подчинение армии и бюрократии законодательному собранию, свободу собраний, союзов, печати, бесплатное народное образование, суд присяжных. Рядом с этими политическими требованиями, как ближайшие экономические требования, указаны национализация земли и государственная помощь производительным ассоциациям. Последнее требование, как раз в 1891 г. вычеркнутое из программы германской социал-демократической партии, куда оно, вопреки протесту Маркса, было внесено под влиянием лассальянцев, фигурировало, как мы видели, в программе „Сев. русск. союза" и петерб. с.-д. группы Благоева. Его же ввела в свой проект программы (1885 г.) „Группа Освобождения Труда". Симпатии к идее производительных ассоциаций питались частью традициями народничества, частью популярными среди рабочих сочинениями Лассаля. Сильно распространенное еще в России мелкое производство питало иллюзии возможности широкого развития и процветания этой формы кооперации. В конце 80-х и начале 90-х гг. попытки организации производительных ассоциаций были нередки среди социал-демократов-рабочих ремесленного производства в Литве.

Только в Вильне в течение 1892 и 1893 гг., под непосредственным влиянием примера „Союза польских рабочих", социал-демократическая группа, руководимая А. Кремером и др., успешно организовала среди еврейских ремесленников и фабричных рабочих цеховые кассы, преследовавшие одновременно задачи взаимопомощи и поддержки в стачечной борьбе. Такие кассы были организованы среди портных, ювелиров, сапожников, столяров, слесарей, чулочниц, работниц конвертных фабрик, щетинщиков, табачников, наборщиков, литографов и других ремесленников [1]). Кассы оказывали отдельным своим членам моральную и материальную поддержку в столь частых в ремесленных мастерских и на мелких фабриках случаях неправильного расчета и тому подобных злоупотреблений и грубого обращения, организовали бойкот мест, принадлежавших уволенным членам и помогали рабочим в случае судебной тяжбы с хозяином; они же организовали в 1892 г. планомерное движение в пользу осуществления старинного закона XVIII века (1785 г.) об ограничении рабочего дня ремесленников 10 часами в сутки. Этот закон, не отмененный юридически, фактически нигде не применялся и был настолько забыт, что сами местные социал-демократы, по словам В. Акимова, натолкнулись на него случайно, когда виленский городской голова упомянул о нем в одном из обязательных постановлений.

Опираясь на почву закона, социал-демократы через посредство рабочих касс вызвали агитацию, в результате которой ремесленные рабочие разных цехов обращались сначала к административным властям, а затем к фабрич-

[1]) По словам доклада Бунда на Парижском конгрессе 1900 года, первая касса была организована в Вильне в 1888 г. чулочницами; затем кассы были основаны портными, заготовщиками и конвертницами. В 1893 г. кассы стали основываться в Минске, Сморгони, Гомеле и среди еврейских ремесленных рабочих в Варшаве. Эти основанные социал-демократами кассы часто натыкались на организации ремесленных рабочих, сложившиеся в дореформенное время и продолжавшие существовать в своей традиционной форме религиозных братств. В некоторых случаях эти старые организации непосредственно перерождались в боевые кассы. (См. у Прокоповича, „К рабочему вопросу", также у Акимова, „Очерк развития социал-демократии в России" и Rabinowitsch, „Die Organisationen des jüdischen Proletariats").

ной инспекции с ходатайствами об исполнении нарушенного закона. Местный фабричный инспектор, по букве закона не имевший никакого касательства к ремесленным мастерским, признал справедливость требований рабочих и оказывал соответствующее давление на хозяев. По сообщению доклада Бунда на Парижском социалистическом конгрессе 1900 г. [1]), виленский фабричный инспектор, к которому весной 1892 г. обратились портные с жалобой на несоблюдение закона 1785 г., предложил им „самовольно уходить из мастерских после 10 часов работы". Попытка провести нормальный рабочий день захватным путем была осуществлена портными и вызвала репрессии хозяев в виде увольнения 14-ти рабочих. За этим последовала стачка всех портных в городе, длившаяся 7 недель и положившая начало активному стачечному движению в Литве и Белоруссии.

Нет сомнения, что содействие, оказанное на первых порах еврейским ремесленным рабочим администрацией и особенно фабричной инспекцией в этой экономической борьбе и шедшей в разрез с общей политикой правительства по рабочему вопросу, объясняется экономической слабостью и политическим бесправием еврейской мелкой и средней буржуазии и традиционной враждой к ней со стороны бюрократии. Несомненно также, что это обстоятельство чрезвычайно облегчило первые шаги организованного движения еврейского пролетариата, которое к средине 90-х гг. значительно обогнало движение других народностей России (кроме поляков).

Во внутренней России социал-демократическая пропаганда велась в тесных замкнутых кружках, включавших наиболее развитую рабочую молодежь, которая не пользовалась влиянием на массы рабочих и оставалась в стороне от жизни последних. Поскольку социал-демократы, интеллигенты и рабочие (одни в качестве преподавателей, другие в качестве учеников) посещали воскресные и вечерние школы, имевшиеся кое-где, они оказывали известное пропагандистское воздействие на более

[1]) См. „Доклад о русском социал-демократическом движении Международному социалистическому конгрессу в Париже 1900 г." Издание „Союза". Женева. 1901, стр. 53.

широкий слой рабочей молодежи. Как это воздействие, так и самые занятия в социал-демократических кружках, носили на себе не менее отпечаток культурной работы, чем политической пропаганды, а суммы, собиравшиеся в специальные кассы, устроенные при некоторых кружках, большей частью тратились на устройство библиотек и выписку журналов и газет. Эта деятельность социал-демократических кружков оказала несомненно громадное влияние именно на повышение культурного уровня и моральное возрождение рабочего класса, который в течение 30 лет пореформенного развития, благодаря ухудшившимся экономическим условиям, в своей массе представлял класс приниженный, с низким уровнем культурных потребностей. Внеся сильную идеалистическую струю в жизнь наиболее отзывчивой рабочей молодежи и развивая жажду знаний, проявляющуюся в ней под влиянием экономических условий развивающегося крупного производства, социал-демократические кружки косвенно оказывали влияние на рабочий класс в целом, в стороне от которого они стояли, и это влияние было учтено в последующем периоде. В социально-политическом отношении эти кружки явились той ячейкой, из которой впоследствии развились рабочие кадры социал-демократии и вышли непосредственные руководители экономической и политической борьбы рабочих.

Рабочие кружки в начале 90-х г.г. существовали в Петербурге, Москве, Киеве, Риге, Вильне, Минске, Гомеле, Харькове, Костроме, Владимире, Иваново-Вознесенске, Ростове-на-Дону, Одессе, Туле, Казани, Нижнем-Новгороде, Саратове. В состав их входили преимущественно рабочие крупных механических заводов в столицах и ремесленные рабочие в провинции. В Одессе (1891—1893 г.г.), опираясь на следы работы прежних пропагандистов, социал-демократы образовывали кружки рабочих среди моряков торгового флота [1]) и среди строительных рабочих. В промышленном Владимирском районе пропаганда велась среди ткачей и прядильщиков;

[1]) Деятельность штурмана Калашникова, сосланного в Сибирь (застрелился в 1901 году).

в остальных же местах России фабричный пролетариат, вообще, гораздо менее был затронут пропагандой социалистов, чем пролетариат заводский.

О том, как медленно и с какими препятствиями развивалось дело кружковой социалистической пропаганды, можно судить по следующему рассказу о рабочих кружках в гор. Иваново-Вознесенске.

„... В течение 80-х годов ни о каких кружках среди рабочих не было слышно, и образование первого кружка, объединившего нескольких местных интеллигентов и рабочих, относится к началу 1890 г.

Кружок преследовал, главным образом, цели самообразования и отчасти пропаганды, но никакой определенной окраски не имел. После ареста в 1891 г. главарей (И. О. Слуховской, Крестов, Ноздрин, Ларионов, Ефраси и др.) кружок распался окончательно. Между тем, ивановские рабочие, уже воспитанные предшествовавшей (стачечной) борьбой, представляли из себя благодарную почву для восприятия социалистических идей. Недоставало только искорки, чтобы зажечь пожар, и эту искру привез с собою один интеллигент, высланный сюда из другого города. Этот товарищ в 1892 г. положил начало ивановской рабочей организации, существующей до сих пор, несмотря на все погромы. Быстро составился кружок в 7 человек рабочих, над которыми первое время, понятно, пришлось много работать. Одним из первых попал в кружок ткач Кирилл Николаевич Отроков, которому в то время было 20 лет [1]). Он более других рабочих интересовался религиозными вопросами, которые вообще очень занимают молодых рабочих. Вскоре, однако, удалось направить мысли рабочих на разрешение жизненных вопросов. О тяжелом экономическом положении русских рабочих говорить долго, конечно, не приходилось; это было слишком очевидный факт. Гораздо большее внимание уделялось положению западно-европейских рабочих, сравнению этого положения с русской действительностью и выяснению тех приемов, при помощи которых наши заграничные това-

[1]) Умер в 1899 г. в ссылке в Олонецкой губ.

рищи добились лучшей доли. Книга Беллами „Через 100 лет“ [1]) в то время принесла большую пользу. Вскоре основатель кружка должен был на 2 года оставить Иваново-Вознесенск, а в это время искорки все более и более разгорались. Члены кружка собирались, читали, учились и привлекали все новых и новых членов. Много было невыясненного у этих юнцов, оставшихся без всякого руководителя; была у них программа; но никто не мог ни растолковать, ни защитить ее как следует. В это время в кружке был поднят вопрос о значении потребительных обществ, а некоторые, в особенности Отроков, всегда упорный и энергичный в практических делах, настаивали на необходимости открыть свою собственную потребительную лавку; но эта мысль не осуществилась. В течение двух лет число членов кружка дошло до 15 человек, причем была основана касса“ [2]). Такой же медленный рост кружковой организации наблюдался и в других городах, тем более, что политическая полиция постоянно нарушала этот рост арестами членов кружков и терроризовала рабочих крайне тяжелыми карами, которым подвергались арестованные. Так, одесские пропагандисты Д. Гольдендах (1891 г.), Ю. Нахамкис, Г. Цыперович и Калашников (1893—1894 г.г.) за свою деятельность подверглись, по высочайшему повелению, первый—4 годам одиночного тюремного заключения, последние—ссылке в Якутскую область на 10 лет. Руководитель петербургского социал-демократического кружка, инженер Михаил Бруснев (1891—2 г.г.) был приговорен к 4 годам тюремного заключения и 10 годам ссылки. Видный пропагандист Н. Е. Федосеев, работавший во Владимирской губернии в 1892 г., был сослан на 3 года в Вологодскую губернию, а оттуда—вновь на 5 лет в восточную Сибирь [3]). Вообще правительство преследовало кружковую пропаганду социализма, в значительной мере носившую культурно-просветитель-

[1]) В качестве почти единственной легальной книги того времени, трактовавшей о социалистическом строе, книга Беллами оказала большое влияние на распространение социалистических идей.

[2]) „Рабочее движение в Иваново-Вознесенском районе“. Женева. 1900.

[3]) Застрелился в 1898 г. в Сибири.

ный характер, как тяжелое политическое преступление [1]).

Медленность, с которою пропаганда марксистов развивалась в первые годы, объясняется далеко не исключительно преследованиями политической полиции. Главная трудность заключалась в отсутствии в прошлом каких-нибудь организованных общественных движений, в которые был бы вовлечен рабочий класс и в которых он получил бы первоначальное политическое воспитание и навык к общественной самодеятельности. Маркс и Энгельс всегда подчеркивали то громадное значение, которое имело для развития рабочего движения политическое воспитание, данное пролетариату буржуазией. В Англии, Франции и Германии, до возникновения самостоятельного классового движения пролетариата, рабочие массы участвовали в общественных движениях буржуазии и мелкого мещанства, переживая вместе с ними, в благоприятной атмосфере сочувственного общественного мнения, сложную идейную эволюцию, пока не наступил момент их отделения от буржуазии. В России у пролетариата в его массе этого предварительного опыта не имелось; социалистическая пропаганда интеллигенции 70-х и 80-х г.г. не успела вызвать среди рабочих массового движения с широкими общественно-политическими задачами. Социал-демократам поэтому приходилось прежде всего стараться вывести рабочие массы, вообще, из состояния общественного индиферентизма и приобщить их впервые к общественным интересам. Отсюда— сильное, по необходимости, преобладание культурно-просветительных моментов в деятельности социал-демократических кружков.

В ином положении находились социалисты тех окраин России, которые имели свои традиции политических или общественных движений народного характера. В Польше быстрому успеху социализма содействовало участие ра-

---

[1]) Позднее польский социалистический орган „Przeswit", борясь против направления еврейской с.-д. группы в Вильне, которая, между прочим, обучала рабочих русскому языку, говорил, что виленские социал-демократы фактически попадают в тюрьму и ссылку на долгие годы за преподавание истории Иловайского и правил употребления буквы ѣ.

бочих в прежних национально-политических движениях: здесь задачей социалистов, как и в Западной Европе, явилось отделить рабочие массы от общества, воспитанного в традициях национализма и воспитывавшего в этих традициях народные массы. В аналогичном положении были латышские социалисты. Первые кружки социалистической латышской интеллигенции, образовавшиеся в 1893 году, обращались к рабочим, стоявшим на довольно высоком культурном уровне, с призывом отделиться от узко-национального движения латышской буржуазии и поставить себе самостоятельные классовые задачи.

ГЛАВА II.

Крестьянство и народническое движение.

I.

Крестьянская реформа 1861 года передала крестьян из рук помещиков в руки государства на таких условиях, при которых крестьяне должны были сразу же оказаться его неоплатными должниками. Известны те выводы, к которым пришел проф. Янсон после изучения условий крестьянского хозяйства к концу семидесятых годов [1]). Там, где только произведенная земствами оценка доходности земель позволяла определить отношение к ней крестьянских платежей,—там, во всей нечерноземной полосе, „платежи эти превышают исчисленную доходность“ [2]). То же самое было и в черноземной полосе: „Не только средние наделы бывших помещичьих крестьян, не достигающие вообще (в этой полосе) 3 десятин, но и высшие их наделы в $3-3^1/_2$ десятины, даже наделы части государственных крестьян не могут обеспечивать не только уплаты податей и повинностей, но и самых необходимых потребностей крестьянского населения. Что же сказать о средних наделах в 2 с небольшим десятины и особенно о тех крестьянах, которые получили наделы ниже среднего по губернии и низшие наделы? А таких в черноземной трехпольной полосе *почти половина, а местами большинство*“ [3]).

„Для меня не подлежит никакому сомнению,—говорил петербургский губернский предводитель дворянства, граф А. П. Шувалов, в валуевской комиссии 1872 года

[1]) Ю. Янсон, „Опыт статистического исследования о крестьянских наделах и платежах“, стр. 80–81.

[2]) „Опыт статист. исследования о крестьянских наделах и платежах“, изд. 1881 г., стр. 33—35.

[3]) *Ibid*, стр. 86.

по исследованию сельского хозяйства,—что в общей сложности налоги с крестьянского надела превышают доходность земли, так что невозможно их даже признать земельными, причем надел является тут не как действительная собственность, а как способ приурочивания плательщиков к одному месту, для целей фиска" [1]).

Такое положение вещей вполне определяло экономические судьбы трудового крестьянства за все истекшее полустолетие. Будучи освобождено от крепостного права, оно осталось прикрепленным к земле в интересах автократического государства. В силу экономической необходимости, связанное по рукам и ногам неоплатным долгом государству, оно принуждено было вести свое земельное хозяйство при самых неблагоприятных условиях и без всякой надежды на какую-нибудь возможность его улучшения—так как весь доход с него не покрывал в большинстве случаев лежащих на земле платежей. Такая экономическая политика, сводившаяся к непосредственному отчуждению продуктов крестьянского сельскохозяйственного производства, вместе с понижением его производительных сил, вполне соответствовала тому докапиталистическому фазису развития, который еще переживала Россия после совершившегося освобождения крестьян. Капиталистический фазис хозяйственного развития характеризуется эксплоатацией рабочих масс на почве улучшенных способов производства и роста национального богатства; орудием этой эксплоатации является развитие производительных сил. Основною чертою экономической политики до-капиталистического строя является, напротив того, пользование доходами малопроизводительного труда и общий подрыв главной отрасли национального производства, которою в таких случаях всегда бывает земледелие. Так это было во времена Людовика XIV или Людовика XVI во Франции, так это происходило и у нас в России в после-реформенную эпоху. С 1861 года и по настоящее время государственные доходы в России возросли в 6 раз, в то время как численность населения увеличилась только

[1]) И. М. Страховский, *Крестьянский вопрос в законодательстве после 1861 г.*, сборник „Крестьянский Строй", стр. 409.

в два раза; между тем государственные сборы падали за все это время главным образом на трудовое крестьянство, оказывавшееся постоянно в недоимках, т.-е. не успевавшее покрывать из своих скудных земельных доходов лежавшие на нем платежи [1]). Это значит, что трудовое крестьянство обрабатывало за это время свыше 140 миллионов десятин своей надельной земли исключительно в пользу автократического государства. Это огромное земельное хозяйство фактически находилось как бы в руках правительства, которое получало от него свои главные доходы. Вынуждаемые безысходностью своего положения, крестьяне из года в год должны были обрабатывать эту землю, причем всю получавшуюся выручку, за исключением части, соответствовавшей самой минимальной заработной плате, передавали, в виде прямых или косвенных платежей, государству.

Низкий уровень развития производительных сил в земледельческом производстве России, занимавшем в 1897 году около 86% всего взрослого рабочего населения [2]), подтверждается тем фактом, что из всей суммы ее ежегодного национального дохода, определяемого приблизительно в 6 миллиардов рублей [3]), на долю земледельческого производства (даже со включением лесоводства и рыболовства) приходится лишь

---

[1]) Если мы возьмем, напр., бюджет 1877 года, то увидим, что общая цифра государственных доходов составляла тогда 598.000.000 р., из которых сумма, доставленная подушными и оброчными податями, таможенными пошлинами, акцизными сборами и выкупными платежами, равнялась 421.000.000 р., т.-е. составляла более 70% бюджета („Россия", отдельное издание из „Энциклоп. Словаря", стр. 198—201). Что касается недоимок, то в 1890 году они доходили в средне-промышленных губерниях до 2 р. 8 к. на каждую душу, в средне-черноземных губерниях—до 2 р. 40 к., в восточных губерниях—до 7 р. 50 к.; по отношению к годовому окладу, недоимки в Воронежской губ. доходили до 40% оклада, в Орловской губ.—до 81%, в Уфимской—до 115%, в Оренбургской—до 135%, в Казанской—до 165%, в Самарской—до 240% (*Крестьянский строй*, стр. 441).

[2]) „Статистич. сведения по земельному вопросу", изд. Гл. Упр. Землеустр. и Землед. 1906.

[3]) Для 1900 года и для 50 губерний Европейской России (без Польши и Кавказа); см. С. Н. Прокопович, *Опыт исчисления народного дохода*,—доклад, представленный им в статистическое отделение Вольного Экономического Общества.

три с небольшим миллиарда, тогда как, при одинаковом среднем уровне развития производительных сил, как в области городской, так и в области сельской промышленности, доход с земледельческого производства в Европейской России, занимающего, как уже сказано выше, более 80% всего взрослого рабочего населения, должен был бы равняться по меньшей мере 12-ти миллиардам. Эта именно крайне низкая степень производительности земледельческого труда объясняет крайне низкую цифру ежегодного дохода, приходящегося в России на каждого человека и равнявшегося, по вычислению Mulhall'a, для 1894 года, 74 рублям, а по вычислению Прокоповича, для 1900 года—63 рублям [1]).

Такова общая картина экономического положения пореформенной России: господство земледельческого производства в крайне низкий уровень производительных сил, причем $^1/_3$ всего национального дохода поглощается государственным бюджетом. Здесь налицо все существенные черты, какими характеризуется жизнь докапиталистического общественного строя.

При таких условиях началось развитие в России социалистического движения, стремившегося охватить, в силу своей основной задачи, рабочие массы. Естественно, что тою областью, куда оно стремилось проникнуть с самых первых своих шагов, являлась крестьянская среда, обнимавшая в 60-х и начале 70-х годов почти-что всю массу русского рабочего населения. Такую цель ставила себе первая революционная организация социалистического характера, возникшая после отмены крепостного права под именем „Земли и Воли". Она возникла в 1861 году по инициативе Николая Серно-Соловьевича, Рымаренко, А. А. Слепцова и др., и несомненно находилась под идейным влиянием Чернышевского. Эта организация опиралась на ожидание огромного крестьянского восстания, которое могло вспыхнуть

[1]) Для Англии, по цифрам, даваемым Мюлголлом, годовой доход на каждую душу равняется 273 р., для Франции—233 р., для Германии—184 р., для Австрии—127 р. Если принять, что годовой доход от сельскохозяйственного производства в России равнялся бы 12 миллиардам, то ее цифра годового дохода на каждую душу поднялась бы до 160 р.

в России, по ее предположению, под влиянием сильного разочарования в реформе 1861 года. Такого рода разочарование, как известно, действительно явилось почти повсеместно в России, вслед за обнародованием манифеста об отмене крепостного права и вызвало множество местных крестьянских беспорядков, кончавшихся по большей части полицейскими усмирениями, часто сопровождавшимися присылкой солдат на постой, а иногда приводивших и к усмирению вооруженной силой.

Из более крупных беспорядков, вызванных объявлением воли, следует упомянуть прежде всего о происшедшем в апреле 1861 г. в селе Бездна, Казанской губ. Здесь волнение захватило три смежных уезда Казанской губернии: Спасский, Чистопольский и Лаишевский, оно было подготовлено слухами о том, будто бы объявление воли задерживалось помещиками. Вся местность находилась более месяца в напряженном состоянии; барщинные повинности не исполнялись; во многих имениях начались порубки леса. Когда, наконец, во второй половине марта было получено „Положение", ему никто не поверил. На этой почве получило решающее значение полу-мистическое толкование местным раскольником-начетчиком Антоном Петровым некоторых слов „Положения", в пользу „истинной воли". К нему стали стекаться во всех сторон крестьянские ходоки с просьбами показать им в „Положении" „истинную волю". Когда приехали арестовать Антона Петрова, сначала исправник, потом предводитель дворянства и, наконец, присланный из Петербурга генерал-адъютант Апраксин, то защищать его собралось в село Бездну более 10.000 человек, причем многие приехали за 100 и более верст. Собравшиеся, впрочем, не думали оказывать сопротивления Апраксину и встретили его с хлебом-солью, как царского посланника. Три залпа они выдержали не дрогнув и только закрывали лица рукавицами. Они думали почему-то, что больше трех залпов не будет. Но когда стали еще стрелять, они в ужасе разбежались. Мертвых никто не считал. Апраксин написал в своем рапорте, что было убито 51 человек и ранено 77; но очевидцы опровергают эти цифры. По сведениям, собранным впоследствии на месте мировым посредником Н. А. Крыловым,

число убитых было не менее 100 человек. После этого волнение все еще не успокаивалось в течение всех летних месяцев. Летом в г. Спасске стоял в сборе батальон, а другой батальон был рассыпан по крупным имениям [1]).

Такого же рода кровавые усмирения произошли в Пензенской губ., где в селе Черногае было убито трое крестьян и ранено 18 (10 апр. 1861 г.), а в дер. Кандеевке убито 8 человек и ранено 27 (18 апр. 1861 г.); кроме того, 26 человек, после наказания кнутом, были сосланы в каторжные работы и 78 человек сосланы на поселение [2]).

Всех крестьянских беспорядков и недоразумений насчитывается за первые два года после отмены крепостного права 1.100 случаев [3]).

„Крестьяне не берут уставных грамот и настоятельно требуют сиротского надела,—писал князю Черкасскому Юрий Самарин из Самарской губернии.—В трех имениях жандармский офицер с четырьмя рядовыми восстановил порядок сечением; в четвертое губернатор послал роту солдат“ [4]).

„Крестьяне не идут на новый оброк, ибо опасаются принять на себя обязанности, которых им, быть может, не придется нести,—писал Кошелев князю Черкасскому из Рязанской губернии.—„Нет, малый, потерпим, а на оброк охотой не пойдем“—вот что говорят крестьяне“ [5]).

„Нежинские крестьяне в четырех селах, в числе трех тысяч душ,—писал помещик Галаган,—объявили, что они считают землю своей собственностью и ни за что не будут за нее работать“ [6]).

И так было по всей России. Повсюду освобожденные крестьяне не признавали объявленный манифест за

---

[1]) О бездинском деле см. подробнее статью И. Игнатович, *Волнения помещичьих крестьян от 1856 по 1863 г.*, „Минувшие Годы“, август 1908 г.

[2]) „Историч. Вестник“, 1881 г. № 12; „Русская Старина“, 1885 г. № 4.

[3]) Джаншиев, *Из эпохи великих реформ*, стр. 83 (изд. 1894 г.).

[4]) „Материалы для биографии кн. В. Черкасского“, т. I, кн 2. Приложение стр. 191.

[5]) *Ibid.*

[6]) „Материалы для биографии кн. В. Черкасского“, т. I, кн. 2. Приложение стр. 89.

настоящий и ждали от царя другой воли. Повсюду рассылались солдаты и шли усмирения. „В редкую поездку куда бы то ни было, —пишет об этом времени один из очевидцев,—не встретишь бывало по дорогам солдат, двигающихся на усмирение. Страх в народе распространился неимоверный [1]).

Но как ни было велико разочарование трудового крестьянства, как ни было велико число отдельных крестьянских беспорядков, они не оправдали надежд русских революционеров 60-х годов. Все эти беспорядки совсем не носили политического характера. Это были „бунты на колеях". Сознание трудового крестьянства еще не было затронуто никаким идейным влиянием. В нем жила слепая вера в авторитет монархического государства. Об эту веру беспомощно разбилось все его недовольство. Реформа 1861 года вошла в силу при условиях значительной паники, вызванной в крестьянстве повсеместными усмирениями, т.-е. при условиях, еще более благоприятствовавших помещичьим интересам, и стала производить свое действие. Начался постепенный подрыв производительных сил крестьянского земледельческого хозяйства; рабочий скот распродавался, распашки должны были все более и более расширяться на счет сенокосной и пастбищной площади. Зимою 1867—68 года уже обнаружился голод в Рязанской, Тульской, Орловской, Костромской, Псковской и Новгородской губерниях; в 1873 году вспыхнул страшный Самарский голод, захвативший частью Уфимскую, Оренбургскую, Саратовскую и Казанскую губернии. В „Московских Ведомостях" появилось письмо Л. Н. Толстого: „Нынешний год должен довести до нужды прежде бывших богатыми крестьян и до нищеты и голода $^{9}/_{10}$ всего населения", писал он. Между тем, еще в 1872 году правительство должно было выдать Самарскому земству в ссуду 600.000 р. из продовольственного капитала; неурожаи длились там уже третий год; при этом чрезвычайное бузулукское уездное земское собрание, состоявшееся в конце августа 1873 г., испрашивало у правительства по телеграфу распоряжения „о прекращении

[1]) Демерт, *Новая Воля*, „Отеч. Записки", 1869 г., стр. 35.

продажи крестьянского скота за недоимки". Все это хорошо рисует нам и экономическую политику правительства и причины голода.

Объективно положение русского трудового крестьянства уже и тогда стало невыносимым. На этой крайней тяжести экономического положения была построена программа „хождения в народ". Бедственное существование и наличность общинных традиций в жизни трудового крестьянства вызывали надежды на возможность в нем самопроизвольного массового движения социального характера, под влиянием первого же революционного призыва: „Идите во все концы России, идите в города и села, на фабрики и на посиделки"...—писало „Вперед" в 1874 г.:—„Идите и рассказывайте, не преувеличивая, не украшая... Того, что есть, достаточно: оно говорит само за себя... Бросайте семя: оно созреет. Придет спасение, придет воздаяние".

Но и эта попытка 1874 года осталась без всяких внешних результатов. Она только бросила первые семена, создала несколько десятков первых пионеров сознательного крестьянства, затерявшихся в массах. Крестьянские массы переживали начавшийся процесс своего экономического разрушения с сознанием своего полного бессилия. Этот процесс происходил, как мы видели, на почве общей государственной политики, и только на этой политической почве возможно было бы оказать ему противодействие. Но почва общей государственной политики была еще совершенно недоступна для масс трудового крестьянства, так как в сознании этих масс все еще господствовала непоколебимая вера в авторитет автократического государства. Это обстоятельство имело решающее значение, так как им определялась исходная точка их общественного миросозерцания. Это миросозерцание должно было замкнуться в сравнительно узкую сферу вопросов личной морали и общинных распорядков. Вся их неудовлетворенность, все их искания правды и справедливости могли проявляться пока лишь старым путем, в форме возникновения новых религиозных сект рационалистического характера [1]). В 1864 году уже появились

[1]) Н. М. Никольский. История России в XIX веке, изд. Т-ва бр. Гранат т. V, гл. VI, стр. 280.

первые признаки нарождавшегося штундизма [1]). Несмотря на свое немецкое название, это религиозное учение несомненно получило столь быстрое и широкое распространение только потому, что оно служило как бы продолжением или, как выражается П. Н. Милюков [2]), „обновлением учений раньше существовавших сект евангельского направления" (молокане и духоборы). Как было отмечено [3]), учение штундизма обнаружилось прежде всего в Херсонской губ. На суде один из проповедников нового учения объяснил, что „не намеревался основать какую-либо секту, но что это вышло случайно: на одном сборище речь зашла о духовной жизни, а присутствующий тут же священник ничего не мог объяснить на предложенные вопросы. Тогда,—продолжал он,—возгорелось у меня желание собственным умом понять слово Божие и растолковать его другим. Охотников слушать меня явилось множество; все шли добровольно и всех учил я, как сам понимал" [4]).

Учение штундизма скоро охватило всю Херсонскую губернию, затем распространилось по Киевской, Подольской и Волынской, захватило некоторые части Екатеринославской, Харьковской и Полтавской губерний, а к началу 80-х годов стало появляться в Могилевской и Черниговской губерниях и даже попало в Петербург [5]). К 1891 году это учение, по сведениям миссионерского съезда, было распространено более чем в 30-ти губерниях. Хотя оно не было на первых же шагах причислено официально к „особо вредным" сектам, но с его приверженцами поступали согласно „административному усмотрению". Всех выдающихся пропагандистов нового учения сажали в тюрьмы, отправляли на увещание в монастыри или отдавали под строгий надзор, с воспрещением выезда далее 30-ти верст с места жительства. Значительное число сектантов долго засиживалось по тюрьмам и по монастырям. Так, в одном случае, из шести

[1]) Е. Р., *Русские рационалисты*, „Вестник Европы", 1881, № 7.
[2]) „Очерки по истории русской культуры", часть вторая.
[3]) Т. V, стр. 262.
[4]) Е. Р., *Русские рационалисты*, „Вестник Европы", 1881 г., № 7, стр. 304.
[5]) *Ibid.*

штундистов, подвергнутых предварительному заключению, только двое вышли после суда на свободу, остальные померли в остроге [1]). Один из вожаков штундизма, Вовкаж, был привлечен к уголовному обвинению в кощунстве и распространении лжеучения в 1872 г., а суд над ним происходил в 1876 г.; следствие тянулось три года [2]). В 1878 году, в одесском окружном суде разбирался большой процесс о штундистах, причем в числе обвиняемых были самые видные руководители нового учения; присяжные, хотя все они были выбраны исключительно из православных, вынесли оправдательный приговор, потому что на суде были обнаружены, со всеми подробностями, темные стороны предварительной административной расправы с сектантами [3]).

История религиозных учений рационалистического характера, распространявшихся среди русского крестьянства,—обширная и мало разработанная тема, особенно со стороны значения этого явления, как показателя интенсивной духовной и умственной жизни в массах трудового крестьянства. У нас нет даже точных данных о степени распространенности религиозных учений рационалистического характера в России, о числе захваченных им лиц, так как официальные сведения определяют это число для 1893 года менее чем в 200.000, а неофициальные сведения — в 2 миллиона. Но—что еще важнее—для нас остаются совершенно почти безвестными все эти проповедники новых учений за последнее полустолетие—учений, шедших в полный разрез с окружающею их рутиною. Между тем, сколько лиц, прямо выдающихся по своим умственным силам, должна была выдвинуть при этом эта, повидимому, однообразная, серая, сермяжная масса, влачащая ничем неотмеченное для нас существование, кажущееся лишенным малейшего проблеска умственного интереса? Кто набросает хоть сколько-нибудь полную картину той необычайной душевной стойкости, которая была проявлена в этом движении тысячами безымянных героев, погибших на

---

[1]) *Ibid,* стр. 316.
[2]) „Отеч. Записки", 1878 г. № 5.
[3]) *Русские рационалисты,* стр. 316—317; „Дело", 1878 г., № 5.

своем посту или перенесших неописуемые муки во имя истины, как они понимали ее? И такая стойкость была проявлена на почве высшего духовного интереса, вне прямой зависимости от окружающих материальных забот, и не только исключительно-одаренными людьми, но также и массами заурядного русского крестьянства. Факт широкого распространения в этих массах идей, далеко выходящих за пределы чисто-формальной, обрядовой религии, не подлежит сомнению и должен быть принят во внимание при подведении общего итога.

Что касается отношения сектантов рационалистического направления или „духовных христиан", как они часто называют себя, к социалистическому течению, то некоторое указание на это могут дать те ответы, которые были получены на обращенное к ним открытое письмо представителей учения „о непротивлении", подписанное именами И. Трегубова и А. и В. Чертковых. Это открытое письмо было напечатано в „Свободном Слове", издававшемся в Лондоне, в сентябре 1902 г. В числе тех вопросов, на которые обращавшиеся просили ответа, находился, между прочим, такой: „Хорошо или дурно бунтовать против притеснителей, грабить и убивать правителей? И почему?" И вот на этот вопрос был получен от одной группы сектантов, за подписью десяти человек, следующий ответ [1]):

„В первом вопросе вы очевидно ошибочно поставили слово „бунтовать" (против притеснителей) вместо слова „возмущаться"; а потому мы принуждены ответить на ваш первый вопрос так: бунтовать всегда дурно, но возмущаться против притеснителей всегда хорошо, и тем более хорошо, чем самоотверженней и любовней *к притесненным* будет способ возмущения".

II.

Со второй половины XIX века, после отмены крепостного права, крестьянские массы, хотя не особенно быстро и не в особенно больших размерах, но все-таки

[1]) Этот ответ был напечатан в „Народных Листках", издававшихся Д. Хилковым.

стали выделять из своей среды все более и более членов семей становившихся в ряды городского пролетариата. В 1854 году число рабочих в Европейской России (за исключением горного производства) равнялось 460.000 человек, а в 1881 г. — 771.000 [1]). Вместе с тем стала все более и более развиваться крупная фабричная промышленность со всеми своими последствиями социального характера. Как более доступная к сближению, среда фабричных и заводских рабочих ранее всего обратила на себя внимание пионеров русского социализма. Известно, что первые кружки из представителей рабочего класса, затронутых социалистической пропагандой, возникли, в начале 70-х годов, именно в больших городах. Но хотя городское рабочее движение, проявившееся в этих первоначальных зачатках, никогда уже не прекращалось до сих пор, главная струя развивавшегося социалистического течения была направлена тогда в другую сторону. В силу общего характера этого движения, расчитывавшего, как мы уже видели, на самопроизвольную, стихийную волну крестьянских восстаний, оно не могло долго удержаться в городах. Начавшись в 1871 и 1872 гг. в Петербурге и Одессе, оно к лету 1874 г. уже рассыпалось по деревням, вместе с некоторыми захваченными им городскими рабочими. Следующим фазисом этого движения, в 1876—78 годах, после выяснившейся невозможности ждать непосредственного взрыва массовых крестьянских волнений, была, как известно, выработка обширного организованного плана революционных колоний или „поселений". Хотя центром землевольческой организации оставался Петербург, в котором не прекращалось сближение с фабричными и заводскими рабочими, главное внимание организации было сосредоточено все-таки на деревенской работе, с целью более или менее продолжительного и систематического воздействия на крестьянскую среду, на почве ее ближайших жизненных интересов. Эта попытка также не повела ни к каким видимым результатам и снова послужила лишь задаче медленного проникновения в трудовую крестьянскую массу эле-

[1]) „Россия", отдельное издание „Энциклопед. Словаря".

ментов социалистического миросозерцания и зарождения в ней единичных представителей этого миросозерцания.

Затем, уже в половине 1879 г., в силу главным образом непреодолимых внешних препятствий, не позволявших землевольческим поселениям сколько-нибудь укрепиться на местах и продержаться там сколько-нибудь продолжительное время, произошел, как известно, заметный поворот в общей постановке социалистических задач в России. Центр движения был перенесен в города; деревня была при этом на долгое время предоставлена самой себе, и вся организованная социалистическая пропаганда была направлена почти исключительно на городские рабочие массы.

Но и там она долго еще не давала видимых массовых результатов; в течение всех восьмидесятых и первой половины девяностых годов пропаганда среди городских рабочих носила исключительно кружковый характер. Хотя отдельные сознательные рабочие, уже в период „Земли и Воли" 70-х годов, играли иногда более или менее выдающуюся роль при массовых рабочих движениях, как, напр., во время стачек на Новой бумагопрядильне и на патронном заводе в Петербурге в 1878 г., но эти отдельные сознательные рабочие не являлись представителями массового рабочего движения; рабочие массы смотрели тогда на них, как на людей, чуждых себе и называли их часто „студентами". „Теперь уже трудно встретить такую фабрику или завод, или даже сколько-нибудь значительную мастерскую,—читаем мы в передовой статье „Земли и Воли" за 1879 год [1]),— где нельзя было бы найти рабочих-социалистов. Но как ни отрадны подобные явления, они, однако, лишаются огромной доли своего значения, когда мы начинаем ближе присматриваться к положению этих спропагандированных рабочих в среде их товарищей... До последнего времени рабочие-социалисты были разбиты на мелкие кружки, задававшиеся почти исключительно целями самообразования, имевшие иногда кассы, библиотеки и в практической деятельности не шедшие дальше про-

[1]) Статья эта была написана Плехановым (см. О. В. Аптекман, „Земля и Воля 70-х годов", стр. 156).

паганды. Рабочая масса относилась к рабочим-социалистам, как к чему-то чуждому, относилась часто насмешливо, иногда даже враждебно, и это—факт такого рода, в котором, к прискорбию, не может не сознаться всякий, знакомый с делом". „Северный Рабочий Союз", возникший в Петербурге в декабре 1878 г. под влиянием рабочих Обнорского и Халтурина, не был массовой организацией; он состоял из сотни с небольшим сознательных рабочих, рассыпанных по разным фабрикам и заводам; это была конспиративная организация. Весною 1879 года около 60 человек этой организации были сразу арестованы, и союз распался.

Время для массового социалистического движения еще не пришло тогда в России как для деревенских, так и для рабочих масс. Надо заметить, что, несмотря на свою большую восприимчивость к социалистической пропаганде вследствие условий городской и фабричной жизни, городской пролетариат сам по себе далеко еще не представляет готового контингента для вступления в ряды социалистических партий; его классовое самосознание развивается лишь с большим трудом, под влиянием жизненных и идейных воздействий, и вначале очень медленно. Вот почему Маркс говорит в „Нищете философии" об „организации пролетариата в класс", как о таком процессе, когда рабочие массы, составлявшие до того лишь материал для рабочего класса, лишь рабочий класс an sich, превращаются в рабочий класс für sich.

Если мы возьмем для примера Францию, то увидим, что даже до настоящего времени сравнительно лишь очень ничтожная часть ее городского пролетариата стоит в рядах социалистических и даже просто классовых синдикальных организаций. Из всего контингента рабочих, занятых во Франции в текстильной промышленности (около 900.000 человек), сгруппированных в профессиональные синдикаты, по официальным данным Annuaire statistique за 1905 год, состояло лишь около 80.000 человек; но и эту цифру надо считать далеко не соответствующею действительности, так как сюда включены без разбора все текстильные синдикаты: и желтые, и клерикальные, и чисто фиктивные, числящиеся лишь на бумаге; если же сосчитать только рабочих, вошедших

в состав действительно классовой организации Генеральной Конфедерации Труда, то таковых оказывается всего лишь 26.000 человек, т.-е. менее 3% всего числа текстильных рабочих. Число же текстильных рабочих, вошедших в состав французской социалистической партии, еще гораздо меньше того: об этом можно судить по тому факту, что в четырех главных департаментах текстильной промышленности, Северном, Ронском, Вогезском и Нижней Сены, всех рабочих этой профессии имеется 368.000 человек; между тем, число *всех* членов социалистической партии в этих четырех департаментах доходит только до 13.000 человек (10.250 в Северном департаменте, 857—в Ронском, 500—в Вогезском и 1.300 в департаменте Нижней Сены). Из других крупных отраслей французской промышленности, металлургия насчитывает 585.000 рабочих; из них официальная цифра вошедших в синдикаты показана, за 1905 г., в 90.000 рабочих, число же рабочих, входящих в состав классовых металлургических синдикальных организаций, не более 30.000 человек [1]). Горнорабочих насчитывается во Франции около 190.000 человек; из них к профессиональным классовым организациям примыкает лишь около 35.000 человек. Социалистическая организация департамента Pas-de-Calais, этого центра угольной промышленности, насчитывает всего лишь 2.300 всех своих членов [2]).

Таковы цифры, показывающие крайне медленный рост классовой сознательности среди французского городского пролетариата. Если это объясняется теми или другими особенностями французской общественной жизни, то отсюда следует тот вывод, что, сама по себе, концентрация производства в больших промышленных центрах, сопровождающаяся скоплением рабочих масс, и та видимая простота и наглядность, с какими обнаруживается на фабрике или на заводе противоположность интересов, отделяющая пролетария от капиталиста, еще

---

[1]) Таких классовых синдикальных металлургических организаций четыре: Fédération des mouleurs имеет 6.000 человек, Fédération des mécanitiens 5.000, Fédération des maréchaux—около 5.000 и l'Union fédérale de la Metallurgie—14.000.

[2]) Все эти цифры доставлены нам Е. Сталинским, специально занятым изучением французского рабочего движения.

не составляют всех элементов, необходимых для превращения неорганизованных и внутренне несплоченных рабочих масс в организованный и сознающий свои общественные задачи рабочий класс.

Мы считали необходимым указать на эту лишь относительно большую восприимчивость промышленного пролетариата к усвоению сознательного взгляда на свои общественные задачи—усвоению, требующему, помимо чисто-экономических условий, продолжительного и упорного идейного воздействия,—как на одну из очень существенных объективных данных, на которые опирается так-называемое народническое течение в русском социализме в своих общих программных построениях.

III.

Еще медленнее должна была итти внутренняя работа развития общественной сознательности среди масс русского трудового крестьянства, благодаря долговременному и почти полному перерыву в идейном влиянии на него со стороны социалистических партий. Это идейное влияние и ранее проникало лишь в слишком слабых дозах в огромную многомиллионную трудовую крестьянскую массу, но с конца 70-х годов оно, как мы видели, прекратилось почти совершенно. В деревнях оставались тогда лишь в немногих местах одиночки-пропагандисты, которые устраивались там окончательно, иногда женившись на крестьянках и ведя крестьянское хозяйство, иногда в качестве врачей или мелких помещиков. Такого рода убежденные и упорные люди вели свою медленную работу по целым годам; под их влиянием вырабатывались отдельные сознательные крестьяне, под их влиянием создавалась более благоприятная почва для позднейшей пропаганды; но это были совершенно исключительные случаи [1]); в общем же трудовая

[1]) Об одном из таких случаев в Саратовской губ. рассказывал И. Майнов в своих воспоминаниях о жизни саратовских кружков в № 4 заграничного „Былого" 1903 г.: „Некто—назовем его хоть Боголюбовым—прослужив несколько лет волостным писарем в одном большом селе, женился на крестьянке, приписался и сам в крестьяне

крестьянская масса была предоставлена на долгое время самой себе, стихийному влиянию окружающих ее экономических и политических условий. Влияние, идущее со стороны, из другой общественной среды, обнаруживалось разве только в культурной сфере, в форме распространения грамотности и некоторой дозы просвещения путем земских и частных школ с более или менее удовлетворительным учительским персоналом.

В сфере экономических условий, на почве возраставшей земельной нужды, трудовая крестьянская масса, предоставленная самой себе, медленно вырабатывала некоторые формы землевладения, соответствовавшие ее классовому положению. Реформой 1861 года она была поставлена, по своим интересам, в резкое противоречие ко всем имущим классам. Это было особое, *податное* сословие; вся его жизненная задача сводилась к труду и платежам. Чиновник, помещик, купец видели в нем как бы прирожденный источник своих доходов; оно само резко отделяло себя от остальных слоев общества: между „барином" и „мужиком" лежала в его глазах непереходимая грань. Это неизбежно создавало особую трудовую, мужицкую психологию; это неизбежно объединяло и связывало между собою трудовое крестьянство, которое, в сфере своих самых насущных жизненных интересов, на каждом шагу противопоставляло себя всем остальным нетрудящимся и ненуждающимся классам. Ту роль, какую играла для городского рабочего фабрика, играла для каждого деревенского работника вся обстановка его трудовой жизни. Реформа

и занялся земледелием на крестьянский лад. Чрезвычайно осторожный в своей деятельности, он уцелел, несмотря на частые обыски и всевозможные каверзы со стороны местных кулаков и уездной администрации. Личными качествами и культурным влиянием на крестьянский обиход, а всего более чрезвычайно стойкой и умелой защитой деревенских интересов против всех бесчисленных врагов и супостатов деревенского мира, Боголюбов приобрел огромный авторитет в населении огромного района..."—Из других этого рода деятелей следует упомянуть о Константине Феофилактовиче Агринском, умершем на своем хуторе около Аткарска в 1903 г., а также об Андрее Петровиче Цезареве, служившем сначала учителем, а затем сельским писарем в Аткарском же уезде.

1861 года не сделала его собственником, который получал бы доход от своей земли и вследствие этого привязывался бы к своему участку земли всей своей душой. Это была фиктивная собственность, известная форма эксплоатации его труда; во многих местах в течение первых 10-ти или 15-ти лет после реформы он даже „отпихивался" от своего надела; распределение общинной земли сводилось в таких случаях к уравнительному распределению податной тяжести. Но даже и впоследствии, когда вследствие повышения цен на земледельческие продукты, надел-„разоритель" сделался наделом-„кормителем", это был все-таки только *кормитель*, обеспечивавший для огромного большинства лишь самую минимальную заработную плату и не приносивший никакого дохода.

Сообразно такому общему характеру своего экономического положения, трудовое крестьянство не было в состоянии выработать в себе более или менее заметной привязанности к земельной собственности; с целью насаждения в нем этой привязанности, правительство должно было в последнее время прибегнуть, как известно, к совершенно экстренным мерам. Какие же, если не собственнические, то другие формы землевладения вырабатывались за рассматриваемый период в среде нашего трудового крестьянства?

Известно, что все крестьянское землевладение распадается в России на общинное и подворное. По данным центрального статистического комитета за 1887 г., в 50 губерниях Европейской России из 142 миллионов десятин надельной земли 80% находилось в общинном владении и 20% в подворном, причем 75% крестьянского населения принадлежало к общинникам и только 25% к подворным владельцам. К подворным владельцам принадлежит большинство крестьян Полтавской, Киевской, Волынской, Подольской, Витебской и Минской губерний и все крестьянство Литовских и Прибалтийских губерний. В остальной России господствует общинное землевладение. В сфере этого общинного землевладения и вырабатывались те новые его формы, которые служат прямым указанием на присутствие и развитие в миро-

созерцании трудового крестьянства элементов, соответствующих его классовому положению.

Относительно различных форм общинного землевладения, имеющих место в Европейской России, а также происходивших в нем перемен, собран очень большой статистический материал. Он собран тридцатилетними работами земских статистиков. Те цифровые выводы по этому чрезвычайно важному вопросу, с которыми мы должны познакомить читателей, сделаны были известным исследователем общинного землевладения К. Качоровским. В его руках были собраны данные по 35 губерниям [1]); из общего числа 358 уездов этих губерний сведения были собраны по 191 уезду, т.-е. слишком по половине всех уездов. В этих 191 уездах у К. Качоровского имелись в руках точные данные о 73.811 общинах, в которых живет 3.582.780 крестьянских семей или около 22 милл. душ, владеющих 38.611.000 десятин общинной земли [2]).

Выводы эти касаются прежде всего современного положения общинного землевладения. Из всех 73.811 общин, подвергшихся обследованию, 42.415 состоят из бывш. помещичьих крестьян, 24.750—из б. государственных и 6.646—из б. удельных, монастырских и друг. разрядов. Для большей простоты изложения мы будем приводить здесь лишь цифры, касающиеся первых двух больших разрядов крестьян, т.-е. б. помещичьих и б. государственных.

На каждые 100 общин у б. помещичьих приходится таких, где земля, разверстанная по ревизским душам еще при отмене крепостного права, переходила с тех пор по наследству, не подвергаясь никаким переделам,

---

[1]) Олонецкой, Вятской, Вологодской, Пермской, Новгородской, Ярославской, Костромской, Нижегородской, Уфимской, Самарской, Московской, Владимирской, Тверской, Рязанской, Тамбовской, Казанской, Симбирской, Пензенской, Саратовской, Воронежской, Курской, Полтавской, Тульской, Орловской, Харьковской, Екатеринославской, Херсонской, Таврической, Астраханской, Калужской, Смоленской, Черниговской, Псковской, Петербургской, Витебской.

[2]) Выводы эти опубликованы в недавно вышедшей работе П. Вельяминова „Крестьянская община“ (1908 г., изд. „Трудового Союза“), сделанной по материалам и под редакцией К. Качоровского.

или где бывали время от времени лишь частичные переделы—48 общин; у б. государственных крестьян общин этой категории насчитывается лишь 17%.

С другой стороны, таких общин, где идут правильные переделы—или по наличным душам мужского пола, или по рабочим силам семей, или по едокам—оказывается у б. помещичьих крестьян 46%, а у б. государственных—72%.

Наконец, остается еще третья категория общин, где пока еще имеется незанятая земля, на которую и садятся новые, прибылые души, и где вследствие этого не бывает общих переделов. Такие общины встречаются в Олонецкой, Вологодской, Уфимской губерниях, а также в глухих, многоземельных углах Пермской, Новгородской, Ярославской, Костромской, Нижегородской и Самарской губерний. В этой категории насчитывается у бывших помещичьих крестьян 5% всех обследованных общин, а у бывших государственных крестьян—11%. Общины этого разряда примыкают ко второй категории, так как общинное начало в землевладении, не только не заглохло и не замерло в них, а, напротив того, находится в периоде своего развития; но во избежание каких-либо сомнений мы оставляем в стороне 5.370 исследованных общин этой категории и будем иметь дело лишь с общинами первой и второй категорий.

Итак, мы видим, что 46% общин б. помещичьих крестьян и 72% общин б. государственных, т.-е., счетом, 19.510 общин первых и 17.820 вторых или более 55% всего числа—оказались с правильными переделами.

Но приведенные цифры еще не дают точного представления о той сфере влияния, на которую распространяется действие уравнительного принципа в русском общинном землевладении, так как они говорят лишь о *числе* общин той и другой категории, но не указывают на цифру земледельческого населения, обнимаемого этими категориями общин. Между тем, оказывается, что большая или меньшая жизненность общинных порядков землевладения находится в большой зависимости от больших или меньших размеров самой общины. Общины, в которых общинные порядки землевладения не только

не развивались за весь рассматриваемый период, но, напротив того, как бы падали и замирали, оказываются как раз принадлежащими к числу малолюдных и малоземельных—и наоборот.

Таким образом, если мы будем принимать во внимание не число общин, а *число семей*, принадлежащих к той или другой категории общин, то мы увидим, что у б. помещичьих крестьян, из каждых ста семей, 44 семьи принадлежали к общинным без переделов, и 52 семьи—к общинам с правильными уравнительными переделами (остальные 4% приходятся на общины третьей категории с имеющимися у них еще незанятыми землями); но еще более поразительна эта зависимость в общинах б. государственных крестьян: здесь из каждых 100 семей на первую категорию общин приходилось лишь 9%, а на вторую категорию 86% (остальные 5% падают на общины с еще незанятыми целиком землями). Понятно, что такая прямая связь между жизненностью общинных порядков и населенностью общин должны в значительной степени повысить вышеуказанные 55% в смысле еще гораздо большего процента земледельческого населения, охватываемого практикой правильных переделов.

По данным исследования [1]) земледельческое население всех рассматриваемых 73.811 общин распределяется следующим образом по различным категориям общин:

Общины совсем без переделов	13%
Общины лишь с более или менее слабыми признаками уравнительных переделов	10%
Общины, еще имеющие незанятые земли	6%
Общины с прочно установившимися уравнительными переделами.	71%

Что касается количества надельной земли, приходящейся на каждую из этих категорий общин, то в этом случае мы имеем следующие цифры:

Общины 1-й категории владеют 9% всей надельной земли.
Общины 2-й категории владеют 8% всей надельной земли.
Общины 3-й категории владеют 9% всей надельной земли.
Общины 4-й категории владеют 74% всей надельной земли.

---

[1]) l. c., стр. 97—104.

Но еще более имеет значение вопрос о тех *переменах*, какие происходили в рассматриваемый период в сфере русского общинного землевладения, о том *направлении*, в котором происходило постепенное изменение и развитие его форм.

Прежде всего надо заметить, что в течение первых 10 или 15 лет после отмены крепостного права и последней ревизской переписи, бывшей в 1858 году, ни бывшие помещичьи, ни бывшие государственные крестьяне в большинстве случаев и не думали приступать ни к каким переделам. Среди бывших помещичьих крестьян циркулировало тогда очень распространенное мнение, что земля „дана царем ревизным душам", которые и платят за нее выкуп; а бывшие государственные крестьяне все ждали следующей ревизии и без нее не решались приступить к переделам; по старой привычке они ожидали для этого формального разрешения начальства. Как бы то ни было, но остается несомненным тот факт, что после отмены крепостного права практика переделов в течение известного времени в огромном большинстве общин как бы совершенно замерла [1]), и уже то обстоятельство, что теперь мы видим среди значительного большинства общинного крестьянского населения эту практику, напротив того, восстановившейся и правильно действующей, может служить указанием на то общее направление, какое восторжествовало в конце-концов в земельных распорядках общинных крестьян.

Но еще яснее мы увидим это из более детальных данных, собранных по вопросу об изменении общинных земельных порядков в довольно значительном количестве общин. В руках К. Качоровского имелись по этому поводу сведения, во первых, касавшиеся 66 уездов различных губерний и 6.830 общин этих уездов (т.-е. почти $^1/_3$ всех их общин) [2]). Здесь были собраны сведения о земельных распорядках, имевших место в 80-х годах, и

[1]) См. об этом, между прочим, у Каблукова, в книге „Об условиях развития крестьянского хозяйства", стр. 98, изд. 1899 г.

[2]) Из этих 66 уездов 4 принадлежат к промышленным губерниям, 16—к губерниям западного района, 13—к губерниям северного района, 5—восточного района, 7—приволжского земледельческого района, 16—центрального черноземного района и 5—южного района.

затем сведения об этих распорядках за период времени с 1897 по 1902 г. Кроме того, г. Качоровский располагал полными сведениями о 2.573 общинах Саратовской губ. [1]) за период времени от 70-х годов до конца 90-х; наконец, имелись еще сведения о 3.590 общинах (т.-е. о $^2/_3$ всех общин) Московской губ. за период времени с конца 70-х годов и до 1898 г., и сведения о 873 общинах (16% всех общин) Владимирской губ. за период времени с конца 70-х годов и до 1902 г. Таким образом были собраны сравнительные данные более чем о 13.860 общинах разных губерний. Посмотрим теперь, что нам говорят эти данные.

В 66 обследованных уездах и 6.830 общинах разных губерний, на каждые 100 общин приходилось в начале 80-х годов таких общин, где земля была разверстана по старым ревизским душам и где или не было вовсе никаких переделов, или же происходили лишь изредка наделения малоземельных семей выморочными и другими освобождавшимися наделами—65 общин; в период же вторичного статистического исследования, происходившего между 1897 и 1902 годами, таких общин оказалось только 12%.

Далее: таких общин, где в начале 80-х годов земля хотя и была разверстана по старым ревизским душам, но где все-таки часто происходили частичные переделы, свалки и навалки наделов, было тогда 9%, ко времени же вторичного статистического исследования таких общин оказалось лишь 2%.

Общин, где шли правильные общие переделы по наличным мужским душам, было в начале 80-х годов 11%, а между 1897 и 1902 гг.—59%.

Общин, где происходили общие и частные переделы по рабочим силам семей, было в первый период 9%, а во второй период—8%.

Наконец, общин, где шли правильные общие и частичные переделы „по едокам", причем нередко принимались в соображение также и рабочие силы семей, было 20 или 25 лет тому назад 6%, а 5 или 10 лет тому назад 19%.

---

[1]) Т.-е. почти о $^9/_{10}$ всех общин этой губернии.

Чтобы лучше оценить значение происшедших здесь перемен, надо обратить внимание не только на сильное падение числа беспередельных или малопередельных общин, сократившихся с 74% до 14%, но также и на очень важное движение в сторону перехода от переделов по старым ривизским душам к переделам по наличным мужским душам или по рабочим силам семей, а главное по *едокам*. Первою формою перехода от первоначальной разверстки земли по старым ревизским душам бывают обыкновенно переделы ее по наличным мужским душам; но такая форма передела далеко не всегда соответствует принципу справедливого уравнения земли, так как, во-первых, при этом остается без земли вся женская половина трудового крестьянства, а во-вторых, часто оказываются обделенными те семьи, в которых мало мальчиков и вообще мало мужских душ, по сравнению с семьями, где много детей мужского пола, хотя бы и малолетних. Тогда в общине начинается борьба за более уравнительную разверстку. Такая борьба приводит к тому, что в общинах с переделом по наличным мужским душам или совсем перестают давать наделы малолетним детям, или же нарезают им лишь по четвертой части или по половине надела, принимая, следовательно, в соображение действительные потребности семьи в земле, как в средстве производства, руководствуясь при переделах не столько числом наличных мужских душ, сколько числом наличных *работников*; таким образом, создается форма переделов по рабочим силам семей. С другой же стороны, в общинах с разверсткой или по наличным мужским душам, или по работникам, начинают также прибавлять наделов тем домохозяевам, у которых на руках много дочерей или сестер, следовательно, принимают в соображение не только рабочие силы семей, но также и их потребность в продовольствии.

Наконец, как последняя стадия этого развития форм переделов в сторону все большей и большей их уравнительности, является форма передела „по едокам“ как мужского, так и женского пола, причем крестьянские семьи получают надельную землю по такому расчету, чтобы каждая из них имела в ней равномерную долю,

как в источнике средств существования. „Каждая семья получает доступ к земле соответственно числу людей, требующих пропитания“ [1]).

Таковы последовательные фазисы в ходе развития уравнительности переделов. Сначала действует традиционный принцип ревизских душ. Но затем выступает на вид неуравнительность, несправедливость этого принципа с точки зрения не капиталистического, не собственнического, а трудового мировоззрения. Начинается борьба между двумя принципами: уравнительным и традиционным. Традиционный принцип имеет на своей стороне те крестьянские семьи, которым он доставляет материальную выгоду, которые основали на нем известную степень своего благосостояния. На первом месте здесь стоят зажиточные крестьяне, кулаки. Их аргумент—право собственности, право наличного капитала; с точки зрения этого мировоззрения нет оснований для передачи в пользу неимущих и против имущих; наличность тех и других равно законна и необходима с точки зрения сторонников собственности и капитала. Но на стороне традиционного принципа в этом случае может оказаться и действительно оказывается также известная часть трудового крестьянства, которая защищает право *затраченного труда*. Семьи, живущие на больших наделах и обрабатывающие их своим собственным трудом, могут отстаивать право на них в силу вложенного в них труда. Наделы не превышают их рабочих сил; они владеют ими, потому что обрабатывают их. Это право не собственности и не капитала, а *право труда*. Противная партия, добивающаяся передела, должна опираться в таких случаях лишь на право жить и работать, *на право на труд*. Это право наиболее соответствует мировоззрению рабочего класса, общие интересы которого требуют равенства и справедливости в доступе к средствам производства между всем трудящимся населением. И вот мы видим, что именно этот принцип начал прокладывать себе заметную дорогу в общинных распорядках русского трудового крестьянства. Надо заметить, что для того, чтобы добиться перехода от того положения, какое уста-

[1]) П. Вельяминов, „Крестьянская община“, стр. 61.

навливается при переделах по старым ревизским душам, к переделу по наличным мужским душам или к переделу по числу наличных работников, затем к различным уравнительным поправкам в этих формах разверстки и, наконец, к переделу по едокам,—необходимо было каждый раз иметь на своей стороне не менее $^2/_3$ всех голосов, т.-е. для этого необходимо было, чтобы данное течение охватило значительное большинство домохозяев, чтобы к нему присоединялась также и часть крестьян, лично теряющих при новой системе передела. Между тем, такого рода изменения в формах передела происходили, как мы видели, в очень значительном количестве тех 6.800 общин, данные о которых мы сообщили выше: не только число общин с переделами по наличным мужским душам или по рабочим силам поднялось здесь, с 80-х годов по 90-е, с 20% до 67%, но и число переделов по едокам поднялось за это время с 6% до 19%, от 410 до 1.290 общин, т.-е. увеличилось более, чем втрое.

Еще более подробные данные по этому коренному вопросу развития классового миросозерцания в среде трудового крестьянства мы имеем по отношению к 2.570 обследованным общинам Саратовской губ., составляющим около $^9/_{10}$ всех общин этой губернии. Здесь имеются записи, относящиеся к четырем периодам, а именно: к 1870 году, 1880-му, 1890-му и 1900-му. Движение цифр, касающееся различных форм переделов, оказывается здесь в следующем виде:

К 1870 году, из всех 2.573 общин, таких, где совсем не происходило переделов, было 42%; таких, где переделы случались лишь частичные, было 22%; таких, где происходили общие и частичные переделы по рабочим силам семей, было 32%; наконец, таких, где шли переделы по наличным мужским душам и по едокам, было лишь 1% (остальные 3% приходятся на долю общин, в которых по недостаточности записей, нельзя было установить точных цифр). Надо заметить, что разверстка земли по рабочим силам установилась здесь раньше разверстки по мужским душам и по едокам, потому что до 70-х и в 70-х годах наделы в Саратовской губернии относились к категории не „кормителей“, а „разорителей“;

поэтому уравнительность передела требовала прежде всего перенесения тяжести на более сильные плечи.

Затем движение происходило в таком направлении: К 1880 году беспередельных общин оказалось 36%; общин с зачатками переделов—21%; общин с переделами по рабочим силам—34%; общин с переделами по наличным мужским душам и по едокам—5% (4% пришлось на долю общин с недостаточными записями).

К 1890 году общин первой категории оказалось 22%, общин второй категории—20%, третьей категории—32%, четвертой—23% (общин с недостаточными записями—3%).

К 1900 году соответствующие цифры получились следующие: 16%, 17%, 22%, 41% (общин с недостаточными записями—4%).

Таким образом, движение цифр оказалось в таком виде:

По первой категории	42%	36%	22%	16%
По второй „	22%	21%	20%	17%
По третьей „	32%	34%	32%	22%
По четвертой „	1%	5%	23%	41%

Две средние категории, служащие переходными ступенями в этом движении, мало изменили свои размеры, так как приток к ним общин первой категории уравновешивался постоянным отливом в сторону четвертой категории. Результаты движения могут быть охарактеризованы значительною убылью беспередельных общин и значительным возрастанием таких общин, где, при разверстке земли по мужским душам, принималось вместе с тем в соображение число едоков в каждой семье, где регулирующим принципом переделов являлась потребность каждой семьи в пропитании, как норма, наиболее соответствующая мировоззрению трудового класса.

Тот же самый характер перемен в способе распределения общинных земель выясняется из записей, произведенных по отношению к 3.590 общинам Московской губернии в два различные срока: первая запись— в конце семидесятых годов и вторая—между 1897 и 1899 годами.

Здесь были намечены следующие пять категорий общин: без всяких переделов, с частичными переделами, с общими переделами по мужским душам, с общими

переделами по рабочим силам семей и с общими переделами по едокам обоего пола (причем нередко принимались во внимание и рабочие силы семей). Распределение общин по этим категориям в два вышеуказанные срока было такого рода.

В конце семидесятых г.	47%	26%	2%	23%	2%
Между 1897 и 1899 г.	6%	17%	5%	53%	19%

Главное течение замечается здесь в сторону перехода от беспередельных и мало-передельных общин к общинам с переделами по рабочим силам семей; но при этом очень заметно растет также число общин, где при переделах принимается во внимание число едоков.

Наконец, в 873 общинах Владимирской губернии, где были сделаны записи в конце 70-х годов и в 1902 году, исследованные общины распределялись по тем же самым пяти категориям в следующих процентных цифрах:

В 70-х годах	69%	4%	11%	2%	7%
В 1902 году	5%	1%	41%	41%	12%

Недостающие 7% в записи 70-х годов падают на долю общин, где не оказалось достаточных данных.

Итак, помимо общей процентной цифры, указывающей на сравнительно незначительное число крестьян, живущих в общинах без правильных переделов,—мы видим, что это число все более и более *уменьшалось* за рассматриваемый период, что это не постоянная, а переменная цифра, и что изменялась она неуклонно в сторону торжества общинного начала над принципом частной собственности в области крестьянского землевладения.

Мало того, мы можем также судить, на основании значительного статистического материала, что общинное землевладение в России развивается не только в смысле постоянного возрастания числа общин с правильными общими переделами, но также и в смысле постоянного возрастания *уравнительности* этих переделов, в смысле выработки таких новых форм общинного землевладения, которые обеспечивали бы доступ к земле каждому землевладельцу и вместе с тем стремились бы доставить каждой земледельческой семье равную возможность пропитания.

Это именно мы и имели в виду, когда говорили, что трудовое крестьянство в России, предоставленное на долгое время самому себе, самопроизвольному действию окружающих его экономических условий, проявило в своей экономической жизни те стремления, какие соответствуют его классовому положению, всей той обстановке, в какой оно оказалось после отмены крепостного права. Во всей этой обстановке не было тех элементов, под влиянием которых в его среде могла бы развиваться психология мелкой крестьянской буржуазии: у него не было в руках реальной земельной собственности, которая доставляла бы ему возможность хотя бы самого скромного существования; оно не могло войти в русло сколько-нибудь уравновешенной крестьянской жизни, не могло более или менее спокойно наслаждаться своеобразною привлекательностью земледельческого труда и замкнуться в узкую сферу крестьянского обихода. Оно со всех сторон было окружено непрерывными заботами и непосильными тягостями; оно каждую минуту чувствовало себя в положении *рабочего класса*, в положении полной зависимости от собственности и капитала, в положении полной необеспеченности в своих средствах существования. Нивеллирующее действие капиталистического строя, по отношению к трудовой части населения, проявилось в этом случае в форме общего обеднения всей крестьянской массы, при выделении из ее среды лишь очень малого процента зажиточных крестьян, деревенских торговцев и кулаков. Та резкая дифференциация положений, какая свойственна капитализму, отбросила у нас в ряды рабочего класса не только более или менее заметную часть обедневшего и разорившегося земледельческого населения, но почти-что всю его многомиллионную массу, как свидетельствуют об этом статистические данные. Одним из лучших способов оценки экономического положения крестьянского хозяйства, доступной для статистических исследований, считается, как известно, подсчет числа рабочих лошадей: фактический материал для этого доставляется периодически происходящими военно-конскими переписями. Н. Огановский приводит следующие данные по этому вопросу, относящиеся к 1888 и к 1901 гг. и касающиеся

31 губернии Европейской России, захваченной переписями [1]):

Если принять за 100 число хозяев-крестьян бывших в 1888 г. или совсем безлошадными или владевших одною, двумя, тремя, четырьмя, пятью и шестью и большим количеством лошадей, то к 1901 году число хозяев-крестьян всех этих семи категорий будет выражаться следующими цифрами:

125, 122, 96, 65, 57, 45, 40.

Всего более возрасло, как видим, число безлошадных и однолошадных крестьян; всего более уменьшилось число обеспеченных семей, владевших пятью и шестью или больше лошадьми. Процесс нивеллировки в смысле всеобщего обеднения, происходивший в течение рассматриваемого периода, выясняется здесь с полной наглядностью. Что касается общих результатов этого процесса, то они также с достаточной отчетливостью характеризуются тем, что, согласно данным, приводимым Н. Огановским, число хозяев, имевших по три и более лошадей, составляло в 1888 г. $10^1/_2\%$ всех хозяев-крестьян обследованных 31 губерний, а к 1901 году число этих хозяев-крестьян составляло уже только $5{,}7\%$, число всех безлошадных составляло к этому времени $33{,}5\%$, а число одно- и двулошадных $60{,}8\%$.

Таким образом, почти вся масса трудового крестьянства, за исключением 6%, стоит теперь на одной и той же очень низкой хозяйственной ступени; ибо и двулошадное крестьянское хозяйство не может считаться сколько-нибудь обеспеченным в своих средствах существования; это все та же низкая ступень благосостояния, характеризуемая минимальным трудовым заработком. Принимая минимальное годовое продовольствие, потребное на каждую душу, в 18 пудов хлеба, Л. Маресс дает следующую таблицу распределения нашего крестьянского населения по количеству хлеба, полу-

[1]) „Земельный переворот в России, его причины и следствия", изд. 1907.

чаемого им как с надельной, так и с арендуемой земли [1]):

Крестьянин с продовольствием ниже этой нормы	52,3%
Крестьянин с продовольствием, достигающим этой нормы	31,8%
Крестьянин с продовольствием, превышающим эту норму	15,9%

Здесь мы опять видим, что огромное большинство наших трудовых крестьян, свыше 84%, должно быть причислено к живущим и работающим при условиях, или вовсе не обеспечивающих, или только что обеспечивающих им минимальную заработную плату, достаточную лишь для удовлетворения самых необходимых потребностей.

Таким образом факт низведения почти всей массы русского земледельческого населения до уровня крестьян, стоящих на грани пауперизма, не получающих никакого чистого дохода с обрабатываемой ими земли, не может подлежать сомнению. Такое положение не может быть результатом одних экономических причин, не может быть объяснено действием капиталистической конкуренции на почве неравенства производительных сил, ибо мы не видим здесь роста состоятельной части крестьянства, не видим увеличения и числа выделившихся среднезажиточных крестьянских хозяйств насчет приращения числа захудалых и разоренных хозяйств. Между тем, влияние капиталистической концентрации в сфере сельскохозяйственной промышленности должно было бы сказаться здесь, именно в области *крестьянского* землевладения, а не в области крупного дворянского или купеческого землевладения, так как общее передвижение частной поземельной собственности происходило, как известно, в России за весь рассматриваемый период в сторону роста *крестьянского*, а не крупного- землевладения. С 1861 года и по 1900 год в руки крестьян перешло около 20 миллионов десятин бывшей помещичьей земли, причем средний размер дворянских и купече-

[1]) Л. Маресс, „Производство и потребление хлеба", в сборнике „Влияние урожаев" 1897, т. I, стр. 25—26.

ских имений также не увеличивался, а уменьшался за все это время. В 1877 г. этот средний размер равнялся для дворянских имений 622 десятинам, а для купеческих— 775; тогда как в 1887 г. он уже равнялся 599 и 758 десятинам [1]). Мы видим, следовательно, что общее передвижение в области сельскохозяйственного производства происходило в сторону возрастания числа не крупных, а мелких хозяйств, а потому влияние капиталистической конкуренции должно было бы оказаться здесь в сфере именно этого главного течения, оно должно было бы проявиться в форме увеличения числа среднезажиточных крестьянских хозяйств, в форме выделения из среды крестьянства более или менее многочисленного контингента мелкой крестьянской буржуазии. Между тем, мы этого вовсе не замечаем в общих результатах движения сельскохозяйственной промышленности, в общем экономическом результате этой отрасли производства, получившемся в России за истекшее полустолетие; мы замечаем, напротив того, упадок благосостояния среди крестьянства по всей линии, общее обеднение, общее понижение производительных сил. Такое явление не свойственно капиталистическому фазису в развитии общественной жизни; оно свойственно лишь экономической политике полу-феодального автократического государства, основанной на непосредственном отчуждении в пользу государства продуктов малопроизводительного труда крестьянских масс.

Характерною чертою чисто-капиталистического фазиса развития является в вопросах, касающихся самоопределения рабочих масс, рост классовой сознательности среди *городского пролетариата* как под влиянием концентрации большого количества рабочих в крупных промышленных предприятиях, так и под влиянием соприкосновения их с условиями городской жизни. Характерною чертою буржуазно-автократического фазиса развития, с пережитками старого феодального строя, является в этих вопросах рост классового самосознания *в огромных массах трудового крестьянства*, под действием того нивеллирующего и объединяющего влияния, какое обусловли-

[1]) Н. Огановский, „Земельный переворот", стр. 7.

вается в таких случаях господствующей экономической политикой государства. Фактическое подтверждение этому мы только что видели в экономической жизни русского общинного земледельческого населения за всю вторую половину XIX века. Предоставленное почти всецело своей собственной судьбе, почти всецело отстраненное в течение очень долгого времени от идейных воздействий со стороны политических партий, оно тем не менее, в развитии своих общинных порядков, шло за весь этот период времени по тому именно направлению, какое соответствовало его объективному классовому положению. Вот почему мы сочли необходимым остановиться более или менее подробно на этой стороне внутренней крестьянской жизни. Происходя в глубине крестьянских масс и не проявляясь никакими заметными внешними признаками, процесс развития общинных земельных порядков в крестьянской среде имеет огромное общественное значение, как все близко касающееся развития массового самосознания. Из всех процессов развития, какие происходили в жизни русского трудового крестьянства в период его оторванности от идейных влияний, самым важным, в наших глазах, несомненно является этот процесс медленного, но неуклонного изменения его общинных порядков землевладения в сторону их уравнительности не только по рабочим силам, но также и по наличному числу членов в каждой семье. Наличность этого последнего, все более и более развивающегося течения, переходящего за пределы чисто-трудового миросозерцания, которое отстаивает лишь право затраченного труда, но принимающего в соображение также *право на труд и на жизнь* каждого члена общества, как норму социалистического строя, составляет одну из главнейших объективных основ для того требования социализации земли, которое занимает столь важное место в программе-минимум одного из наших современных социалистических течений. Выставляя это требование, это течение опирается, как мы видим, не только на чисто теоретические соображения и на анализ особых условий развития земледельческого производства в буржуазно-капиталистическом строе, но также и на фактическое присутствие вышеупомянутого элемента в миросозерцании русского трудового крестьянства.

IV.

Что касается внешней стороны общественной жизни русского крестьянства в ближайшие десятилетия после отмены крепостного права,—общественной жизни, развивавшейся на почве непосильной тяжести, налагавшейся на крестьян государством, на почве нараставшей нужды и периодических голодовок, вызываемых разрушением их сельскохозяйственных производительных сил, то она могла выражаться лишь в единичных местных волнениях, служивших как бы *рефлективным* проявлением безысходного и нестерпимого положения. При отсутствии объединяющей политической идеи, в силу полной замкнутости политического горизонта для крестьянских масс того времени, эти местные волнения имели весьма малое общественное значение, они возникали от времени до времени в том или другом месте обширной России и как бы бесследно исчезали на внешней зеркальной поверхности официальной государственной жизни. Возможно, что если бы была предпринята огромная работа по собиранию всех относящихся сюда материалов, если бы были подведены общие итоги количеству всех возникавших за данный период отдельных аграрных беспорядков и сопротивлений властям, при непринятии уставных грамот, при продаже имущества за недоимки, при отобрании крестьянских земель в пользу помещиков и т. д.;—если бы было подсчитано общее число пострадавших при этом мирских ходатаев и вожаков, а также общее число усмиренных подневольных мятежников,—то возможно, что в таком случае получилась бы более или менее внушительная картина, которая позволила бы сделать те или другие выводы о степени пассивного отношения к своим судьбам масс трудового крестьянства. Но, к сожалению, никакой сводной работы по данному вопросу в настоящее время не имеется. Что касается внутренних хроник и современных обозрений больших журналов этого периода, то, как известно, обзор событий этого рода был для них вполне закрытой областью. Лишь изредка, на протяжении целых десятилетий, можно встретить в них мимолетную заметку о каком-нибудь

отдельном случае крестьянского протеста или сопротивления.

Так, наприм., в „Отеч. Записках“ за целое десятилетие с января 1867 и по декабрь 1876 гг. описаны лишь два случая крестьянских беспорядков [1]). Между тем, не подлежит сомнению, что отдельные крестьянские волнения возникали за это время во многих других местах. Известны, например, огромные аграрные беспорядки, происходившие в начале 70-х годов в 12 волостях чигиринского староства, охватившие около 17.000 бывших казенных крестьян. Можно, наконец, привести еще несколько случаев за те же семидесятые годы; так, в заграничном. „Вперед“ за 1876 г. перепечатаны выдержки из русских газет о бунте крестьян-половников в Никольском уезде Вологодской губ.; о бунте в деревне Холме Юхновского уезда Смоленской губ.; о бунте в селах Рождественском и Никитовке Валуйского уезда Воронежской губ.; о бунте 3.000 крестьян села Богородского Нижегородской губ., причем взбунтовавшиеся сожгли усадьбу и не хотели платить требуемые с них деньги. Затем, там же и в том же 1876 г. сообщается, со слов „Новороссийского Телеграфа“, что в Гадячском уезде Полтавской губ. стали довольно частыми поджоги, как результат крестьянской мести за штрафы по поводу потравы; со слов „Нового Времени“, что в губерниях Ярославской и Костромской „в особенности часто стали повторяться случаи отказа крестьян от платежа оброков помещикам“. Наконец, имеется еще сообщение о двух уездах Подольской губ., Ольгопольском и Проскуровском, где среди крестьян „обнаруживается упорство и пассивное сопротивление властям“.

Мы привели эти отрывочные данные вовсе не с целью подвести что-нибудь в роде общего итога по вопросу о крестьянских движениях во второй половине 60-х и 70-х годов, а для того только, чтобы указать на полное отсутствие в настоящее время собранных материалов, которые дали бы возможность представить сколько-нибудь удовлетворительную картину общественной и

[1]) В селе Сосновке, в апреле 1868 г., и в Мостовинской волости Сарапульск. у. в октябре того же года.

политической жизни трудового крестьянства за рассматриваемый период внешних проявлений его замкнутого существования[1]).

Переходя к 80-м годам, мы оказываемся, быть может, в несколько лучшем положении, хотя и в этом случае, за отсутствием сколько-нибудь систематически собранных материалов, не может быть речи об общих итогах; но тем не менее в данном случае не получается все-таки такого сплошного пустого места, какое мы только что видели по отношению к двум предыдущим десятилетиям. Это объясняется, впрочем, отнюдь не большей свободой печати. В этом отношении дело вряд ли изменилось к лучшему. Во всех *внутренних обозрениях* „Вестника Европы", например, за целые 15 лет, с 1877 и по 1891 годы включительно, можно было встретить всего-на-всего лишь только *два* сообщения из области народных движений: очень беглое перечисление местностей, охваченных еврейскими погромами, в 1881 г. и сообщение о беспорядках на Московской Вознесенской фабрике и Орехово-Зуевской мануфактуре в 1885 г. Но, с одной стороны, самые народные движения стали принимать тогда, как, например, в начале 80-х гг., более широкий, более массовый характер и вследствие этого уже не могли попрежнему бесследно затериваться в деревенских трущобах; с другой же стороны, в 80-м годам стала достигать несколько большего развития нелегальная публицистика, следившая за провинциальными газетами, имевшая нередко своих собственных корреспондентов в тех или иных центрах движений и таким образом оставившая после себя кое-какие материалы также по вопросу о крестьянских движениях.

Прежде всего, переходя к 80-м годам, можно указать попрежнему на возникновение в разных местах отдельных крестьянских бунтов. Так, мы встречаем в нелегальных изданиях следующие случаи столкновений крестьян с помещиками, окончившихся военным постоем или преданием суду зачинщиков.

[1]) О том, насколько были распространены в семидесятых годах случаи усмирения крестьянских беспорядков, можно судить отчасти по тому факту, что в 1877 г. понадобилось издание особого положения „о действии военных команд при народных волнениях" (от 29 октября).

В конце 1879 г. в Воронежской губ. произошло столкновение у крестьян Айдарской волости, села Утянки, с помещиком Фирсовым, захотевшим отрезать крестьян от водопоя. Дело кончилось преданием суду 29 человек.

29 апреля 1880 г. вспыхнули беспорядки в Новгород-Северском уезде Черниговской губ. в имении князя Голицына, в селе Костобобры. Дело началось из-за невозможности крестьянам выгнать куда-нибудь свою скотину без того, чтобы не получилась потрава. В одном из таких случаев, когда управляющий с урядником и несколькими работниками стали загонять крестьянских лошадей в экономию, на них набросилась толпа крестьян. Урядник с работниками были избиты до полусмерти, управляющий ускользнул и сообщил о бунте полиции. По распоряжению губернатора, в Костобобры прибыл батальон солдат и расположился по квартирам; зачинщики были арестованы.

В мае 1880 г., в двух селах той же губернии, Солоповке и Автузчинах, крестьяне оказали сопротивление при размежевании своих земель с помещичьими. Были присланы на постой три роты и арестованы некоторые крестьяне.

В 20-х числах мая, в Черниговской же губернии, бунтовали крестьяне в имении уездного предводителя дворянства, Подсудиевского. Для усмирения четырех селений, принимавших участие в деле из-за спорного выгона, были отправлены два батальона солдат и расквартированы по хатам.

В начале июля 1880 г. крестьяне села Щетинина Великолуцкого уезда Псковской губ. оказали сопротивление судебному приставу, приехавшему продавать их имущество. Была прислана военная команда из 10 человек [1]).

За 1881 год в одной из корреспонденций из Воронежа сообщается о том, что „антагонизм между крестьянами и помещиками за нынешнее лето страшно усилился... Такое отношение крестьян к помещикам, разумеется, обостряется, и тут следуют поджоги и воровство скота, хлеба. Воровство копен с поля повсеместно. Поджоги все более и более распространяются, причем у неко-

[1]) „Листок Н. В.“, № 3.

торых помещиков жгут особенно часто. Частые очень поджоги (каждый год несколько) в Воронежском уезде вокруг села Хавы-Покровской. В Бирючевском уезде ежегодно жгут помещика Резникова, в Бобровском— Северцева. Только что подожгли Марина в Подгородном, в 6 верстах от Воронежа. Пишущему эти строки крестьяне сами говорили, что подожгли помещика за то, что он берет слишком много за прогон скота через его землю" [1]).

В корреспонденции из Саратова за 1882 г. сообщается, что „в Кузнецком уезде, у арендатора Вальгалина крестьяне ночью свезли весь хлеб с половинных посевов и, когда он вздумал было силой вернуть свои снопы с крестьянских гумен, то был встречен дружным натиском в колья и вилы. У владельца Самбикина, Саратовского уезда, было скошено и свезено с лугов сено, прежде сдававшееся крестьянам и удержанное за недоимки. В Аткарском уезде у помещика Штейнберга, за многолетние притеснения сожжено гумно с хлебом на несколько тысяч. В некоторые села становые и урядники не показываются иначе, как с большим конвоем сотских и казаков. Особенно плохо приходится урядникам. В Саратовской губ. нынешними осенними праздниками было уже до 20 случаев, что урядников избивали, как говорится, до полусмерти, и это в таких близких к Саратову селах, как Кирсановка, Злобовка, Чардыж и друг. [2]).

За 1883 год мы встречаем, между прочим, перепечатку о „Постановлении Уфимского губернского собрания дворянства" от 27 июня, препровожденном министру внутренних дел; в этом постановлении дворяне жалуются на свое „критическое и беззащитное положение" в виду насилий, чинимых над ними окружающим населением, причем в подтверждение приводят следующие данные:

Дворянин Курковский сообщает о самоуправстве башкир и крестьян Уфимской губ., о захвате дворянских земель, о поджоге усадеб, о нанесении побоев и увечий: „Дерзость поселян в этом отношении увеличи-

[1]) „Н. В.", № 6.
[2]) „Н. В.", № 8–9.

вается с каждым днем и превосходит всякое вероятие,— говорит Курковский,—понятие о праве ссбственности и законе совершенно расшаталось". Затем дворянин Фок сообщает о беспощадных порубках леса. В Бирском уезде вся земля его жены, законной владетельницы, захвачена, лесная дача вырублена, лесная стража насильственно удалена. Весной 1883 г. усадьба дворянина Черневского сожжена и весь помещичий хлеб увезен из амбара. К дворянину Ралль явились крестьяне, бывшие крепостные его жены, и заявили, что они решили взять себе участок ее земли в 50 дес. и будут пользоваться им, не взирая ни на что. У помещика Ермолова крестьяне пришли на поля, согнали его рабочих и объявили, что поля эти они берут в свою собственность и т. д.[1]).

За 1884 год мы встречаем заметку о крупных волнениях в имении Кочубея, Кролевецкого у. Черниговской губ., причем для усмирения потребовалась военная сила. Сообщается также о беспорядках в Золотоношском у. Полтавской губ. и в разных местах Екатеринославской губ. Очень серьезные волнения происходили на Дону, в слободе Большинской и прилегающих поселках. Крестьяне самовольно вырубали помещичьи леса и свозили их, открыто нападали на помещичьи усадьбы; для усмирения бунта была послана военная команда [2]).

За 1885 год приводятся следующие случаи аграрных волнений. В Воронежской губ., у богатого землевладельца, бывшего предводителя дворянства, произведен, счетом, тридцать пятый поджог. В Чигирине Киевской губ. военный суд рассматривал дело о преступном сообществе, ставившем целью производство потрав на помещичьих полях, причем из 14 обвиняемых 9 были приговорены к каторжным работам. В селе Попелках, Подольской губ., крестьяне захватили спорный выпас и прогнали приехавших властей; в селе был поставлен военный постой и арестовано 34 человека. В Коротояке Воронежской губ. были преданы суду 325 крестьян за самовольное разрытие плотины, затоплявшей их луга.

---

[1]) „Вест. Н. В.", № 4.
[2]) Ibid., № 3.

В Могилевской губ. аграрные волнения значительных размеров приняли хронический характер. В местечке Городище Киевской губ. и в местечке Гоголевке Черниговской губ. был произведен самовольный захват пастбища и вооруженное сопротивление властям, кончившееся судом и каторгою для виновных. В Херсонской губ. масса поджогов и аграрных преступлений. В Краснослободском уезде Пензенской губ. крестьяне убили подрядчика Каверина из-за спорного участка земли и мельницы; 15 человек арестованы. В с. Червегах Подольской губернии крестьяне захватили помещичий луг и прогнали исправника; но когда явились две роты солдат, они уступили и дело обошлось без экзекуции. В Кролевецком уезде помещик с работниками застал на своем выгоне табун крестьянских лошадей; произошла ссора и свалка; крестьяне пустили в ход колья, а помещик револьвер; один убит и двое раненых. В селе Карабиновке Новомосковского уезда, Екатеринославской губернии крестьяне, выведенные из терпения притеснениями помещика генерала Миско, решили захватить его землю. Немедленно явился вице-губернатор Ракосовский с казаками и солдатами. После избиения крестьян нагайками были выделены 9 зачинщиков и преданы суду. В с. Дьяковцах Гайсинского уезда Подольской губ. крестьяне не допустили отобрания у них спорного участка земли и отправили ходоков в Петербург; когда ходоки вернулись домой по этапу, взволнованная толпа напала на конвой, освободила ходоков и избила ненавистного урядника; после этого были присланы солдаты и арестовано до 35 человек. В Курской губ. были посланы два батальона для усмирения аграрных волнений в с. Черницыне. В Самарском уезде крестьяне подожгли хлеб крупного землевладельца Бедряги; убыток простирался до 40.000 р. В с. Нещерове Киевского у. крестьяне загнали свой скот в лес помещика Гудим-Левковича и вступили в драку с лесною стражею; явился становой пристав и началось следствие, но испуганная экономия вошла в соглашение с крестьянами. В с. Ольшанке того же уезда, на земле Григоровского сахарного завода, сторожа задержали 32 штуки крестьянского скота; толпа, со старостой во главе, расшибла сарай и угнала свой

скот; здесь также, когда началось следствие, экономия вошла в соглашение с крестьянами. В Ахтырском уезде Харьковской губ. произошло столкновение между крестьянами с. Клементьевского и Свято-Троицким монастырем, окончившееся убийством арендатора. Крестьяне дер. Нижнепаровой Курской губ. не хотели отдавать помещику спорную землю, присужденную в его пользу сенатом, результатом чего была военная экзекуция. В с. Георгиевском Калужской губ. между крестьянами и арендатором помещицы Голохвастовой произошло столкновение из-за спорного луга; крестьяне отняли силой сено, скошенное рабочими арендатора; виновные привлечены к суду[1]).

На этом останавливаются сообщения нелегальных изданий того времени, так как после 1885 г. они уже не появлялись. Приведенные сведения, не давая сколько-нибудь полной картины крестьянских движений за рассматриваемый период, могут служить лишь указанием того, что и в 80-е годы, подобно тому как мы видели это раньше, деревенская жизнь следовала своей неизбежной участи; она не входила ни в какую определенную норму, не принимала никакого устойчивого положения, но, напротив того, находясь в состоянии хронического хозяйственного кризиса, становилась все более и более тяжелой для масс трудового крестьянства, последствием чего и были эти рефлективные проявления стихийного характера. Крайняя неустойчивость и напряженность крестьянского настроения, обусловливаемые общими экономическими причинами, создали восприимчивую почву для еврейских погромов, вспыхнувших на юге России с весны 1881 г. и почти не прекращавшихся в течение двух лет.

Не касаясь непосредственных причин еврейских погромов этого времени и той связи, какая наблюдалась между этими погромами и националистической политикой гр. Н. П. Игнатьева, а также деятельностью назначенного тогда директором деп. полиции В. К. Плеве, мы должны отметить их здесь, как один из показателей полной безвыходности как внешней обстановки, так и

[1]) „Н. В." № 11—12.

всего строя идей народных масс того времени. С одной стороны, полная невозможность физического существования, среди постоянной нужды, недоимок и голода; с другой — отсутствие всяких представлений о возможности политического переустройства. В этом замкнутом кругу бессильно бились народные массы, представляя собою готовый материал для стихийных взрывов. „Сильно заблуждаются те,—писал корреспондент „Русских Ведомостей" от 7 мая 1881 г.,—которые полагают, что беспорядки, с такою страшною силою охватившие почти весь юг России, хотя и направленные исключительно против евреев, вызваны одною только племенною ненавистью к ним. Движение это вызвано причинами экономического или, вернее, социального свойства, а евреи явились здесь чем-то в роде пресловутого козлища искупления".

Еврейские погромы начались в Елисаветграде в апреле 1881 г.; затем они вспыхнули в Голте, Знаменке, Киеве, Кишиневе, Василькове, Белой Церкви, Жмеринке, Фастове, в Николаеве, Одессе, Смеле, Лозовой, в Ромнах, Волочиске, Александровке, Березовке, Переяславле, в Нежине, Борисполе, Лубнах, в Борзне и уже в ноябре опять в Одессе. В следующем году погромы начались также с апреля в Балте и затем появлялись в разных местах до самого августа: в Дубоссарах, Летичеве, Меджибоже, Новой Праге, Березноватовке, Висунке, Пирятине, Окнах и пр. Наконец, в 1883 г. произошли огромные погромы в Екатеринославе, Ростове на-Дону, Новомосковском уезде и в Кривом Роге.

Из двух главных элементов, имевших решающее значение в сфере общественных движений крестьянских масс, их экономического положения и их отношения к политическим вопросам, необходимо складывался такой политический итог, который обрекал их на ряд действий, лишенных всякого смысла и всякого результата. Явно нелепый и безумный характер всех их попыток выбиться из данных условий существования не был результатом личных свойств составлявших их единиц, а вытекал с полною внутреннею необходимостью из характера их политического миросозерцания. Здесь именно лежал ключ к разгадке всего положения; все сводилось к тому, что

для крестьянских масс в силу исторически сложившихся политических взглядов их являлась внутренно-недоступной та именно область общественной жизни, в которой одной могли получить разрешение волновавшие и мучившие их вопросы; и пока эта область оставалась закрытой для их миросозерцания, до тех пор все их столкновения с государством должны были носить чисто-стихийный характер.

V.

Мы уже упоминали, что к 80-м годам развитие социалистического движения в России привело его к постановке политического вопроса. Мы видели, что первоначально только что еще возникавшая социалистическая партия устраняла этот вопрос из круга своих ближайших задач, но в конце-концов она должна была признать его неразрывно связанным со своею основною целью. „Понятно, что, призывая партию к борьбе с правительством,—читаем мы в „Народной Воле“ от 1 октября 1879 г.,—мы нисколько не отрешаемся от переворота социального, экономического; мы говорим только, что при наших государственных порядках политический и социальный переворот совершенно сливаются, и один без другого совершенно немыслимы“.

В странах буржуазно-демократического типа, где социалистическому движению предшествовало господство буржуазии, сопровождавшееся известною долею политической свободы, социалистическое движение способно было развиваться вне условий политического переворота; там оно могло достигать некоторых из своих ближайших задач на почве постепенного расширения политического влияния рабочих масс, откладывая революционную постановку вопроса до более или менее отдаленного будущего. В странах буржуазно-автократического типа задачи социалистического движения ставятся иначе самою жизнью, независимо от тех или других теоретических взглядов. Особенность фактического положения заключается здесь в том, что для социалистического движения становится необходимой революционная постановка политического вопроса на самых же первых шагах его

развития, причем этим самым вдвигаются, так сказать, в революционные рамки также и все его ближайшие социальные задачи. Отсюда получается тот синтез политических и экономических революционных задач, который характеризует собою социалистическое движение конца семидесятых и восьмидесятых годов.

Вместе с тем, тот же политический вопрос занимал, как мы видели, совершенно исключительное положение по тому значению, какое он имел в области массовых движений. Ближайшая задача социалистических движений, вытекавшая из фактического положения вещей, совпадала таким образом с ближайшими потребностями массового движения. Нет ничего удивительного, поэтому, что, при данных условиях, развитие социалистического движения в России резко отклонилось на известное время в сторону политики. Так было именно в период „Народной Воли". Затем, под влиянием большой идейной реакции, наступившей вслед за огромным напряжением духовных сил целого поколения—напряжением, которое не могло еще привести ни к каким положительным результатам, а должно было неминуемо кончиться более или менее быстрой гибелью представителей этого направления,—наступил период продолжительного общественного затишья и полной остановки политической жизни. Наступило господство политической реакции—естественное продолжение и завершение той политической программы, осуществление которой было беспрепятственно начато еще при министерствах Валуева и Тимашева в царствование Александра II и было прервано лишь революционными событиями последней половины семидесятых годов.

Силы социалистической партии, исчерпанные до самого дна движением семидесятых и первой половины восьмидесятых годов, начали постепенно накопляться вновь лишь к средине девяностых годов. Первым толчком к некоторому общественному пробуждению наиболее чутких элементов русской интеллигенции послужили два крупных события, как бы подведших итоги социальному положению России: голод 1891 года и холера 1892—1893 годов. По этому поводу любопытно привести следующую выдержку из официального письма тогдашнего министра

внутренних дел И. Дурново к министру народного просвещения Делянову (от 5 февраля 1895 г.): „В ряду общественных явлений, особенно выдвинувшихся в минувшем году, следует отметить резко проявившееся в разных слоях интеллигентных классов стремление содействовать поднятию уровня народного образования путем организации народных чтений, открытия библиотек и читален для фабричного и сельского населения, и, наконец, безвозмездного распространения в народе дешевых изданий, книг и брошюр научного, нравственного и литературного содержания... Неурожай 91 года и холера 92—93 гг. вызвали усиленный наплыв молодежи в деревню и в результате оживили несколько заглохшее в течение восьмидесятых годов стремление русской молодежи к поднятию, по личному почину интеллигенции, умственного уровня народа. Из имеющихся в министерстве внутренних дел сведений можно заключить, что это движение, охватывающее молодежь, развивается последовательно и носит на себе не характер случайного временного явления, а как бы систематического осуществления программы и представляется одним из средств борьбы, на легальной почве, противоправительственных элементов...“ [1]).

Затем, оффициальным подтверждением, оживившейся тогда культурно-просветительной деятельности, сосредоточившейся в земствах в руках так называемого „третьего элемента“, а также связанной с развитием деятельности петербургского комитета грамотности с его отделениями, может служить также следующее извлечение из „XVII обзора важнейших дознаний, производившихся в жандармских управлениях Империи по государственным преступлениям за 1892 и 93 годы“:

„В 1892 г. была масса дознаний преимущественно по кружковой деятельности „землячеств“ и студенческих организаций, основанных для распространения литературы среди рабочих... В течение отчетного периода была захвачена незначительная типография; было выпущено

[1]) Это письмо было напечатано в № 19 „Летучих Листков“, издававшихся в Лондоне фондом Вольной Русской Прессы. При составлении этой главы мы в значительной степени пользовались материалами, собранными С. Н. Слетовым.

несколько подпольных изданий... Часть пропагандистов стремилась работать среди сельского населения, начав с работы легальной; воспользовавшись холерой, они поступили в санитары, фельдшера и т. п. В некоторых местностях местные жандармские власти нашли даже нужным затруднить доступ студентов к санитарной деятельности“ [1]).

Таким образом, непосредственные впечатления общественных бедствий послужили стимулом к оживлению культурных, а также и социалистических стремлений в той тяжелой общественной атмосфере, какая была создана идейной реакцией 80-х годов. Мало-по-малу стали возникать небольшие социалистические организации. Первоначально эти организации, хотя и различались между собою оттенками социалистической мысли, направили все свои усилия в одну и ту же сторону—по линии наименьшего сопротивления, при полном устранении политической программы. Объективное положение дел к тому времени было таково: оставался еще почти совершенно незатронутым социалистическим движением довольно значительный контингент городского рабочего населения, выдвинутый развитием русской крупной промышленности. Представлялась ближайшая и сравнительно менее трудная задача идейного воздействия на этот будущий авангард массового рабочего движения. На эту именно задачу и были устремлены первые усилия тех социалистических групп, которые стали возникать в Петербурге, Москве, Киеве, Вильне и других городах к средине девяностых годов.

Как на промежуточное явление, отголосок предшествующей эпохи, следует указать на появившуюся несколько ранее этого времени и просуществовавшую с 1891 г. по апрель 1894 года „Группу Народовольцев“ первого состава (М. С. Александров, Б. Л. Зотов, Н. Г. Белецкий, М. Г. Сущинский, А. А. Федулов и др.). Она возникла в октябре 1891 г., поставила свою типографию и выпустила две прокламации, из которых одна („Свободное Слово“) была написана Н. К. Михайловским. В 1892 г. группа напечатала свою „Народовольческую

[1]) „Летучий Листок Ф. В. Р. П.“, № 14.

программу", которая являлась программой Исполнительного Комитета партии „Народной Воли" 1880 года, с несколькими изменениями, „обусловленными временем", но не выходившими за пределы „основных принципов Народовольчества". Вместе с тем, „группа Народовольцев" напечатала „Первое письмо к голодающим крестьянам" Н. М. Астырева—этого пионера крестьянского движения, уже тогда настоятельно призывавшего социалистов к работе в деревне, а также „Письмо к молодежи" Федулова: „горячо написанный призыв организоваться под знаменем Народной Воли" [1]).

Летом 1892 г. группа выпустила первый номер своего „Летучего Листка Группы Народовольцев", состоявший из трех статей; две из них были написаны Федуловым, а третья—одним статистиком. Статья статистика была напечатана „в умеренно-либеральном тоне, с преклонением перед Лорис-Меликовым, с отрицательным отношением к крайним партиям", как выражался автор; но главным ее содержанием была критика правительственной политики, и группа нашла возможным напечатать ее, вытравивши по возможности политически-умеренный дух. В публике имела успех как раз именно только эта статья. Листок в целом был принят довольно холодно [2]).

Летом 1893 г. Группа выпустила № 2 „Летучего Листка" и две брошюры: „Александр III (к десятилетию коронации)" и „Братцы-товарищи", написанную рабочим.

Вместе с этой издательской деятельностью Группа вела пропаганду среди петербургских рабочих. Надо заметить, что в рабочей среде замечалась непрерывная связь между социалистическими движениями, всех следовавших один за другим периодов. Группа землевольцев встречалась с сознательными рабочими, доставленными ей движением начала 70-х годов; группы начала 90-х годов встречались с рабочими, примыкавшими к партии „Народной Воли". Автор воспоминаний о „Группе

[1]) М. С. Александров, „Группа Народовольцев", *Былое*, 1906 г., № 11, стр. 20.

[2]) М. С. Александров, ibid, стр. 21.

Народовольцев", по возвращении в Петербург в 1890 г., розыскал представителей тех двух рабочих кружков, с которыми он имел дело в 1885 г. Один из этих кружков был социал-демократический, а другой народовольческий. В 1890 г. в Петербурге возник центральный рабочий кружок из представителей различных петербургских районов, причем в этот центральный рабочий кружок допускался лишь один (ни в каком случае не более) представитель интеллигенции. В 1891 г. этим представителем от интеллигенции был в течение нескольких месяцев вышеупомянутый автор воспоминаний о „Группе Народовольцев" и один из ее основателей, сменивший собою представителя от социал-демократической группы. Резко проведенного различия в деятельности среди рабочих между обоими направлениями еще не замечалось тогда. Брошюры, которыми пользовались тогда для пропаганды, были и социал-демократического и народовольческого характера. „Хотя в центральном (рабочем) кружке представительствовал социал-демократ, но приглашения, исходившие от него, заниматься в отдельных кружках, обращались постоянно и к народовольцам, вероятно, за недостатком интеллигентных сил среди социал-демократов. В таком положении оставалось дело вплоть до больших арестов в апреле 1894 года" [1]).

В августе 1894 г. „Группа Народовольцев" первого состава потерпела полный разгром. Тогда было арестовано около 20 человек, принадлежавших к группе. Осталось неарестованными лишь несколько человек.

Мы назвали „Группу Народовольцев" первого состава отголоском прежнего направления, потому что в ее деятельности, поскольку она руководилась „основными принципами народовольчества", не было тех элементов, которые могли бы расчитывать на дальнейшее успешное развитие. В своей политической программе она целиком переносила постановку вопроса конца семидесятых годов в совсем иную общественную атмосферу. Та сторона ее деятельности, которая имела существенное и реальное значение—социалистическая пропаганда среди рабочих,—ничем не была связана с ее общей программ-

[1]) Ibid, стр. 12.

ной концепцией и шла по одному направлению с деятельностью противоположной социалистической фракции—по направлению кружковой работы, замкнутой в пределы развития социалистического сознания отдельных рабочих.

Вскоре после апрельских арестов 1894 г. возникла „Группа Народовольцев обновленного состава“ [1]), формально все еще не изменившая своей программы и формально руководившаяся в своих общих программных взглядах традициями старой „Народной Воли“. В действительности же эта группа, в своем руководящем большинстве, все более и более склонялась к тому, чтобы ограничить свою деятельность социалистической пропагандой среди городского пролетариата, причем даже в теоретическом обосновании такой постановки вопроса она сближалась с социал-демократическими взглядами. Два следующих номера „Летучего Листка“, выпущенные этой группой, 3-й и 4-й, вызвали удивление и отрицательное отношение к себе со стороны живших заграницей представителей старой „Народной Воли“ (П. Л. Лавров, М. Н. Полонская и др.): они находили их „далекими от всего народовольческого и проникнутыми тенденциями, идущими в разрез с народовольчеством [2]).

С другой стороны, сторонники социал-демократического направления находили, что эта группа отличалась от них „разве названием и традициями“ [3]). Не выходя в своей практической деятельности из пределов ближайшей и непосредственной задачи распространения социалистических идей среди городского пролетариата, оба направления естественно почти сливались между собою в своей революционной работе. „Группа Народовольцев“ перепечатала в своей типографии народовольческую брошюру 1884 г. „Царь-Голод“, написанную А. Н. Бахом, которая охотно распространялась социал-демократами; та же самая группа взялась напечатать брошюру „Объяснение законов о стачках“, полученную ею

[1]) Белевский, Прейс, муж и жена Ергины. А. Г. Успенский, Фейт, Леонович и др.

[2]) „С родины на родину“, № 6—7, 1896 г., стр. 475—476.

[3]) К. Я., „Первые шаги“, „Былое“, 1907 г., № 9, стр. 138.

от „Союза борьбы за освобождение рабочего класса“ [1]); прокламация по поводу массовых стачек мая—июня 1896 г., производившая наибольшее впечатление на рабочих, была выпущена „Группой Народовольцев“.

Таким образом, фактически, к средине 90-х годов существовал только единый способ борьбы за освобождение рабочего класса, применявшийся всеми тогдашними представителями социалистической мысли. Этот способ характеризовался, во-первых, сосредоточением всего внимания на городском пролетариате и, во-вторых, отрицательным отношением к политической борьбе, как к ближайшей задаче того времени.

„Что касается до рабочего класса,—пишет автор воспоминаний о „Группе Народовольцев первого состава“,—то предполагалось, что не его дело завоевывать политическую свободу, он должен лишь подготовиться к тому, чтобы воспользоваться в свое время свободой, завоеванной буржуазией. Вопрос о роли пролетариата в завоевании политической свободы был одним из пунктов нашего разногласия с социал-демократами [2]).—„Ни в одной из прокламаций Союза Борьбы 95-го года,—пишет В. Акимов,—не было политических тенденций“. И далее: „Из документов, опубликованных Петербуржцем, именно видно, что мечты организаторов не летели дальше Петербурга и касались только экономической борьбы [3]).—Реакция, как известно, всегда вызывает противоположную крайность,—пишет Петербуржец—часто нежелательную, но почти всегда неизбежную. Так случилось и в данном случае: на необходимость борьбы за политическую свободу временно как-то перестали обращать внимание. Основная мысль пропагандистов конца 70-х годов как будто заглохла, и началась новая проповедь сознательной жизни“ [4]).

---

[1]) Петербуржец, „Очерк петербургского рабочего движения“, стр. 49.

[2]) М. С. Александров, „Группа Народовольцев“, *Былое*, 1906 г., № 11, стр. 10.

[3]) Вл. Акимов, „Материалы для характеристики развития Р. С.-Д. Р. Партии“, женевское издание, 1905 г., стр. 41, 44.

[4]) Петербуржец, „Очерк петербургского рабочего движения 90-х годов“, Лондон, 1902 г., стр. 6—7.

Таким образом, господствовавшая тенденция того времени, все более и более разделявшаяся представителями народовольческой группы 3-го и 4-го „Летучего Листка", сводилась к тому, что из задачи социалистического переустройства выделялась лишь одна небольшая подготовительная часть ее, кружковая пропаганда среди городского пролетариата, и на этом пока останавливалась вся программная концепция социалистической деятельности. Утрачивалась и как бы терялась из вида связь этой первоначальной стадии с представлением о всем общественном перевороте. Эта связь существовала, конечно, теоретически, в форме общих эволюционных построений, в форме признания руководящей роли пролетариата в деле осуществления конечной цели, но она не находила для себя конкретного выражения в непосредственной практической деятельности. В самой постановке вопроса, в самой *программе* деятельности социалистических групп того времени все внимание было обращено только на одну подготовительную сторону социалистического движения.

Так шло дело до тех пор, пока, в силу своего собственного развития, начавшееся движение не переросло первоначальных рамок. Признаком неминуемого наступления более широкой постановки вопроса послужила массовая стачка лета 1896 г. Эта стачка ясно показала, что размеры тогдашней социалистической деятельности не удовлетворяли требованиям времени. Но, вместе с расширением рамок деятельности, неизбежно должна была явиться мысль о том, чтобы вывести ее из пределов чисто местной, изолированной работы и поставить ее в связь с той или другой программной концепцией. Чистый экономизм, как отрицательное отношение к политике, должен был уступить место определенным политическим программам; более или менее расходившиеся между собою социалистические *направления*, отчасти даже сливавшиеся в своей практической деятельности, должны были уступить место определенным *партиям*.

ГЛАВА III.

Развитие промышленности и рабочее движение с 1893 до 1903 г.

I.

Кульминационный промышленный подъем и расцвет массового рабочего движения (1894—1899 гг.).

С 1893 года промышленное развитие России вступает в новую эру. Наступает неслыханное промышленное оживление, соответствующее такому же оживлению на всемирном рынке. За трехлетие 1894—1896 гг. производство чугуна поднялось, по сравнению с предыдущим трехлетием, на 36% (с 197 милл. пудов до 269 милл.). Добыча угля развивалась не менее энергично.

Промышленный подъем стимулировался усиленным железнодорожным строительством. В 1891 — 1893 гг. выстроено новых дорог 2.299 верст, в 1894 — 96 гг.— 6.228, в 1897—99 гг. — 9.951.

Особенно быстрый рост наблюдается в горной промышленности юга России. До 1887 года на юге было только 2 железоделательных завода (Юза и Пастухова). К 1899 году действовало 17 громадных заводов и не менее 100 более мелких.

Период промышленного подъема явился одновременно и эпохой общественно-политического пробуждения. Смена царствования, бывшего ярким выражением последовательной политической, социальной и идейной реакции, дала толчек общественным надеждам, а проявившееся в голодном кризисе 1891—92 гг. экономическое бессилие старого режима подготовило общество к мысли о возможности успешной борьбы с последним. Замечавшееся в начале нового царствования колебание правительствен-

ной власти, хотя и продолжавшееся лишь очень короткое время, способствовало освобождению умов от гипноза, навеянного 13-ью годами неуклонного подавления всяких проявлений общественности. Оживление журналистики, возрождение земской оппозиции, волнения в студенчестве и чрезвычайное развитие культурно-просветительной деятельности демократической интеллигенции привели общественную мысль в движение, которому уже не суждено было остановиться до конца века.

Растущая индустриализация страны, очевидное оскудение земледельческого хозяйства и небывало быстрое развитие рабочего движения способствовали тому, что в центре нового идейного движения русского общества и его интеллигенции стал вопрос о капиталистическом развитии России. Споры, происходившие в течение предыдущего десятилетия в подпольных кружках и эмигрантской литературе, теперь заполнили легальную печать и все сферы интеллигентного общества. Разоблаченная промышленным развитием несостоятельность народнических теорий дала возможность марксистам быстро разбить на-голову представителей различных оттенков мысли этого направления, а проявляемая городским рабочим классом активность и оппозиционность переместили в сознании прогрессивных элементов общества центр его симпатий и надежд с земледельческого крестьянства на городской пролетариат. Тем самым, с одной стороны, обеспечен был усиленный приток идеалистически и революционно настроенных элементов интеллигентной молодежи в социалистические группы, посвятившие свою деятельность рабочему классу; с другой стороны, самое рабочее движение получало для своего развития благоприятную атмосферу в симпатиях и прямой поддержке оппозиционно-настроенной части имущего общества.

Появившаяся в конце 1894 г. книга П. Б. Струве „Критические заметки“ знаменовала собою начало широкого распространения марксистских идей в русской интеллигенции. За ней последовала в начале 1895 г. известная книга Н. Бельтова (Г. Плеханова): „К вопросу о развитии монистического взгляда на историю“. В следующем году возникает первая легальная газета, пропаган-

дировавшая марксистские взгляды на русском языке—„Самарский Вестник" (П. Маслов, А. Санин, В. Португалов, Циммерман-Гвоздев и т. д.). В 1897 году в лице журнала „Новое Слово", имевшего громадный успех, марксисты получают свой центральный теоретический и публицистический орган. На латышском языке марксизм пропагандируется газетой „Deens Lapa" (в Риге), на грузинском (позже)—газетой „Квали" (в Тифлисе). Одновременно получает сильное развитие социал-демократическая литература русских эмигрантов.

В конце 1895 года петербургские социал-демократы организуются, как „Союз борьбы за освобождение рабочего класса", и, как таковой, открыто обращаются к рабочему классу и обществу. Аналогичные „союзы" возникают в следующие два года в Москве, Екатеринославе, Киеве, и группы социал-демократов, работавшие среди еврейского пролетариата Западного края и Польши, в конце 1897 г. объединяются в довольно обширную организацию под именем „Еврейский рабочий союз в России, Литве и Польше" (Бунд). Наконец, в марте 1898 г. все эти организации объединяются на тайном съезде в Минске в „Российскую социал-демократическую рабочую партию", которая выпустила известный „манифест" с изложением общих политических принципов деятельности русской социал-демократии.

Эта деятельность уже перестала носить характер замкнутой кружковой работы с сильной примесью культурно-просветительного элемента. С 1894 г. задачи агитации в массах постепенно вытесняют задачи социалистической пропаганды, а самая агитация ведется преимущественно на почве экономической борьбы рабочих с предпринимателями: социал-демократы стараются организовать эту борьбу, внести в нее известную планомерность и подготовленность, вырабатывают и формулируют предъявленные рабочими требования. Этот переход от пропаганды к агитации, до известной степени вызывавшийся накоплением сил социал-демократических кружков и потребностью выйти из тесной сферы, в которую они были замкнуты до тех пор, являлся результатом подъема самого стихийного рабочего движения, шедшего параллельно с подъемом промышленности. Таким обра-

зом, между развитием социал-демократии, в значительной мере составлявшей, по своему социальному составу, лишь крайнее левое крыло демократической интеллигенции (студенчество и представители либеральных профессий), и развитием массового рабочего движения устанавливается постоянное взаимодействие, поскольку оба процесса обусловливаются одною и той же основной причиной—быстрым развитием промышленного капитализма в обстановке сильных пережитков сословно крепостнического строя. Отныне процесс развития рабочего движения нельзя рассматривать вне связи с организованной и планомерной деятельностью социал-демократии.

Переходя к рассмотрению экономического движения пролетариата за рассматриваемый период, мы прежде всего отметим полную несостоятельность тех сведений, которыми располагает официальная статистика. Согласно этим сведениям [1]), в заведениях, подчиненных фабричной инспекции, участвовало в стачках:

В 1895 г.	. . . . .	31,195 рабоч.
„ 1896 „	. . . . .	29,527 „
„ 1897 „	. . . . .	59,870 „
„ 1898 „	. . . . .	43,150 „
„ 1899 „	. . . . .	97,498 „

Между тем, по сведениям, которые нам удалось собрать по газетам и журналам того времени [2]), на заводах, фабриках и рудниках в стачках участвовало (приблизительно в круглых цифрах):

В 1895 г.	. . . . .	48,000 рабоч.
„ 1896 „	. . . . .	67,000 „
„ 1897 „	. . . . .	102,000 „
„ 1898 „	. . . . .	87,000 „
„ 1899 „	. . . . .	130,000 „

По тем же нашим сведениям число стачечников в 1894 году достигло 17,000. Следовательно, общий

---

[1]) „Статистические сведения о стачках рабочих на фабриках и заводах за десятилетие 1895—1904 гг.“. Изд. Отдела промышл. Спб. 1905.

[2]) Главным образом, по заграничным изданиям („Работник“, „Рабочее Дело“, „Летучие Листки“, „Накануне“).

итог за 6 лет 452,000 стачечников, к которым надо прибавить не менее 30,000 рабочих в мелких ремесленных мастерских. Главная масса стачечников падает на текстильное производство и обработку металла (177,000 и 107,000 по нашим сведениям). Горнорабочие дают всего 19,000, табачные фабрики—около 5.000. Согласно данным официального исследования, из числа всех стачек за десятилетие 1895—1904 гг. приходилось:

								в %	
На заведения	с числом			до		20	раб.	11	
„	„	„	„	„	21—	50	„	24	48
„	„	„	„	„	51—	100	„	13	
„	„	„	„	„	100—	500	„	28	
„	„	„	„	„	501—1.000		„	12	52
„	„	„	„		свыше 1.000		„	12	

Большая половина стачек приходится на крупные промышленные предприятия; из числа подчиненных фабричному надзору предприятий за десятилетие 1895—1904 гг. число предприятий, затронутых стачками, составляло по отношению ко всему числу заведений данного разряда:

Для предприятий	с числом			до		20	р.б. . .	2,7%
„	„	„	„	„	21—	50	„ . .	7,5%
„	„	„	„	„	51—	100	„ . .	9,4%
„	„	„	„	„	101—	500	„ . .	21,5%
„	„	„	„	„	501—1.000		„ . .	49,9%
„	„	„	„		свыше 1.000		„ . .	89,7%

Таким образом, наиболее крупные промышленные заведения почти все были затронуты стачечным движением; напротив, наиболее мелкие в громадном своем большинстве не были втянуты в классовую борьбу пролетариата. Этот вывод, однако, нуждается в серьезных ограничениях в виду указанной выше недостаточности официальных сведений, особенно неполных относительно мелких предприятий.

Перейдем к ходу развития стачечного движения за 1894—1899 гг.

В 1894 году стачечная борьба наблюдается в текстильной промышленности Польши (Сосновицы, Заверце) и Петербурга (фабр. Воронина). Борьба ведется за повышение платы, кончается поражением рабочих, благодаря

решительным репрессивным мерам властей. Среди отдельных стачек в производстве по обработке металлов выдаются продолжительная забастовка жел.-дор. мастерских в Ростове на-Д., кончающаяся удовлетворением главных требований рабочих о повышении платы и сокращении рабочего дня, и в конце года — бурные беспорядки на Невском заводе в Петербурге, вызванные невыдачей в срок заработной платы. Затем, отдельные стачки происходят в шахтах Домброво, среди ремесленных рабочих Вильны и на мелких фабриках Варшавы. В Ростовской стачке и в забастовках польских рабочих руководство принадлежит социалистическим организациям [1]).

Весна и лето 1895 г. видят ряд бурных столкновений в текстильном производстве центрального района, вспыхивающих совершенно стихийно, а потому сопровождающихся в большинстве случаев эксцессами. Главным поводом стачек является борьба против понижения расценок или за их повышение, а также за отмену штрафов. В селе Тейкове, Шуйского уезда, стачка осложнилась кровавым инцидентом: директор фабрики Каретниковых, англичанин Кроше, выстрелил в толпу обступивших его стачечников и убил одного из них; разъяренная толпа растерзала его на клочки. Беспорядками сопровождались и стачки в Москве на мануфактурах Прохорова и Мазурина; более спокойно прошли забастовки в Иваново-Вознесенске на фабриках Гандбурина и Бурылина. В Ярославле в апреле забастовала громадная Большая мануфактура (до 10.000 рабочих), требуя отмены штрафов и повышения платы. Рабочие были настроены весьма мирно и посылали ходоков к вел. князю Сергею, прося его вмешательства. Однако, администрация превратила эту мирную стачку в „бунт", арестовав нескольких рабочих. Когда толпа потребовала их освобождения, Фанагорийский полк стрелял и убил нескольких человек, в том числе женщину и ребенка. Этот эпизод в связи с благодарностью, которой удостоился полк, сыграли заметную агитационную роль в движении того времени.

[1]) Стачка в Ростове вызвала арест до 200 лиц, обвиненных в социал-демократич. пропаганде, в том числе П. А. Моисеенко, бывшего руководителя „Морозовской" стачки 1885 года. Последний был вновь (в 3-й раз) сослан в Вологодскую губернию.

Все эти стачки, в общем, окончились неудачей, в значительной мере благодаря репрессиям властей. Однако, стачечное движение не стихло. Осенью оно началось почти одновременно в трех районах текстильного производства. В Петербурге, где уже в начале года начинались волнения на некоторых мануфактурах, произошли забастовки на суконной фабр. Торнтона (ноябрь) и джутовой Лебедева (дек.). Рабочие требовали повышения платы, систематически понижаемой фабрикантами. Участие социал-демократов („Союз борьбы"), начавших переходить от пропаганды к агитации, сыграло известную роль в этих стачках, прошедших более или менее организованно. Однако, непосредственного успеха рабочие не добились. В Иваново-Вознесенске забастовали 2.000 рабочих товарищества Ив.-Вознес. мануфактуры (октябрь), равным образом, против понижения расценок. Хотя в начале стачки местные социал-демократы опасались принять в ней участие, считая свою организацию слишком еще слабой, тем не менее стачка прошла весьма организованно и импонировала местному населению и рабочим других фабрик. Спокойствие стачечников и их специальные заботы о том, чтобы порядок не был нарушен [1]), не избавили их от столкновения с казаками, которые подвергли избиению даже женщин. После 2-х недель забастовка кончилась формальной победой фабрикантов, но под влиянием стачки впоследствии фабрика повысила плату.

Наконец, в августе все ткацкие фабрики и мастерские Белостока бросили работу и в течение 2-х недель слишком бастовали, увлекши за собой фабрики и заводы других производств. Формально стачка была вызвана нежеланием рабочих допустить введение расчетных книжек, на котором настаивала фабричная инспекция, в целях реального контроля за исполнением законов об охране труда. Но за этой внешностью таилась более глубокая причина: живя—относительно—в патриархальных условиях и опираясь на известные цеховые традиции мануфактуры, выросшей органически из ремесла, суконщики

---

[1]) Напр., потребление водки было, по решению стачечников, воспрещено.

Белостока впервые узнали из правил, напечатанных в расчетных книжках, о различных карательных законах, ставящих их в юридически-неравноправное положение с хозяевами. До тех пор мелкие стачки и столкновения на фабриках не вели за собой применения этих законов, и рабочие, борясь против введения книжек, по существу дела, протестовали против самых законов. Стачка распространилась на мелкие фабричные пункты белостокского района и охватила от 15 до 20 тыс. рабочих. В конце-концов, стачечники сдались и приняли книжки, получив, однако, кое-где частичные экономические уступки от хозяев. Прошедши при слабом участии социалистов, эта крупная стачка положила начало агитации и массовому стачечному движению в белостокском промышленном районе.

В металлургическом и механическом производствах год прошел тоже оживленно. В январе происходила крупная забастовка на заводе Нового адмиралтейства в Спб.: рабочие боролись против увеличения рабочего дня и одержали победу. В течение всего лета происходили столкновения и стачки на механических заводах Москвы (Гужон, Добров и Набгольц, Бромлей, Вейхельт) из-за увеличения рабочего дня и за увеличение платы. Эти забастовки были вызваны агитацией образовавшегося за год до того „Московского рабочего союза"; они сопровождались известным успехом; и московские рабочие, высланные за участие в этих стачках, явились затем в Петербурге агитирующим элементом. В последнем городе летом и осенью происходили на Путиловском заводе частые забастовки из-за понижения расценок, ставшего общим явлением на петербургских заводах. Дело в том, что с началом промышленного подъема на заводах вводились различные улучшения, которые при поштучной плате давали возможность искусным рабочим, путем интенсификации своего труда, поднять заработок выше прежнего уровня. По истечении же некоторого времени, когда новый способ производства получал широкое распространение, заводы пропорционально понижали расценки, доводя заработок до прежней нормы. Выросшие на этой почве стачки успеха не имели. В провинции можно отметить забастовки в жел.-дор. мастер-

ских Пинска и Минска. В Польше и Западном крае в течение всего года развивалась (особенно в Варшаве, Минске и Вильне) борьба еврейских подмастерьев, главным образом, за сокращение рабочего дня. В Вильне же в августе 1895 г. в течение 2-х недель бастовали рабочие табачной фабрики. Стачка была вызвана введением новых машин, позволявших замещать обученных рабочих-мужчин работницами. Под влиянием социал-демократов, рабочие не выставили требования отказа от новых машин, но настаивали на сохранении прежнего уровня платы. Отличавшаяся своим упорством и выдержкой, стачка была выиграна. В Петербурге на табачной фабрике Лаферм то же введение машин привело к бурным беспорядкам и короткой стачке в ноябре; работницы были побеждены при помощи полиции.

1896 и 1897 гг. были временем небывалого еще развития рабочего движения. Даже по официальным сведениям, стачками было охвачено за эти 2 года 263 промышленных заведения, а число стачечников равнялось 89.000. По сведениям, собранным нами, число стачечников за эти 2 года было не меньше 170 тысяч. Движение этих лет оставило глубокий след на рабочих массах России, вызвало быстрое развитие фабричного законодательства и оказало сильное влияние на настроение русского общества и русской интеллигенции; оно же создало основание для развития русской социал-демократии в ту политическую силу, какою она явилась к началу XX века.

Решающую роль в этом движении играли рабочие текстильного производства (по нашим сведениям—54% всех стачечников), впереди которых шли рабочие петербургских бумагопрядильных и ткацких фабрик.

С самого начала 1896 года в Петербурге вспыхивали, хотя и быстро угасали, стачки на отдельных прядильных и ткацких фабриках (Кенига, Воронина, Сампсоньевской и Калинкинской). Стачки возникали по поводу частых злоупотреблений, но агитация „Союза борьбы" отвлекла внимание рабочих от этих частностей в сторону общих требований: повышения расценок и сокращения рабочего времени. Период промышленного подъема повсюду вызвал со стороны капиталистов тен-

денцию использовать каждую рабочую силу до конца интенсификацией труда и удлинением рабочего дня, а привычка встречать со стороны рабочих лишь слабое противодействие побуждала фабрикантов, несмотря на высокие барыши, экономить на заработной плате для того, чтобы возможно больше средств употреблять на расширение производства: отсюда понижение расценок и прямые злоупотребления в браковке товара, в подмене одного сорта материала другим, в штрафах и вычетах и т. п. методах увеличения эксплоатации, вызывающих особенно сильное раздражение в эксплоатируемых.

14 мая 1896 г. происходила торжественная коронация императора Николая II. Фабрики распустили рабочих на 3 дня, но не выдали им за эти дни платы, и это послужило той искрой, которая воспламенила накопившийся горючий материал. 23 мая рабочие Калинкинской („Российской") мануфактуры потребовали уплаты за коронационные дни. Фабрика удовлетворила их требование, но рабочие на этом не успокоились и стали выдвигать новые претензии. На следующий день фабрика стала. 27 мая стачка перешла на Екатерингофскую мануфактуру, а в следующие дни остановились все прядильни и ткацкие района Обводного канала и Лиговки (Кениг, Митрофановская, Триумфальная, Кожевникова, Новая и Невская). Волнение распространилось на другие районы. Когда на фабриках шлиссельбургского участка появилось рукописное воззвание, сообщающее подробности о стачке на Обводном канале, работу немедленно бросили большие мануфактуры этого района (Максвеля и Паля). Среди стачечников на первый план выступило требование сокращения рабочего дня, на которое усиленно обращали внимание воззвания, распространявшиеся до того „Союзом борьбы". 28 или 29 мая в Екатерингофском парке собрались представители забастовавших фабрик, которые выработали общие требования и обратились к „Союзу борьбы" с просьбой их отпечатать, что и было Союзом сделано 30 мая. Требования эти включали: 1) 12-ти часовой рабочий день (вместо 14-ти и 15-ти час.) с $1^1/_2$ час. обеденным отдыхом; 2) повышение расценок „так, чтобы наши заработки не уменьшились" (при сокращении рабочего дня);

3) окончание работ по субботам в 2 часа; 4) уплата за коронационные дни; 5) правильная расплата 2 раза в месяц; 6) прекращение злоупотреблений в виде пускания машин раньше времени.

При посредстве агитаторов-социал-демократов забастовка в начале июня распространилась на выборгский, петербургский и василеостровский районы. Одновременно волнения захватили крупные машиностроительные заводы, резиновую мануфактуру, одну писчебумажную фабрику и сахарный завод. Ожидалась всеобщая забастовка. Бастовавшие, число которых превышало 30.000, держались весьма спокойно, но устраивали постоянные сходки, на которых рабочими социал-демократами велась непрерывная агитация. Последнюю поддерживал „Союз" своими листками, которые он выпускал ежедневно, несмотря на энергичные меры жандармов, арестовавших сотни заподозренных лиц. „Союз" также обратился к обществу с воззванием, в котором, указывая на политическое значение пробуждения рабочего класса, призывал к материальной поддержке стачки. Воззвание имело известный успех, но собранных материальных средств было совершенно недостаточно для поддержки 30.000 стачечников и их семейств. Средства собирались также в Западной Европе, особенно в Англии трэд-юнионами. Петербургская стачка произвела сильное впечатление на западно-европейское общественное мнение, и на происходившем вскоре затем международном рабочем конгрессе в Лондоне известие о стачке было встречено с энтузиазмом.

Первоначально власти вели себя по отношению к забастовавшим рабочим сдержанно, принимая лишь меры к ограждению уличного порядка и посылая фабричных инспекторов и полицейских чиновников к рабочим для увещания. Повидимому, власти растерялись. Были устроены под председательством министра Витте совещания фабрикантов, обсуждавшие вопрос о возможных уступках. Сами петербургские фабриканты, согласно традиции 70-х и 80-х годов, готовы были пойти на сокращение рабочего дня, но требовали, чтобы это сокращение было проведено в законодательном порядке для всей России. Правительство, зная отрицательное

отношение к такой реформе со стороны большинства московских фабрикантов, колебалось. Вскоре градоначальник отказался от тактики выжидания. Начались массовые аресты и высылки рабочих. Затем последовали совершенно незаконные попытки силой заставить стачечников работать; полиция врывалась в фабричные казармы и насильно уводила рабочих на фабрики. Эти попытки разбились об упорство рабочих. 10 июня градоначальник вывесил объявление, в котором обещал стачечникам рассмотрение их требований, как только они станут на работу. Вызванным им же к себе депутациям от рабочих разных фабрик он обещал, что правительство примет некоторые меры для улучшения их положения. В свою очередь, фабриканты стали выражать согласие устранить отдельные злоупотребления. Наконец, министр финансов Витте решился сам обратиться к рабочим с воззванием, чтобы уверить их в заботливости правительства и предостеречь от агитации социалистов[1]). Однако, не заключая ответа по существу экономических требований рабочих, это воззвание не могло усилить доверия к правительству. К таким же результатам привело другое обращение правительства к обществу. Правительство сочло необходимым сообщить обществу подробности стачки, о которой печати запрещено было давать какие-либо сведения. В напечатанном 19 июня правительственном сообщении тенденциозно уменьшено было вдвое число бастовавших рабочих, и самая стачка приписывалась агитации „злонамеренных личностей". Упоминая впервые в правитель-

[1]) „Пусть рабочие,—говорилось в подписанном министром воззвании,— не верят тем, кто пишет подметные листки; не от доброго сердца подстрекают они рабочих и не к добру их ведут, а пользуются ими, как орудием для достижения своих преступных целей. Пусть разумные рабочие не только не слушают подстрекателей, но разъясняют своим молодым и неопытным товарищам, что, только повинуясь закону, можно ожидать удовлетворения справедливых ходатайств; стачки же будут вести всегда к несчастию и разорению рабочих. Каждый обязан долг свой выполнить по закону и жить по правде божией. Только такой человек может быть полезен отечеству, и о нем будет заботиться царское правительство. Всякий же нарушитель закона и порядка никогда не найдет поддержки у начальства, а, напротив, за свое беззаконие понесет должное наказание".

ственном документе о деятельности социал-демократии и изображая ее истинной виновницей движения, власти достигали лишь того, что обращали внимание прогрессивных элементов общества на растущую, в лице социал-демократии, серьезную политическую силу[1]).

Прекращая забастовку, ткачи полагались на обещания и намеки фабричных инспекторов и самих фабрикантов и ожидали, что к осени или к началу следующего года вопрос о сокращении рабочего дня будет решен в законодательном порядке. Действительно при министерстве открылись совещания с участием представителей промышленности. Правительство тем более осваивалось с мыслью о необходимости реформы, что петербургская забастовка вызвала ряд движений в провинции. Под влиянием слухов о петербургской стачке, в Москве летом (с июня по август) произошел ряд забастовок (на механических заводах Прекуда и Гриссара и мастерских Курской и Смоленской дорог).

Вопрос об уплате за коронационные дни здесь тоже играл роль в волнениях рабочих; выдвигавшиеся, вместе с тем, требования повышения платы и сокращения рабочего дня быстро удовлетворялись. На заводе Гужона и на Измайловской мануфактуре администрация удовлетворила требования рабочих, не дожидаясь стачки. Этими уступками была предотвращена всеобщая стачка в Москве, которая казалась весьма вероятной. Петербургские рабочие крупных заводов (Путиловского, Балтийского, Александровского, Варшавских мастерских) так же быстро добились уступок.

В Нижнем-Новгороде осенью рабочие всех механических заводов добились $10^1/_2$-час. рабочего дня, не прибегая к стачке. Осенью же возобновились волнения на московских механических заводах (Ст. Бромлей, Гужон) и железнодорожных мастерских (Ярославской и Рязанской дорог); рабочие требовали и добились сохранения старых расценок и уничтожения сверхурочных работ.

Осенью показались симптомы влияния петербургской забастовки на Владимирскую и Костромскую губернии.

---

[1]) В изложении хода петербургской забастовки мы следовали книге Петербужца „Очерк петербургского рабочего движения".

В сентябре, в г. Костроме и в Ковровском уезде произошли забастовки во имя замены 12-тичасовых смен 9-тичасовыми; обе стачки прошли с успехом.

Наступление 1897 года, который не принес петербургским ткачам ожидаемого ими сокращения рабочего дня, ознаменовалось новой крупной забастовкой. Фабрика Максвеля начала борьбу, ее рабочие отправили делегатов в другие районы с приглашением присоединиться к стачке Фабричная администрация всюду уговаривала рабочих не начинать стачки, ссылаясь на то, что законопроект о нормировке рабочего дня уже вырабатывается правительством. Это, наконец, официально объявило само правительство 3 января.

Рабочие на своих совещаниях решили начать общую забастовку с 7 января. В этот день вновь застрельщиками явились рабочие Российской мануфактуры. Забастовка распространилась еще на несколько фабрик и заводов (Александровский и др.); в общем, бастовало около 15.000 человек. Кое-где немедленное введение сокращенного рабочего дня, в других местах—новые обещания не дали стачке продлиться дольше 10 января. Важное последствие имела победа рабочих Александровского завода (мастерские Никол. ж. д.), так как, удовлетворив их требования о прекращении работы по субботам в 2 часа, министр путей сообщения распространил эту меру на мастерские всех казенных дорог, что способствовало пробуждению духа борьбы в этой категории пролетариата и вызвало среди мастеровых частных железных дорог стремление добиться для себя той же льготы.

Январская стачка петербургских рабочих чрезвычайно популяризировала требование сокращения рабочего дня, направив главное русло рабочего движения в эту сторону. Уже в январе в Петербурге ткачи шелковой фабрики добились десятидневной стачкой сокращения рабочего дня на 1 час; интересно для характеристики повысившегося самосознания, вообще, довольно забитых ткачей выставленное на этой фабрике требование сменить фабричного инспектора, который грубо обошелся со стачечниками. В январе же произошла стачка нескольких тысяч рабочих мануфактуры Коншина в Сер-

пухове; в числе требований, рядом с повышением расценок, фигурировало сокращение работ в дни предпраздничные. Рабочие вожди не смогли удержать массу от эксцессов; произошел разгром фабричных лавок, и стачка была подавлена военной силой после жестокой расправы, совершенной полицией и казаками. Сокращения рабочего дня в январе же добились, не всегда прибегая к стачкам, рабочие ряда московских механических заводов (Листа, Доброва и др.), чулочной фабрики, парфюмерной, экипажных заведений и других мелких фабрик. Тогда же в Туле произошел ряд успешных мелких стачек самоварных и медных заведений.

В текстильном производстве центрального района массы тоже волновались. Весной произошла стачка на ткацкой фабрике Шлихтермана в Москве из-за неправильных расчетов при выдаче заработка; тогда же в с. Горках, Ковровского уезда, 1.500 рабочих добились стачкой уничтожения ночной работы.

Между тем, состояние петербургских ткачей оставалось напряженным, и это напряжение усиливалось по мере приближения дня 1 мая, которого с беспокойством ожидали фабриканты и власти. 4 апреля ткачи Новой бумагопрядильни вновь забастовали, требуя немедленного исполнения обещания о сокращении рабочего дня. Власти, боясь распространения стачки в столь неудобное время, применили крайние репрессии: рабочих нагайками и прикладами заставили вернуться на фабрику. Но зато петербургские текстильные фабриканты ускорили выработку своего соглашения и с 16 апреля всюду ввели на своих фабриках $11^1/_2$-час. рабочий день, причем повысили расценки на 7%. Этим они предотвратили в Петербурге майскую демонстрацию, но этим же принудили правительство поспешить с изданием общего для России закона. 2 июня 1897 г. издан, наконец, закон, устанавливавший $11^1/_2$-часовой рабочий день.

Первым результатом закона 2 июня было новое движение во Владимирском промышленном округе, где господствовала двухсменная система работы. Запретив производство ночных работ, закон 2 июня дал ткачам почву для отстаивания системы 9-ти-часовых смен, которая в начале десятилетия была принята уже наиболее круп-

ными мануфактурами г. Иваново-Вознесенска. Теперь, по требованию рабочих, 9-тичасовой рабочий день был введен на всех фабриках г. Шуи, причем фабриканты согласились на увеличение расценок на 25—40%, чтобы предотвратить сокращение заработка. Во имя того же требования осенью 1897 г. бастовали ткачи в Судогде (фабр. Голубева), Юже, близ Вязников, Колобове Ковровск. уезда—везде с успехом, так как блестящее положение дел в текстильной промышленности заставило фабрикантов избегать долгих перерывов в производстве.

Однако, общая стачка рабочих 3-х крупных фабрик Вичугского округа (Костромск. губ.) с тем же требованием потерпела неудачу, и на Костромскую губ. система 9-тичасовых смен не распространилась.

С другой стороны, введение $11^1/_2$-ч. дня для рабочих наиболее отсталых фабрик поставило на очередь вопрос о повышении расценок, ибо иначе при сдельной плате их заработок падал до голодного уровня. Летом и осенью произошли на этой почве стачки в Твери, Кохме, Петербурге (Митрофаньевск. мануфактуре) и Орехове-Зуеве (у Викулы Морозова). Все эти стачки кончились победой рабочих, кроме последней, которая сопровождалась „фабричным бунтом" с разгромом фабричных помещений.

Успехи текстильных рабочих в столицах и центральном районе помогли рабочим шерстоткацкого производства в белостокском округе закрепить результаты своей собственной партизанской борьбы двух лет в общем соглашении с фабрикантами, которые в августе 1896 г. ввели на своих фабриках 10—$10^1/_2$-час. рабочий день.

Эпилогом движения текстильных рабочих в 1896—97 гг. явилась *всеобщая забастовка* в Иваново-Вознесеске. вспыхнувшая в декабре 1897 года. Она явилась ответом на общее всему классу фабрикантов стремление компенсировать сокращение рабочего времени уменьшением числа праздников [1]).

---

[1]) Жалобами на большее в России, по сравнению с другими странами, число праздников издавна полна летература представителей капитализма и их ходатайства перед властями.

Стачка началась 23 декабря на фабрике Гарелиных, когда рабочим было объявлено об отмене 3-х праздничных дней в году. Кроме восстановления этих праздников, рабочие потребовали уменьшения работы в предпраздничные дни и установления отпуска для рожениц в 4 недели (2 до и 2 после родов). В следующие дни забастовка охватила все текстильные фабрики города—до 20.000 рабочих—и закончилась лишь через 3 недели победой рабочих. Последние все время проявляли чрезвычайную выдержанность и спокойствие, хотя стачка, в отличие от петербургских, и проходила без непосредственного руководства социал-демократов.

До сих пор мы рассматривали преимущественно забастовочное движение в северном и центральном районах. В описываемое время оно получило также сильное развитие на окраинах и прежде всего в Польше. Под влиянием усиленной майской агитации социалистов в Домброве в течение лета 1896 г. произошло несколько стачек углекопов, в большинстве случаев успешных. Процесс стачечного движения в центрах России дал новый толчок польскому рабочему движению. С начала 1897 г. и особенно летом в Варшаве происходит ряд общих стачек отдельных ремесленных цехов, а также рабочих кожевенных заводов, строительных и мелких фабрик; особенное развитие движение получило среди рабочих-евреев. Это стачечное движение сопровождалось общим успехом: булочники добились 12-тичасового рабочего дня, прочие ремесленники—10-тичасового и повышения платы. Сокращения рабочего дня достигли также рабочие крупного машиностроительного завода Лильпоп В сентябре же 1897 г. движение вновь разгорелось в Домброве, причем в этом центре горной промышленности разыгрались кровавые события, произведшие сильное впечатление на рабочих по всей России. На заводе „Гута-Банкова" вспыхнула стачка, направленная против злоупотреблений правления в распоряжении пенсионной кассой горнорабочих. Рабочие требовали упразднения вычетов в эту кассу и правильной постановки врачебной помощи. Власти наводнили Домброво войсками, и губернатор, вызвав через 3 недели после начала стачки рабочих для объяснений, заявил им о том, что в случае дальнейшего

отказа их от работы, все они будут уволены. Когда негодующая толпа отказалась расходиться, был дан войсками залп без всякого предупреждения. На месте осталось 8 убитых. Стачка через некоторое время кончилась, но событие 29 сентября оказало крайнее революционизирующее действие на горнорабочих Польши.

Что касается лодзинского промышленного района, то в рассматриваемый период там рабочие еще не оправились от репрессий 1892—93 гг. и проявили слабые признаки движения.

В Северо-Западном крае, под непосредственным впечатлением успехов рабочего движения в коренной России, стачечная борьба в 1896—97 гг. достигла своего расцвета среди еврейского пролетариата и стала захватывать литовских рабочих. В Виленской губернии в 1896 г. происходило (гл. обр. в Сморгони) сильное движение чулочниц (около 2.000 человек) — работниц домашней промышленности, добивавшихся повышения своей совершенно нищенской (5—6 р. в месяц) платы. Из ремесленников в этом году особенно часто бастовали сапожники; в следующем году столяры добивались и добились распространения на них закона 2-го июля о рабочем времени. Борьба за рабочий день успешно велась каменщиками, трубочистами, разборщиками плотов, пильщиками и т. д. То же движение ремесленных рабочих, главным образом, в пользу короткого рабочего дня, перенеслось в Витебск, Слоним (столяры), Брест-Литовск, Ковно и продолжало развиваться в Минске и Белостоке. В Сувалкской и Ковенской губерниях развивались стачечная борьба и тайная профессиональная организация в щетинном производстве, а в Виленской губернии — в кожевенном, где впервые наблюдается солидарная деятельность рабочих-евреев с рабочими-христианами. Движение ремесленных подмастерьев, зародившееся в Северо-Западном крае среди еврейского пролетариата под сильным воздействием социал-демократов стало оказывать свое влияние на рабочих других районов России. Выходцы из городов Литвы, откуда идет постоянная еврейская эмиграция на юг России и в Польшу, начали в этих местах ремесленное рабочее движение, являясь всюду инициаторами образования тайных рабочих

союзов. Мы это уже видели на движении 1897 г. в Варшаве. В том же году начинаются стачки еврейских ремесленников-портных и рабочих табачных фабрик на юге России: в Одессе, Киеве и Кременчуге, главным образом, из-за сокращения рабочего дня.

Одновременно на юге начинаются проявления стачечного движения среди рабочих крупных заводов. Положение последних радикально отличалось от положения заводских рабочих Петербурга и Москвы. Быстро выросшая в несколько лет заводская индустрия южной России должна была привлекать к себе рабочих из других мест высокими заработками, а обилие капиталов (иностранных) и выгодная промышленная конъюнктура в эти годы промышленного расцвета, который особенно утилизировали металлургические заводы юга, позволяли им легко обеспечить рабочим эти высокие заработки. При низком уровне потребностей рабочей массы она могла удовлетвориться таким положением. Поэтому возникшие в 1895—97 гг. группы социал-демократов в Харькове, Екатеринославе и Николаеве дольше, чем то было в Петербурге и Москве, не могли выйти в своей деятельности за пределы кружковой пропаганды среди небольшого слоя интеллигентных рабочих, и их попытки агитации в массах не имели успеха. Тем не менее, общее оживление рабочего движения в России отразилось и здесь, поскольку поведение заводчиков создавало на фоне относительного довольства поводы к раздражению рабочих. В 1897 году произошли мелкие стачки на больших заводах Харькова (Бельгийском и паровозостроительном) из-за попытки понизить расценки и в Екатеринославе в железнодорожных мастерских из-за злоупотреблений при расчете. В Николаеве на Французском заводе в конце года угрозой стачки рабочие добились отмены расчета 360 товарищей, а в Екатеринославе рабочие нескольких цехов Брянского завода без стачки добились введения 8-мичасовых смен.

В 1896 году началось рабочее движение в Прибалтийском крае. В октябре этого года бастовали с успехом портовые рабочие Либавы (4.000 чел.), добивавшиеся повышения платы. В следующем году борьба за сокращение рабочего дня и повышение платы велась на лесопильных и механических заводах Риги.

Наконец, в 1897 году организованное рабочее движение началось и на Урале, именно в г. Златоусте, где действовала организованная группа рабочих-социалистов (во главе с умершим впоследствии рабочим А. Тютевым). В течение целого года рабочие Оружейного завода вели чрезвычайно стойкую и организованную борьбу с заводоуправлением за реформу существовавшего по положению 1861 года „горнозаводского товарищества", характер которого, как почти везде на Урале, был совершенно искажен заводской администрацией, захватившей его в свои руки. Рабочие обращались к различным властям, вплоть до министра, добивались присылки чиновников из Петербурга и энергичным отстаиванием своих интересов поставили в безвыходное положение заводскую администрацию, не имевшую возможности сбить протестантов с их легальной почвы. Параллельно с этой борьбой, в течение $2^1/_2$ месяцев один цех этого завода (пудлинговый) бастовал, требуя замены сдельной платы поденной, и добился удовлетворения своего требования.

В 1898 году, как мы видели выше, волна стачечного движения спала, чтобы опять подняться в 1899 году. Промышленный подъем доживал свои последние дни, и в конце 1898 г. уже кое-где (в южной металлургической промышленности) начали сказываться симптомы застоя. Стачечное движение текстильщиков северного и центрального районов и шедших за ними петербургских и московских механических заводов, развившееся на почве оживления промышленности и принявшее характер наступательного профессионального движения, свойственного периодам такого оживления,—продолжало вплоть до конца 1899 года закреплять за собою сделанные в 1896—97 гг. завоевания. Борьба за повышение расценок, компенсирующее сокращение рабочего дня по закону 2 июля, играет здесь главную роль; там, где рабочие более отстали, им приходилось бороться против попыток понижения самих расценок, которым фабриканты думали возместить себя за „убытки" от сокращения рабочего дня. В январе 1898 г. на такой почве происходят забастовки в Москве (Прохоровская м-ра, фабрика Гюбнера и др.), Вышнем-Волочке, Риге; в феврале на Норской м-ре близ Ярославля и в с. Гусь

Меленковского уезда; в мае—в Новолоках, Костромской губ.; в сентябре—в Иваново-Вознесенске (фабр. Маракушева); в октябре—в Твери (Морозовская м-ра); в декабре—в Петербурге (на фабриках Максвеля и Паля). В 1899 г. такие же стачки имеют место в феврале и марте в Твери, в Серпухове (фабр. Коншина), в мае—в Риге, осенью—в Кинешме, Костроме и с. Слободе Муромского уезда. В большей части случаев стачки кончались победой рабочих. Другой поток стачечной борьбы направился в 1898 г. по руслу борьбы за сохранение праздников, являясь продолжением всеобщей Иваново-Вознесенской стачки. Эта борьба была почти везде успешна. В Петербурге в течение 1898 г. стачки на этой почве происходили на фабриках Воронина, Максвеля, Кожевникова, Гольдарбейтера, Печаткина (писчебумажная), Гука, Чешера и Паля. Борьба за сокращение рабочего дня велась в Петербурге на газовом заводе (начало 1898 г.), на металлургическом заводе (февр. 1898 г.) и на адмиралтейских казенных заводах в Колпине (летом 1898 г.). На тех же заводах, как и на другом казенном заводе—Нового адмиралтейства,—велась борьба за регулярную расплату два раза в месяц.

Все эти стачки в северном и центральном районах, по общему правилу, отличались еще более мирным характером, чем в предыдущие годы. Никаких эксцессов со стороны рабочих не замечалось даже в глухих фабричных поселках. Это не помешало тому, что властями были высылаемы против стачечников военные отряды, и на этой почве возникали резкие конфликты, принявшие серьезный характер в 2 случаях. В селе Гусь, Владимирской губернии, рабочие добивались от вице-губернатора освобождения арестованных руководителей стачки и грозили освободить их силой. Несмотря на то, что эта угроза исполнена не была, 22 рабочих было предано суду за участие в скопище и приговорено к тюремному заключению до 6 месяцев. Суду же были преданы рабочие фабрик Максвеля и Паля, забастовавшие в декабре 1898 г. в Петербурге. Стачечники, рядом с требованием повышения расценок, предъявили инспекции два политических требования: свободы стачек и собраний. Возможно, что это проявление политической тенденции

в стачке обусловило применение петербургскими властями необычайной степени репрессий. Стачку старались подавить силой во что бы то ни стало. Это раздражало рабочих, и когда полиция вздумала ночью проникнуть в одну из фабричных казарм, чтобы арестовать нескольких стачечников, рабочие оказали ей решительное сопротивление, продолжавшееся несколько часов, причем полицейским и казакам нанесены были поранения досками, поленьями, камнями и т. д. После того, как рабочие в конце-концов сдались, полиция подвергла их жестокой расправе, которая была раскрыта во всех подробностях защитой в процессе об этих беспорядках в петербургской судебной палате. Многие рабочие и работницы были избиты до потери сознания, некоторые серьезно заболели, были случаи лишения зрения и слуха. Признанные главными виновниками стачки были впоследствии присуждены к суровым наказаниям.

Движение на севере и в центре России в эти 2 года, по сравнению с предыдущим временем, представляется вошедшим в определенное русло, и к нему начинают привыкать. Более бурный и тревожный характер оно носит в других районах России.

Прежде всего это надо сказать о Польше. Уже в начале 1898 года в Варшаве возникает серьезное движение, вызванное применением закона 2 июля. Как известно, рабочий день на польских фабриках был везде значительно короче, чем на русских, почему польские капиталисты всегда выступали сторонниками законодательной нормировки рабочего времени. Когда же закон 2 июля вошел в силу, они пытались удлинить рабочий день на своих заводах до „законной" нормы. Эта попытка была отражена рабочими после успешной стачки всех механических заводов Варшавы. Летом 1899 г., кроме вызванных разными частными причинами забастовок в Лодзи (на прядильных Шейблера и Познанского); происходит грандиозное стачечное движение в Варшаве на мелких мануфактурах и среди ремесленных мастерских. Движение захватило также крупные и мелкие механические заводы, типографии[1]) и кожевенные заводы,

[1]) Первая общая стачка в варшавских типографиях произошла еще в марте 1896 г. и завершилась увеличением заработной платы на 30%.

равно и строительных рабочих, приняв характер всеобщей забастовки, в которой участвовало свыше 30 тысяч рабочих. Главными требованиями были сокращение рабочего дня и повышение заработной платы; для значительного большинства стачки окончились успехом. В то же время начался ряд крупных забастовок в шахтах домбровского района, кончившихся почти всеобщей забастовкой 12.000 рудокопов этого района (август 1899 г.). Стачечники требовали сокращения рабочего дня, увеличения платы и отмены штрафов. Стачка длилась одну неделю и кончилась поражением рабочих.

То, что польские рабочие переживали в 1891—94 гг., а петербургские в 1896—97 гг.—первый, до известной степени романтический, порыв только что пробужденных масс к немедленному боевому выступлению для завоевания коренных экономических улучшений и для манифестации классовой солидарности,—это в 1899 году пережили рабочие Прибалтийского края. В 1898 г. в Риге происходил ряд незначительных стачек в разных профессиях; в том же году на крупной Цинтенгофской мануфактуре, в Лифляндской губернии, шла забастовка из-за попытки понижения расценок. В 1899 году в том же городе и в Либаве произошли всеобщие забастовки. В Либаве толчек был дан предмайской агитацией социал-демократов. В день 1 мая была проведена всеобщая забастовка. Ее впечатление было таково, что через несколько дней забастовали все фабрики и заводы, портовые рабочие, каменщики и плотники, выставляя повсюду требования повышения платы и сокращения рабочего дня на 1 час. Эти стачки, охватившие свыше 10.000 рабочих, окончились всюду успехом.

Другой характер носила всеобщая забастовка в Риге. Она началась частной стачкой работниц Джутовой мануфактуры, направленной против понижения платы. Работницы собрались в городском саду, но полиция их там оцепила, чтобы подвергнуть аресту, причем, по некоторым сведениям, пустила против них в ход пожарную трубу, обливая их водой. Известия об аресте и насилиях, которым подверглись женщины-работницы, облетело город, и рабочие находящегося вблизи завода „Феникс" бросились освобождать их, что им и удалось.

Между тем, рабочие в разных местах бросили работу и демонстрировали на улицах. Движение было совершенно стихийным, в нем проявлялось лишь неопределенное возмущение и раздражение. Вскоре стачка стала всеобщей. Войска скоро стали применять огнестрельное оружие, рабочие, в свою очередь, нападали на патрули, стреляли из окон. Начался уличный бой, подобный бывшему в Лодзи в мае 1892 г. Через несколько дней движение утихло, оставив по себе несколько десятков трупов и след глубокого ожесточения в умах латышских рабочих.

На юге в металлургической промышленности движение 1898—99 гг. носило пестрый характер. Частью оно, подобно движению на севере и в центре, носило наступательный характер и было направлено к достижению повышения платы (франко-русские вагонные мастерские в Екатеринославе в марте 1898 года, вагоностроительный завод в Нижнеднепровске в мае 1898 года, трубочный завод в Екатеринославе летом 1898 г., харьковские заводы Пильстрема, Тренке, Бельке и Бельгийского общества весною 1899 года, заводы Никополь Мариупольский и Провиданс в Мариуполе в июле того же года). Являясь, как и на севере, в центре и в Польше результатом частью промышленного оживления, частью агитации социал-демократов, это движение, сопровождавшееся известным успехом, вероятно, направилось бы по тому же пути, по какому пошла экономическая борьба в указанных районах, еслиб оно не наступило слишком поздно. Надвигался промышленный кризис. Отдельные заводы уже испытывали затруднения и старались „экономить“ на заработной плате и других условиях труда. Среди рабочих поэтому нарастали глухое раздражение и недовольство при отсутствии уверенности в возможность успешной наступательной борьбы. В такой атмосфере летом 1898 г. на громадном Брянском заводе стихийно вспыхнули бурные беспорядки, вызванные убийством рабочего сторожем-черкесом. Беспорядки выразились в разгроме фабричных зданий, а затем и еврейских лавок. Через некоторое время по совершенно аналогичному поводу [1]) вспыхнули такие

[1]) Сторож убил мальчика.

же беспорядки в Бежице, Орловской губернии, на заводе того же Брянского общества. Как часто бывало в других местах, эта стихийная вспышка неосмысленного недовольства все же явилась исходным пунктом более сознательного и организованного движения в Бежице: через несколько недель рабочие начали правильную стачку, с требованием сокращения рабочего дня, а в сентябре снова забастовали, требуя сохранения прежнего числа праздников. Обе стачки кончились неуспешно. В июне 1899 г. во время стачки в Екатеринославских железнодорожных мастерских из-за праздников часть рабочих пыталась вылить свое недовольство в анти-еврейских беспорядках, но рабочим-социалистам удалось удержать ее от этого. В Николаеве (в апреле 1899 г.) социалистам не удалось предотвратить еврейский погром, начатый строительными рабочими, которых обсчитал подрядчик-еврей.

Непрочное состояние промышленности сказывается в мотивах стачек, заполняющих последние месяцы 1899 г. на юге. В ноябре рабочим франко-русских вагонных мастерских пришлось бороться против увольнения 250 товарищей; тогда же в мастерских юго-западных железных дорог в Киеве рабочие безуспешно противились сокращению числа рабочих часов; в Николаеве на Черноморском и Французском заводах велась борьба против возрастающего применения штрафов.

Наступивший кризис, таким образом, остановил начинавшее развиваться и на юге России наступательное экономическое движение рабочих крупной промышленности, направленное к улучшению условий труда. Что касается рабочих мелких производств, то здесь—преимущественно среди еврейских рабочих—движение развивалось: в Киеве, Одессе, Екатеринославе, Кременчуге, Полтаве и Харькове происходили в разных цехах, на конфектных, табачных, гильзовых фабриках успешные стачки, приведшие к заметному сокращению рабочего времени и увеличению платы.

Более значительные размеры движение ремесленных рабочих имело в Северо-Западном крае. В Белостоке, Вильне, Гомеле, Гродне, Витебске, Двинске, Бобруйске,

Вильковышках, Ковне, Орше, Минске стачки не прекращались, захватывая самые различные производства. В 1898—99 гг. их целью в крупных центрах края было повышение платы, в мелких—сокращение рабочего дня. В неремесленных производствах стачечное движение наблюдалось в 1898 г. среди чулочниц в Вильне (2.000 чел.), в 1899 г. на механических заводах Ковно (1.500 чел.), по поводу сокращения числа праздников, среди каменщиков и приказчиков в Вильне и, наконец, среди кожевников в Сморгони, где рабочие в течение 7 недель всеобщей стачкой добились сокращения прежнего рабочего времени. В непрерывной борьбе рабочих раздробленной шерстяной промышленности белостокского района следует отметить трехмесячную забастовку летом 1889 г. всех ткачей, работающих у посредников: стачечники добились повышения платы, частью до уровня ее на фабриках. Лозунгом стачки было уничтожение посредничества, как отсталой формы производства.

Что касается остальных областей России, то следует отметить движение в пользу установления 8-мичасовых смен на некоторых заводах Урала в 1898 г. (в Златоусте требование это было удовлетворено) и бурные беспорядки в Сормове, Нижегородской губернии (24 июля 1899 г.), вызванные раздражением рабочих против злоупотреблений при расплате. Беспорядки сопровождались разгромом заводской лавки и были подавлены военной силой.

К концу 1898 г. произошла первая крупная забастовка на Кавказе: рабочие и служащие закавказских железных дорог бастовали, требуя сохранения льгот, отнятых у них при переходе дороги в казну. Стачка эта, при которой впервые в России остановилось железнодорожное движение, продолжалась 3 дня и кончилась победой рабочих.

II.

Экономические результаты стачечного движения.

Рабочее движение 1894—99 гг. приняло впервые в России характер общеклассового движения, направленного к значительному изменению социальных условий положения пролетариата. Если в громадном большин-

стве случаев борьба рабочих велась каждый раз в рамках отдельной фабрики, завода или цеха; если немногочисленны были случаи одновременного выступления рабочих целого производства в одном промышленном центре или районе и, вовсе отсутствовали столь частые в западной Европе одновременные забастовки целой отрасли во всей стране,—то, тем не менее, раздробленная по внешним своим формам, борьба объединялась единообразной агитацией социал-демократов, которая способствовала распространению во всем рабочем классе одних и тех же требований и лозунгов борьбы. Развившись на основе небывалого еще в России промышленного под'ема, борьба рабочих во второй половине 90-х гг. могла по об'ективным условиям расчитывать на значительный практический успех тем более, что капиталистическая буржуазия, застигнутая врасплох бурным развитием движения, обнаружила перед ним большую растерянность и не могла в своем сопротивлении опираться на поддержку общественного мнения сколько-нибудь широких кругов самих имущих классов. Напротив, общественное мнение последних было решительно на стороне рабочих, и такие события, как петербургская забастовка 1896 г., воспринимались обществом с живейшей симпатией.

Каковы же были в действительности экономические результаты забастовочного движения?

Согласно официальным сведениям [1]), относящимся к десятилетнему периоду 1895—1904 гг., в общем, из 100 стачек кончалось победой рабочих 28,2, победой хозяев — 45,4 и взаимными уступками — 21,8 стачек (в остальных случаях исход неизвестен). При этом % выигранных рабочими стачек выше всего и равняется 34,3%, для стачек, вызванных условиями внутреннего распорядка на фабриках (в частности, из стачек, вызванных „условиями быта и довольствия", кончались успешно для рабочих даже 72%). Стачки, вызванные борьбой из-за рабочего времени, кончались успешно

---

[1]) „Статистич. сведения о стачках рабочих на фабриках и заводах за десятилетие 1895—1904 гг." Изд. Отдела Промышлен., Спб. 1905 г.

для рабочих в 31,68% всех случаев. Напротив, стачки, имевшие предметом борьбы заработную плату, насчитывают всего 29,22% с благополучным для рабочих исходом.

Но и в этих пределах неодинаково соотношение между удачными и неудачными забастовками для случаев наступательной и оборонительной борьбы пролетариата.

Так, кончались:

	В пользу рабочих.	В пользу предприн.	Компромис.
Стачки из-за увел. зараб. платы	18,16%	40,05%	31,43%
Сопротивления ее сокращению	46,87%	29,08%	23,43%
Сокращ. раб. дня . . .	24,29%	52,81%	22,88%
Сопротивления его увеличению	63,41%	24,39%	12,19%

Мы видим, что из стачек, возникших на почве однородных вопросов, % кончившихся удачей для рабочих в $2^1/_2$ раза выше для случаев оборонительной борьбы, чем для случаев борьбы наступательной. Для последней, велась ли она из-за заработной платы или из-за рабочего дня, стачки, кончившиеся для рабочих успехом полным или частичным (компромиссом), составляют менее $^1/_2$ всего числа стачек. Напротив, для оборонительной борьбы такие стачки составляют 70—75%. Следовательно, поскольку стачечное движение было, вообще, успешно, оно достигало не столько улучшения условий труда, сколько препятствовало их ухудшению. Это подтверждается и данными о стачках, вызванных вопросами о штрафах и вычетах, и о действиях фабричной администрации. В борьбе на этой почве, где затронуты не основы капиталистической эксплоатации, а производные злоупотребления, часто явно противозаконные, стачки, по своим результатам, распределялись так:

	В пользу рабочих.	В пользу предприн.	Компромис.
Стачки из-за штрафов и вычетов	23,07%	69,23%	7,69%
Действия фабр. администрации	27,27%	58,44%	14,28%

Следовательно, абсолютное большинство таких стачек кончалось поражением рабочих. Сила их наступательного движения в 60—70 случаях из ста оказывалась недостаточной, чтобы устранить наиболее яркие проявления капиталистического производства и наиболее вопиющие эксцессы гнета фабричной администрации.

Главные победы стачечного движения лежали в сфере законодательного регулирования условий труда. Закон 2 июня 1897 г., означавший прежде всего громадную моральную и политическую победу рабочего класса, принудившего законодательство преодолеть тридцатилетнюю оппозицию привилегированной группы буржуазии, в то же время достигал заметного улучшения условий труда для очень многочисленных категорий рабочих, работавших до издания закона 12 и свыше часов. Закон 2 июня, кроме ограничения рабочего времени всех рабочих $11^1/_2$ час. в сутки, определил максимальное рабочее время для ночных работ в 10 часов и ограничил сверхурочную работу, допускаемую лишь с согласия самих рабочих, 120 часами в течение года. Мы увидим ниже, в какой мере эти постановления закона были видоизменены последующей деятельностью правительства. Здесь ограничимся указанием, что все эти улучшения, внесенные законом 2 июня, имели особое значение для производств и районов, наименее затронутых стачечным движением, где условия продолжительности и распределения рабочего времени были особенно неблагоприятны для рабочих [1]).

С другой стороны, почти повсеместное сокращение рабочего времени, как бы оно ни было незначительно на практике, само по себе создавало тенденцию к увеличению заработной платы, сокращая относительно предложение рабочих рук. Эта тенденция часто реали-

[1]) По официальным сведениям, в наиболее капиталистически-развитых производствах: хлопчатобумажном и металлическом процентное отношение числа бастовавших за десятилетие рабочих к числу всех рабочих производства было наиболее высоко, достигая 47,3 и 46,4%. В производствах с наиболее примитивными условиями труда, напротив, % участвовавших в стачках весьма низок (5,9 для обработки шелка, 7,7 для обработки питат. веществ, 8,8 — обработка дерева, 10,5—минералов, 11,7—писчебумажное, 18,1—химические, 14,0—шерстяное, 19,7—обработка льна и пеньки).

зовалась помимо борьбы рабочих. Наконец, самый факт быстро распространявшегося стачечного движения, сопровождавшегося под'емом самосознания и чувства собственного достоинства в рабочих массах, заставлял хозяев и фабричную администрацию устранять множество мелких, но чувствительных для рабочих, стеснений и злоупотреблений, в которых издавна так ярко выступало так называемое „патриархальное" положение рабочего класса в России.

И, тем не менее, если мы присмотримся к положению рабочих масс в России в начале XX века, мы убедимся, что и после рассмотренного периода оно должно быть признано крайне жалким; что улучшения, достигнутые в нем фактически, далеко не соответствуют тем успехам, которые сделало возможными развитие промышленности, и что лишь очень небольшая часть зол, против которых рабочие боролись в 90-х гг., исчезла совершенно из жизни рабочего класса.

Чтобы в этом убедиться, достаточно посмотреть на условия продолжительности рабочего времени, каковыми они оказались в начале XX века—через несколько лет после введения в действие закона, составившего самую крупную победу рабочих.

В Киеве и Одессе на гильзовых фабриках рабочий день продолжался 13 часов в сутки. В Киевском округе на сахарных заводах везде работали 12 часов (в 1901 г.). В Двинске на спичечных фабриках рабочий день достигал 15—16 часов [1]). В Сморгони на кожевенных заводах 13—14 час. В с. Богородском, Нижегородской губ., кожевники работают 15 час. В Херсоне на табачных фабриках работали 14—18 час. В Батуме на заводе Манташева 15—16 час. В каменноугольных копях, Екатеринославской губ., в 1902 году шахтеры работали под землей $12^1/_2$—13 час., на шахтах Рязанской губ.—12 час. В Баку тартальщики также работают 12—14 час. (Пажитнов. Стр. 190).

Среди ремесленных рабочих мы попрежнему наблюдаем крайне продолжительный рабочий день: в Москве булочники у Филиппова работают с 12 час. ночи до

[1]) Пажитнов. Стр. 229.

1—2 дня (13—14 час.), при чем подростки работают столько же, сколько и взрослые; в Либаве рабочий день у дамских портных равен 13—15 ч.; в Бердичеве заготовщики работают 16 час.; в Нежине и Смоленске еще в 1902 г. ремесленники тщетно добиваются исполнения закона о 10-тичасовой работе; в Киеве портные в магазинах готового платья заняты 18—19 час. в сутки; слесаря—от 15 до 18 час.; екатеринославские ремесленники—14—17 ч.; в Одессе работницы модных мастерских работают от 13 до 17 часов. Как и в Москве у булочников, так и в Батуме на керосинных заводах малолетние и подростки работают столько же, сколько взрослые: на работе в 15—16 час. встречаются 8-ми и 7-милетние дети. В Киеве „закон 1-го июня 1882 года, ограничивающий работу подростков 6—8 часами и безусловно воспрещающий работу малолетних до 12 л. возраста, для гильзовых фабрик не существует", а на табачных фабриках малолетние работают 12 часов. На Криворожских и других рудниках юга мальчики 11—13 лет работают по 12 часов и более за 10—12 р. в месяц.

Постановление закона 2-го июня, ограничившее число сверхурочных часов в год 120-тью и разрешавшее их лишь с согласия самих рабочих, благодаря частью позднейшим мерам правительства, не привело к заметному ослаблению этого зла, сводящего на-нет борьбу за сокращение рабочего времени. „Отказаться от сверхурочных работ—это означает в глазах многих работодателей и мастеров протест, за что рабочий получает выговор, и очень часто ему отказывают от места"—эту характеристику положения, данную г-ну Озерову одним московским рабочим [1]), надо распространить на всю Россию. В Нерехте, Костромской губ., на ткацкой и льнопрядильной фабрике Брюхатова, занимающей 800 чел., в 1905 г. рабочий день был обязательными сверхурочными работами доведен до $13^1/_2$ час. [2]). На крупных табачных фабриках в Ростове-на-Дону в 1900 г. рабочих заставляли ежедневно работать 1 час сверхурочно за обычную часовую плату; также обязательны сверхурочные

[1]) Цит. у Пажитнова. Стр. 143.
[2]) Ibid, стр. 145.

работы и на механических заводах Ростова-на-Дону. Параграф закона, устанавливающий 4 суток месячного отдыха для рабочих в непрерывно действующих производствах, также сведен был на-нет: для крупных московских булочных это было достигнуто циркуляром Витте от 24 февраля 1898 г. Шахтеры в Прохоровском руднике, Екатеринославской губ., имеют всего двое суток месячного отдыха. На писчебумажной фабрике Панченко в Ростове-на-Дону, вопреки закону, рабочих заставляют работать в воскресенье, нанимая их, яко-бы, „поденно" и увольняя тех, кто отказывается от воскресной работы. На совещании чинов фабричной инспекции Киевского округа в 1904 г. „было высказано, что во всех губерниях округа замечается несоблюдение пункта б. ст. 13 правил о предоставлении рабочим, занятым в непрерывных производствах, суточного отдыха 4 раза в месяц" [1]).

Переходим к заработной плате. Энергичная борьба за ее повышение во многих областях России увенчалась на первых порах значительным успехом. М. И. Туган-Барановский, ссылаясь на известный труд Брандта („Иностранные капиталы"), указывает, что на заводе Юза с 1885 по 1897 год низшая плата поднялась с 35—40 к. в день до 70 к., а высшая—с 3 р. 70 к. до 6 р. [2]). Однако, критический разбор тех же данных приводит Пажитнова [3]) к выводу, что для сдельных рабочих, которых в 1897 году было 2.866 (31% всего числа занятых на заводе), средняя плата с 1885 года упала с 44 до 37 руб. в месяц; заработок же поденных рабочих повысился лишь в той мере, в какой увеличилось количество рабочих дней в году.

Согласно данным г. Шестакова [4]), на мануфактуре Э. Циндель в Москве за время с 1895 г. по 1899 г. средняя заработная плата поднялась на 15%. На 4 крупных московских мануфактурах за период 1883—96 гг. увеличение заработной платы составляло для ткачей 9%, для прядильщиков—17%, для работниц—18%. На 5 круп-

---

[1]) Пажитнов. Стр. 142.
[2]) Туган-Барановский. l. c., стр. 441.
[3]) Пажитнов. l. c., стр. 237.
[4]) Шестаков. Рабочие м-ры Э. Циндель.

ных мануфактурах Владимирской губ. за тот же период увеличение платы составило у ткачей 11%, у прядильщиков—10%, у работниц—18% [1]).

М. И. Туган-Барановский делает из этих данных тот вывод, что „в общем, за новейшее время не только денежная, но и реальная плата повысилась". Вывод едва ли может быть признан обоснованным, если принять во внимание, что за время с начала 80-х гг. по конец 90-х гг. хлебные цены в России возросли почти вдвое. Пажитнов, рассматривая положение горнорабочих на Урале, пришел к выводу, что при возрастающих ценах на жизненные продукты номинальная плата осталась почти неизменной. То же и на рудниках Юза [2]).

Еще в 1901 году рабочим в Иваново-Вознесенске приходилось бороться за сохранение заработной платы в 11 р. в месяц, которая, по данным м-ва финансов, была средней для этого района в средине 90-х гг. [3]). По официальным же сведениям (отчет киевского фабр. инспектора за 1901 г.), в 1901 г. женщины на гильзовых фабриках вырабатывали 2—4 р. в месяц, а рабочие сахарных заводов—4 р. 70 к. в месяц (на собственном содержании) [4]).

Ремесленным рабочим удалось во многих цехах поднять свою заработную плату—иногда даже на 50—100%. Но и здесь после наступления промышленного застоя мы вновь встречаемся с совершенно „голодными" заработками, которые, при поштучной плате, вынуждают самих рабочих отказаться от сделанных раньше завоеваний в области сокращения рабочего дня.

Даже такое зло русской фабричной жизни, как неправильная и неаккуратная выдача заработка, не было вовсе устранено в годы промышленного под'ема. В 1900 г. в самой столице на заводе, принадлежащем удельному ведомству,—именно императорском фарфоровом заводе—практиковалась, как общее правило, система произвольных сбавок при расчете с уже выработанной платы:

---

[1]) Туган-Барановский. Стр. 440, таблица.
[2]) Пажитнов. Стр. 237 и 260—61.
[3]) „Продолжительность рабочего дня и зараб. плата". Изд. м-ва фин. Спб. 1896 г., стр. 33.
[4]) Пажитнов. Стр. 149—150.

„Сбавляется по 10—15—20 р. по усмотрению". На Александро-Нарвинском руднике, Екатеринославск. губ., расплата в 1900 г. производилась не чаще 4 раз в год, при чем практиковалась расплата товарами. На фабрике Рабенек близ ст. Щелково (Московской губ.) рабочие (в 1900 г.) были обязаны брать продукты в хозяйской лавке, переплачивая при этом 15—20%. В Глуховской мануфактуре (около Богородска) такая же переплата составляла 30—35%.

Жилищные условия изменились к лучшему разве только в горном польском округе [1]). На Богородско-Глуховской мануфактуре в 1899 г., по требованию рабочих, было определено для рабочих казарм кубическое содержание воздуха на 1 человека (1 кубич. сажень). Вскоре после этого, 60 „недовольных" рабочих были рассчитаны, и норма нарушена. В Орехове-Зуеве в казармах С. Морозова, считавшихся „образцовыми", комната в 3 сажени длины и 5 арш. ширины служила жилищем для 3-х семейств, из которых одно помещалось на палатях. В других местностях казармы были гораздо хуже. Посетивший Вичугский район, Костромск. губ., в 1901 г. мин. внутр. дел Сипягин заявил своей свите по поводу виденных им казарм: „Я и мысли не мог допустить, чтобы в России фабричные рабочие жили в таких помещениях". Жилища горнорабочих Екатеринославской губ. и нефтепромышленных рабочих в Баку были столько же плачевны [2]). Не лучше, благодаря жалкой заработной плате и социально-реакционной муниципальной политике, складывались эти условия и для рабочих, живших на „вольных" квартирах [3]).

Отвратительные санитарные условия самой фабричной работы, отсутствие надлежащей охраны от несчастных случаев и грубо казарменный режим остались характерными для большинства фабрик.

Таким образом, несмотря на громадные его усилия, положение рабочего класса, в общем и целом, улучшилось лишь очень незначительно, и, главное, все достиг-

---

[1]) Пажитнов. Стр. 219.
[2]) См. у Пажитнова. Стр. 202—204.
[3]) Там же, стр. 129—132.

нутые им улучшения оказались очень непрочными. Как только под'ем промышленности сменился неизбежным застоем, условия жизни русского рабочего стремятся вернуться к прежнему уровню. Но это и неизбежно при том условии, когда достигнутые рабочими улучшения в моменты благоприятной экономической кон'юнктуры, не закрепляются законом и не охраняются широкими и сильными рабочими организациями. Между тем, то, что правительство давало рабочим под влиянием рабочих волнений сегодня, отнималось у них назавтра, как только проходили события, вызвавшие уступку. Общее же направление внутренней политики, неуклонно преследуя всякие попытки рабочих к организации, достигало того, что в каждом отдельном случае экономической борьбы рабочим удавалось отвоевать у капиталистов минимум того, что им позволяли получить условия промышленности.

III.

Правительство и рабочее движение во второй половине 90-х годов.

В 1894 году лодзинское отделение общества для содействия промышленности и торговли возбудило перед правительством ходатайство о законодательном запрещении ночной работы и ограничении рабочего дня 10 часами для рудников, 11—для металлических заводов и 12—для всех остальных промышленных заведений. К такому шагу фабрикантов лодзинского района принудило стачечное движение предыдущих лет, вынуждавшее их к уступкам, которые ставили их в неблагоприятные условия конкуренции сравнительно с русскими фабриками. В 1895 году московское отделение того же общества образовало для рассмотрения этого вопроса особую комиссию и, после доклада последней, постановило ходатайствовать о запрещении ночных работ и введении 12-тичас. раб. дня для всех фабрик вообще и 11-тичасового для механических прядилен и ткацких. Таким образом, наиболее влиятельные крупные фабриканты московского района готовы были отказаться от традиционной своей оппозиции законодательному регулированию рабочего времени.

Правительство опросило фабричных инспекторов относительно этих проектов, и полученные им ответы сводились к тому, что необходимое в интересах здоровья рабочих ограничение рабочего времени явится экономически выгодным, поскольку благоприятно отразится на производительности труда.

Тем не менее, правительство медлило с выработкой закона и, когда вспыхнула петербургская стачка 1896 года, оно прежде всего сосредоточило свое внимание на том, чтобы показать рабочим, что их движение не окажет никакого влияния на законодательство. Предложение владельцев петербургских бумагопрядилен немедленно ввести $11^1/_2$ ч. раб. день на своих фабриках было отклонено министерством финансов, а возвещенная во время летней стачки выработка закона об ограничении рабочего дня, грозила затянуться надолго.

Только повторение стачки в январе 1897 г. изменило настроение правительства. 2-го июня того же года последовал известный закон о продолжительности рабочего времени.

Главным мотивом к изданию нового закона являлось стремление предотвратить повторение крупных стачечных движений. На этой точке зрения особенно стояло министерство внутр. дел, представитель которого, Щегловитов, в особом совещании, обсуждавшем данный вопрос, высказался даже за законодательное установление норм заработной платы.

Закон 2-го июня установил рабочий день для всех фабрик и заводов в $11^1/_2$ ч. в сутки, не приняв, таким образом, тех сокращенных норм (11 и 10 час.), которые для технически более развитых или более тяжелых производств предложены были, московскими и лодзинскими капиталистами. Вопреки ходатайству тех и других и давнему согласию петербургских фабрикантов, работа ночью для взрослых рабочих не была запрещена, а лишь ограничена 10 часами. Устанавливая дни обязательного отдыха, закон ограничил их 66-ю в год, тогда как неприсутственных дней числится 87. Как мы видели, этот пункт закона послужил поводом для фабрикантов повести борьбу за отнятие у рабочих тех праздников, которыми они пользовались согласно обычному праву.

Сверхурочные работы допускаются лишь по особому соглашению между фабрикантами и рабочими и только для работ, „необходимых по техническим условиям производства".

Самой характерной чертой нового закона было то, что он не установил никаких наказаний за нарушение фабрикантами его определений, допустив лишь ничтожный штраф (до 50 руб.).

Распространением правил 1886 года на всю Евр. Россию и часть Кавказа и увеличением штатов фабричной инспекции ограничилось дальнейшее прогрессивное развитие фабричного законодательства. Одновременно началось попятное шествие.

„Правилами" 2 сентября 1897 г. и „инструкцией" инспекторам были установлены существенные из'ятия при применении закона 2 июня (изъяты из под его действия все подрядные работы; допущено увеличение числа сверхурочных часов свыше 120 в год; допущена „ломка смен" при непрерывной работе). Циркулярами 8 янв. и 14 марта 1898 года льготы по применению сверхурочных работ еще более расширены, а циркуляр 28-го февраля того же года признал необязательным освобождение от работ не менее 3 раз в месяц тех рабочих, которые при непрерывном производстве работают 8-ми часовыми сменами.

Общая тенденция к ухудшению закона 2 июня характерно сказалась в том факте, что правительство ни разу не воспользовалось предоставленным ему этим законом правом издавать специальные ограничительные правила о рабочем времени в особо вредных для здоровья производствах.

Независимо от давления промышленной буржуазии, в такой политике сказывалось признание рабочего движения фактором, опасным для существующего строя. Преобладание охранительно-полицейской точки зрения в рабочем вопросе выразилось во второй половине 90-х гг. в стремлении самое фабричную инспекцию сделать прежде всего орудием борьбы с рабочим движением.

Уже в секретном циркуляре от 5 дек. 1895 года (за № 24252) начавшиеся стачки объясняются происками рабочих, которые „по своим нравственным качествам не могли приобрести себе прочного положения ни на

одной из мануфактур", либо же людей, „стремящихся искусственно создать у нас ту печальную рознь, которая возникла между фабрикантами и рабочими на Западе". Считая воззрения таких людей „отвлеченными или ложными идеями, совершенно чуждыми народному духу и складу русской жизни", министр рисует розовыми красками „патриархальный склад отношений между хозяевами и рабочими" в России, преобладание со стороны хозяев побуждений, подсказанных „нравственным законом и христианскими чувствами", и указывает, что при такой основе социальных отношений „не приходится прибегать к применению писанного и принуждения". Долг инспекторов—„разъяснять рабочим значение всего полезного и доброго, что для них делается не по обязанности, а по христианскому побуждению и из благородных помыслов", и эта деятельность должна доставить инспекции „большее нравственное удовлетворение, нежели одно лишь нелицеприятное и строгое исполнение обязанностей формальных блюстителей закона".

Рабочим же должно быть внушаемо, что „даже стремление к осуществлению законных прав, но насильственным или незаконным путем" будет всячески подавляться, при чем правительство не допустит, чтобы фабриканты пошли на уступки.

Действительно, в течение всего периода повторяются случаи прямого запрещения властями, в том числе и инспекцией, фабрикантам уступать бастующим рабочим.

Контраст между нарисованной в циркуляре 1895 года картиной положения дел на фабриках и тем, что об этом положении и причинах „беспорядков" говорилось в правительственных сферах за 10 лет до того, был настолько ярок, что для фабричной инспекции не могло оставаться сомнения в том, какая роль возлагается на них отныне.

В 1897 г. министерство внутренних дел решило принять исключительные полицейские меры против растущего стачечного движения и социал-демократической агитации. Циркуляр от 12 августа 1897 г., давая любопытную картину развития стачечного движения и деятельности „Союзов борьбы", предписывает губернским властям, в случае возникновения стачек, об'являть рабочим расчет, высылая по этапу иногородних и за гра-

ницу иностранных подданных. Виновные в насильственных действиях против штрейкбрехеров должны высылаться в северные губернии, зачинщики и подстрекатели — арестовываться в охранном порядке. Вообще, рекомендуется вести дела о стачках в этом именно порядке, ибо „судебное преследование не всегда бывает возможным в виду весьма частого отсутствия всех признаков преступления, предусмотренного ст. 1358 и посл. Улож. о Наказ." и в виду необязательности заключения под стражу лиц, привлеченных по этим статьям.

Проф. Озеров в своей книге [1]) называет этот циркуляр „чудовищным" и попирающим самые элементарные права личности. Особенно вопиющим нарушением закона являлось в нем распоряжение высылать также и тех рабочих, которые прекратили работу с соблюдением всех установленных сроков. Министр финансов на эту незаконность обратил внимание в своем письме к министру внутренних дел от 31 октября 1897 г., но безуспешно, и этот пункт циркуляра остался в силе [2]).

Министерство финансов очень ревниво отнеслось к попытке министерства внутренних дел монополизировать полицейскую, по существу своему, функцию репрессивной борьбы с рабочим движением. В только что упомянутом письме к Горемыкину С. Ю. Витте жаловался, что циркуляр 12 августа издан без предварительного сношения с ним. В циркуляре от 12 марта 1898 года министр финансов отмечает, что местами чины полиции производят расследование о причинах волнений „не только без участия фабричной инспекции, но и без ее ведома". Министр напоминает инспекции, что ее функции ни в коем случае не могут быть ею отчуждаемы в пользу полиции, роль которой, по закону, должна ограничиваться оказыванием содействия чинам инспекции. Это толкование закона было совершенно правильно, но оно шло в разрез с инструкциями, которые сам Витте давал инспекции в 1896 году.

И. Л. Горемыкин никакого внимания на недовольство министра финансов не обращал и вскоре (цирк.

---

[1]) Озеров. „Политика по рабочему вопросу". Москва, 1906 г.
[2]) Озеров. Стр. 33.

от 5 апреля 1898 г.) вновь возложил на полицейские власти заботу о предотвращении конфликтов на фабриках.

С этого именно времени в политике обоих ведомств по отношению к рабочему вопросу начинает обнаруживаться серьезный антагонизм. Начиная с 1897 года, московский обер-полицеймейстер Д. Ф. Трепов, вдохновляемый начальником охранного отделения Зубатовым, проводит по отношению к стачечному движению тактику улаживания конфликтов мирным путем, убеждая фабрикантов идти на кое-какие уступки. Для московской полиции эта тактика являлась продолжением и развитием методов, применявшихся ею с 1896 года в борьбе с социал-демократической агитацией. Развив до последних пределов применение системы агентов провокаторов, Зубатов в короткое время дезорганизовал совершенно социалистические кружки рабочих и интеллигенции: игравший большую роль в стачечном движении 1895—96 гг., социал-демократический „Рабочий союз" почти сошел на-нет. Система провокации не могла быть проводима одними средствами грубого подкупа: на помощь ему шло улавливание отдельных единиц — особенно рабочих — путем убеждения их в возможности добиться терпимости правительства по отношению к рабочему движению при условии отказа рабочих от политически-революционных целей и готовности их ограничиться чисто профессиональным движением. Поскольку эта система имела успех, она обязывала московскую полицию не применять по отношению к стачкам рабочих того метода грубо-механического подавления, который являлся обычным по всей России. В записке, которую министр финансов Коковцев представил в 1905 году в Царское Село, выражается жалоба на то, что в Москве уже с 1898 года администрация стремится усилить воздействие полиции в области рабочего вопроса, при чем, говорит министр, „администрация отдавала в большинстве случаев предпочтение рабочим, как более слабым, и настаивала перед промышленниками об обязательном удовлетворении пожеланий рабочих" [1]).

[1]) Озеров. Стр. 184—5.

2 апр. 1898 г. фабричный ревизор доносил в министерство финансов о том, что вмешательство московской полиции в фабричные конфликты „не содействует успокоению рабочих, а, наоборот, возбуждает вновь успокоившееся было брожение: рабочие, видя, что самые неосновательные претензии их принимаются во внимание и служат предметом расследования, приходят к заключению, что правительственные власти поставлены не для того, чтобы наблюдать за правильным применением закона, а для того, чтобы вступаться за интересы рабочих". По его словам, в московском фабричном присутствии дела обыкновенно проходят с возвышением взысканий, наложенных инспектором на провинившихся фабрикантов, при чем сам инспектор, вместе с представителями промышленников, отстаивает минимальный размер, представители же прокуратуры и полиции—наивысший.

К тому же времени (8 апр. 1898 г.) относится документ, в котором наиболее рельефно вскрылись новые тенденции политической полиции в сфере рабочего вопроса. Мы говорим о конфиденциальном докладе московского обер-полицеймейстера Трепова (написанном Зубатовым) московскому генерал-губернатору.

Изображая социал-демократическую агитацию среди рабочих, как результат разочарования интеллигенции в достаточности ее собственных сил для борьбы с самодержавием, доклад констатирует значительный успех этой агитации, действующей по методам, выработанным германской социал-демократией. Агитационная тактика, использующая недовольство рабочих фабричными условиями, „дала превосходные результаты". Автор при этом замечает: „рабочее движение, вызванное первоначально революционерами, в дальнейшем своем поступательном ходе направляется уже по инерции, на почве подражания, и рабочие, никогда не слыхавшие о пропаганде и только по слухам знакомые с практической стороной и благоприятными результатами какой-нибудь стачки, начинают забастовывать". Успех стачечного движения доклад об'ясняет неловкостью властей, не сумевших предотвратить конфликт, а затем уже вынужденных „санкционировать основательность домогательств рабочих".

Между тем, ряд побед вырабатывает в рабочих „восприимчивость к принятию идей социализма".

„Чтобы обезоружить агитатора,—продолжает Зубатов,—надо открыть и указать рабочему законный исход из затруднительных случаев его положения, имея в виду, что за агитатором пойдет лишь наиболее юная и энергичная часть толпы, а средний рабочий предпочтет всегда не столь блестящий, но более покойный, законный исход. Расколотая, таким образом, толпа потеряет ту свою силу, на которую так надеется и рассчитывает агитатор".

„Чем занят революционер, тем обязана интересоваться и полиция... Настоящий момент настолько тревожен, деятельность революционеров настолько интенсивна, что для борьбы со злом требуется дружная совместная работа всех сопричастных движению ведомств. Принцип разногласия и раз'единение правительственных органов в то время, когда боевой лозунг революционеров: об'единение, слияние и солидарность („рабочие всех стран, соединяйтесь") никоим образом не может гарантировать безусловной и скорой победы над социальной демократией". За этими строками следует обличение м-ва финансов за отмеченные выше попытки обуздания социал-реформаторского пыла полиции.

Предложение противопоставить социализму революционному „социализм" полицейский пока еще не получило правительственной санкции. Однако, в том же 1898 году шеф жандармов, ген. Пантелеев, посетив Ярославскую, Костромскую и Владимирскую губернии, представил записку о рабочем вопросе, в которой давал изображение положения рабочих, прямо противоположное тому, которое рисовал Витте. По его словам, „фабриканты, пользуясь безвыходным положением рабочих, эксплоатируют их труд в свою пользу. В эксплоатации рабочих фабрикантами, когда последние, получая громадную прибыль, мало оплачивают рабочий труд.. кроются, главным образом, причины волнений и забастовок... Сопоставляя труд рабочего, отдающего фабрике все свои жизненные силы, с тем, что дает ему фабрика, располагающая громадными капиталами и обязанная своим благосостоянием труду того же рабочего, нельзя не придти

к заключению, что на долю рабочего выпадает слишком мало".

После этих красноречивых строк шеф жандармов предлагает озаботиться об улучшении санитарных условий производства и устройстве здоровых рабочих казарм; для усиления же надзора за рабочими рекомендует организовать особую фабричную полицию, содержимую частью на средства фабрикантов [1]).

Социально-реформаторские проекты генерала Пантелеева остались благими пожеланиями; проект же образования фабричной полиции, получив одобрение министра финансов, уже 1 февраля 1899 г. стал законом.

Однако, новая полиция сразу заняла такое самовластное положение на фабриках, что рижские и петербургские фабриканты немедленно возбудили ходатайство о том, чтобы чины ее не имели права доступа внутрь фабричных помещений. Рижские фабриканты заявляли: „вмешательство полиции в разногласие между фабрикантами и рабочими может лишь вредно отразиться, а такового вряд ли можно избежать при постоянном пребывании полицейского на фабрике".

В свою очередь петербургские фабриканты заявляют, что „все главные стороны жизни на фабрике находятся под постоянным наблюдением более близко стоящего к фабричной жизни фабричного инспектора, и присутствие полиции может быть нужным только при нарушении тишины и порядка". Фабриканты продолжали считать фабричную инспекцию органом более заслуживающим с их стороны доверия, чем полиция. В свою очередь, министр финансов в письме к министру внутр. дел от 11 апреля 1901 г. жаловался на „неудобство и невозможность положения фабрикантов, вынужденных вести занятия в постоянном присутствии и под надзором полиции, и вновь требовал, чтобы право входа в фабричные помещения было у фабричной полиции отнято.

Действительно, высшие полицейские чины, следуя методу Зубатова, в своих инструкциях фабричной полиции возлагают на нее не только шпионские обязанности, но и (в инструкции одесского градоначальника гр. Шува-

[1]) Озеров. Стр. 148—151.

лова от 15 октября 1899 г.) миссию знакомиться с образом жизни рабочих и приобретать влияние на более выдающихся из них. Петербургский градоначальник требовал, чтобы чины фабричной полиции „в точности изучили производство той отрасли, где они находятся, и знали во всякое время, в каком положении находится коммерческая сторона предприятия“ [1]).

Разумеется, жалкий умственный уровень чинов фабричной полиции превратил быстро в смешную утопию надежду на то, что в ее лице правительство получит нечто большее, чем новое орудие сыска и механического подавления рабочего движения.

Между тем, в роли такого орудия все более энергично действовала фабричная инспекция. В 1896 г., во время стачки в Коврове, владимирский инспектор доносил: „Я решил действовать, поставив целью отнюдь ни в чем не уступать рабочим“. Костромской инспектор в донесении о стачке в с. Наволоках, Костромск. губ. (1897 г.), жаловался на то, что „непринятие энергичных мер“ привело к уступкам со стороны хозяина. Тот же инспектор жаловался на судебное ведомство, не нашедшее состава преступления в стачке, направленной против явномошеннического обмера. По словам московского инспектора, подавлявшего стачку в Клинском уезде в 1895 г., свою задачу он понимал так: „прежде всего отнять у толпы веру в ее руководителей, выставить их в смешном виде, доказать толпе, что в случае проигрыша ею дела, руководители ничем не вознаградят ее“. Сообщая о подавлении с помощью военной силы стачки в селе Гусь (в 1898 г.), владимирский фабричный инспектор пишет: „Управление систематически допустило целый ряд действий, составляющих или прямое нарушение закона или же, хотя законом не воспрещенных, но идущих в разрез с его духом и смыслом; но не усматривая в этом злого умысла и корыстных побуждений (!), так как причина этого—в неведении русского закона, в незнании русского языка, и частью в преклонном возрасте заведующего и (в виду того, что) *привлечение, хотя и к справедливой каре, но после упорной стачки, заведующего могло бы*

[1]) Озеров. 162—4.

вселить в среде рабочих убеждение, что незаконным путем они могут добиться своих домогательств, и на будущее время это уронило бы авторитет фабричного управления, я ограничился указанием правонарушений в ревизионной книге и взял подписку к устранению их".

По поводу стачки на джутовой фабрике Лебедева в Петербурге (дек. 1895 г.) инспектор сообщает, что он, согласно требованию градоначальника, заявил рабочим: „если бы хозяин и захотел прибавить плату, то ни я, ни сам градоначальник не допустим до этого". Совершенно то же о своих действиях сообщает фабр. инсп. Петроковской губ. по поводу стачки на м-ре Мот (1894 г.). Гродненский инспектор в 1901 г. жаловался на уступчивость одного фабриканта: „Пример столь быстрого удовлетворения фабрикантом так незаконно пред'явленных требований рабочих может лишь поощрять рабочее население города Белостока к повторению подобных же, остающихся безнаказанными, выходок". И т. д. и т. д.[1]).

Но этим дело не ограничивалось. По уговору старшего фабричного инспектора Петербургской губернии с охранным отделением, один из подчиненных ему инспекторов должен был в 1899 г. явиться в охранное отделение, чтобы через особое отверстие в дверях рассматривать дефилировавших перед ними рабочих Охтенской мануфактуры и указать тех из них, которые с ним об'яснялись во время забастовки. Инспектор Лифляндской губернии 1897 г. обратился в м-во финансов с жалобой на „Рижские полицейские ведомости", сообщавшие об одном реферате в импер. техн. обществе в Москве, в котором излагалось вредное действие длинного рабочего дня на здоровье ткачей. „Убедительно прошу,— писал инспектор,—путем сношений с мин. внутр. дел предотвратить возможность появления таких статей. Завтра же я передам этот № губернатору, хотя и не ожидаю от этого никакой пользы. Весьма, однако, желательно, чтобы не сообщалось, что этот № представлен мной, так как тогда нам еще труднее будет существовать". Этот же инспектор и в том же смысле сообщал о местной прессе еще в 1896 г. На вред газетных статей

[1]) Озеров. Стр. 38, 41, 43, 48, 50, 54, 57, 59.

о нормировке рабочего дня указывал старший инспектор Петроковской губернии в 1899 г. Нижегородский старший фабричный инспектор в 1901 г. доносил на профессора, об'явившего о намерении прочесть публичную лекцию на тему: „Итоги экономического развития", а в 1902 г. подал ряд доносов на жандармское управление, которое освобождает рабочих, арестованных за пение революционных песен и клики против монархии. „Фабричная инспекция,—писал он,—бессильна предупредить волнения на почве революционной пропаганды, особенно *когда деятели ее пользуются покровительством жандармской полиции*"[1]).

В 1899 г. старший инспектор Петерб. губ. С. А. Лебедев обратился к фабрикантам с предложением прислать ему списки „неблагонадежных" рабочих [2]). В корреспонденции одного заграничного органа за 1899 г. [3]) рассказывается, как в Белостоке во время стачки кожевников старший фабричный инспектор принял пришедших к нему рабочих—кожевников, жаловавшихся на попытку фабрикантов удлинить рабочий день. „С такими дураками, которые хотят работать только от 8 до 8 ч. я не хочу совсем разговаривать". Во время стачки щитинщиков в Волковишках весной 1897 г. инспектор „заставил фабрикантов разорвать условия", которые они уже подписали с рабочими на основе компромисса [4]).

Прибавим, что за период, прошедший с середины 1900 г. по конец 1902 г., фабричная инспекция составила протоколы всего в 5,7% всего числа обнаруженных ею правонарушений, со стороны предпринимателей [5]), т.-е. в 94 случаях из 100 эти правонарушения, согласно официальным же данным, прошли для предпринимателей бесследно. Если к этому прибавить, что, по официальным же сведениям, за десятилетие 1895—1904 гг. аресты и высылки имели место в 164 стачках, судебные преследования—в 31, а призыв войск—в 269

[1]) Озеров. Стр. 113, 117—121.
[2]) „Раб. Д.", № 6.
[3]) „Раб. Дело", № 2—3.
[4]) „Листок Работника", № 6. 1897 г.
[5]) Прокопович, l. c. стр. 114.

стачках, тогда как за все это время со стороны самих стачечников наблюдалось лишь 44 случая эксцессов всякого рода [1]), то нам не останется ничего прибавить для характеристики роли правительства в стачечном движении 90-х годов.

В возникшем рабочем движении правительство прежде всего видело проявление общественной самодеятельности в народных массах и сближение последних на этой почве с революционными элементами интеллигенции. Одно это вызывало в нем стремление во что бы то ни стало подавить движение, не останавливаясь ни перед каким насилием. Это стремление было общим одинаково для представителей обоих течений, нашедших свое выражение в различных тактиках С. Витте и Д. Трепова. Самое же различие этих тактик обусловливалось влиянием различных социальных интересов на отдельные органы бюрократического правительства.

С начала 90-х гг. интересы капиталистической промышленности тесно сплетаются с политикой м-ва финансов. Однако, последнее не перестает, благодаря этому, целиком стоять на почве бюрократического абсолютизма. Цель политики Витте заключалась в том, чтобы спаять торгово-промышленную буржуазию с самодержавием, не давая ей никаких политических прав, но ограждая все ее интересы так, чтобы примирить ее вполне с ее политически-бесправным положением. Рабочее движение, пред'являвшее определенные требования улучшения экономического положения, грозило разрушить эту гармонию, заставляя правительство принимать меры к ограждению рабочих от эксплоатации и тем самым вызывая в буржуазии естественное стремление требовать от правительства, возлагающего на нее известные обязательства, признания за нею соответствующих прав. Поэтому, когда С. Ю. Витте писал в своем циркуляре 1895 г. о необходимости поддерживать „патриархальные" отношения, яко-бы существовавшие в России между рабочими и капиталистами, то он, бессознательно для себя, выражал лишь свое стремление сохранить ту

[1]) „Стат. сведения о стачках" Спб. 1905 г. Изд. Отд. промышленности.

„патриархальность“ отношений, которая существовала между буржуазией и самим правительством на основе нерегулированной правовыми нормами дружеской и заботливой правительственной опеки. Удовлетворение требований рабочего движения неминуемо привело бы к усилению стремления к организованной самодеятельности среди буржуазии, а это означало бы фиаско всей той политики, которую воплотил Витте, и которая в России, как и в других странах в соответственный момент капиталистического развития, являлась единственно-возможной формой исторического сожительства двух обществ—буржуазного и сословного.

На этом пути, при условии все растущего обострения рабочего движения, правительство, руководимое Витте, должно было придти к тому откровенно враждебному отношению к рабочему классу, примеры которого мы выше видели, и которое пропитало собой деятельность даже таких органов, как фабричная инспекция. На этом пути правительство, как мы видели, иногда забегало далеко вперед желаний самих русских капиталистов, отнюдь не склонных к сантиментальности и уступчивости, и правительство в этих случаях не впадало в противоречие с самим собою: восставая против „добродушия“ отдельных фабрикантов, оно защищало всю систему в целом, тяготевшую над рабочим классом. Но оно впадало в противоречие с интересами действительного промышленного развития, ибо последнее требовало безусловно улучшения экономического положения рабочих масс, как необходимой предпосылки прогресса производительности труда: вот почему правительственная политика всего менее удовлетворяла представителей наиболее развитых отраслей производств и наиболее передовых промышленных районов. Развитие рабочего движения, обостряя существовавшие в скрытом виде противоречия русской общественности, ускоряло банкротство промышленной политики абсолютизма.

Оно достигало этого тем вернее, что неизбежно вызывало к жизни в правящей среде другие тенденции, прямо противоположные тем, носителем которых являлось министерство Витте.

Интересы земельного дворянства систематически приносились в жертву финансовой и экономической политике 90-х годов: благодаря этому, земельное дворянство к концу десятилетия почти целиком находилось в оппозиции, образуя в своей некультурной и пропитанной сословными предрассудками части реакционную фронду (Шарапов и др.), а в своих культурных слоях создавая благоприятную почву для прогрессивной оппозиции земского либерализма. Та и другая оппозиция суб'ективно относились враждебно к протежируемому правительством капитализму; но тогда как земский либерализм об'ективно стоял на почве прогрессивного экономического развития, предполагавшего дальнейшую индустриализацию экономических отношений,—сословно-дворянская фронда и об'ективно была враждебна успехам капиталистической промышленности, разлагающей экономические и социальные основы сословного строя.

Но фрондирующее и временами сталкивающееся с органами правительства земельное дворянство в то же время было привиллегированной группой, имеющей прочные связи с верхами бюрократии, которая рекрутируется преимущественно из ее среды. Как только развитие рабочего движения поставило перед бюрократией новый сложный вопрос, в ней должно было сказаться влияние этих дворянско-сословных и фрондирующих по отношению к капиталу элементов, и под этим влиянием, идущим параллельно с влиянием противоположных тенденций буржуазного протекционизма, политика правительства должна была раздвоиться.

Выразителем этих тенденций, враждебных капиталу, и явилось министерство внутренних дел. Но и эти тенденции, как и противоположные им, правящая бюрократия, достигшая в 90-х годах апогея своего господства над обществом, выражала в специфически свойственной ей форме, стремясь всегда и везде все социальные интересы подчинить интересам своего собственного господства, превращая каждый общественный вопрос прежде всего в вопрос политической полиции.

В своем прошлом эта часть бюрократии могла опереться на соответственные традиции ее политики по рабочему вопросу. Именно она, а не Витте и его последо-

вители, опиралась действительно на традицию „патриархальности“ в области отношений труда и капитала, на традицию всесторонней полицейской опеки, ярким носителем которой был еще Закревский. В новейшее время эта традиция в своей современно-либеральной форме нашла выражение в цитированной нами тираде тверского губернатора эпохи великих реформ, гр. Баранова; в своей полицейско-реакционной форме она в 80-х годах воскресла в заботах графа Д. Толстого и Плеве остановить развитие рабочего движения таким вмешательством правительства во взаимные отношения между рабочими и предпринимателями, которое, сурово подавляя всякие попытки классовой борьбы, в то же время ограждало бы рабочих от слишком бесцеремонной эксплоатации. В совещании по выработке закона 1-го июня Щегловитов выражал ту мысль, что рабочий класс должен видеть в правительстве силу, готовую всегда поддержать его справедливые требования и сделать ненужными его собственные усилия.

Однако, быстрое развитие классовой борьбы делало к концу 90-х гг., уже недостаточным простое применение „государственного социализма“ в том виде, как его готов был заимствовать у Бисмарка граф Д. Толстой. Несомненной заслугой Зубатова и поддерживавших его лиц было то, что они поняли этот факт и попытались найти новую, более современную, форму полицейского вмешательства в рабочий вопрос, которая оставляла бы известный простор для классовой самодеятельности рабочих и основывала бы господство абсолютизма не на устранении классовой борьбы, а на ее демагогическом использовании и полицейском регулировании. Но на этот путь, имевший исторический прецедент во французском бонапартизме, полицейское ведомство вступило, двигаемое логикой событий, лишь в позднейший период. В данную эпоху оно еще не шло дальше готовности, в интересах сохранения за абсолютизмом симпатий рабочих, выступать против фабрикантов.

Поскольку в этом раздвоении правительственной политики не выступали открыто сознательные стремления двух различных общественных классов—дворянства и буржуазии; поскольку и представители политики буржу-

азного протекционизма, и сторонники полицейской борьбы с эксцессами капитализма одинаково ставили на первый план интересы правительственного режима, как такового,—постольку борьба описанных выше тенденций превращалась в мелочную борьбу между ведомствами и не оказывала какого-нибудь заметного идейного влияния на жизнь общества; постольку же поверх мелочных и подчас злобных трений выплывал на практике приемлемый для обеих сторон компромисс по той линии, на которой сходились обе политические тенденции. Полицейские бонапартисты и просвещенные покровители капитализма, парализуя усилия друг друга в одной области, сходились, в конце-концов, в другой—в сфере усиления жандармско-полицейской борьбы с активными элементами рабочего класса и социалистической интеллигенцией. Одни защищали—„общественный порядок", другие—„свободу договора", но и те и другие сходились на защите мерами суровой репрессии. Стачечники высылались поэтому без суда, согласно циркуляру 12 авг. 1897 г., целыми сотнями, военная сила применялась все чаще и чаще. Ведомства спорили между собой о средствах остановить революционное брожение в рабочих массах, но и то и другое неуклонно подливали масло в занявшееся пламя. Чем чаще вспыхивала элементарная стачечная борьба, тем чаще перед темными рабочими массами правительство и его органы выступали откровенно в роли защитников абсолютизма фабрикантов. Из самого центра Треповской политики чуждые всякой политики ткачи села Гусь получили в ответ на мольбу об удовлетворении их законных экономических требований лаконический ответ: „Это меня мало касается" [1]). Власти прилагают все усилия к тому, чтобы разделить рабочую массу от ее социалистических элементов и в то же время не только своими действиями, не всегда понятными массам, но и своими официальными заявлениями (о том, что фабрикантам не будет позволено уступать; что законодательного регулирования рабочего времени никогда не будет и т. п.) подтверждают массам справедливость того, что пишется в прокламациях о связи между печальным экономическим

[1]) Озеров. Стр. 52.

положением рабочих и политическим режимом. В этом факте полной беспомощности перед сравнительно-элементарными еще формами классовой борьбы лишь ярко сказалась безнадежная отсталость режима, абсолютно несовместимого с социальными отношениями, которые он сам же помог вызвать к жизни. Самым фактом своего развития рабочее движение обнажало эту анахроничность режима и, разлагая его органы управления, вызывая в них внутренние противоречия, приводило к дискредитированию режима в самых широких кругах.

Параллельно с этим, в самих рабочих массах нарастало политическое недовольство, которое, постепенно оформляясь, начинало окрашивать собою и самую экономическую борьбу.

IV.

Проявления политической борьбы в рабочем движении второй половины 90-х гг.

Мы уже видели, что в Польше с самого начала 90-х годов в массовом движении пролетариата одинаково сильно звучат моменты как экономической, так и политической борьбы. Возникшие к средине десятилетия социалистические партии с самого начала обращаются непосредственно к рабочим массам с крайними политическими лозунгами. В частности, они широко пропагандируют идею первомайской социалистической манифестации. В рассматриваемый период деятельность польских социалистов (которые за время 94—99 гг. имели лишь одну правильно функционирующую организацию — Польскую социалистическую партию) [1]) развивается в том же направлении, используя для себя как специфический национальный гнет, испытывавшийся всем польским народом, так и политику крайних репрессий правительства в рабочем вопросе—политику, которая в Польше не знала и тех отступлений, какие мы видели иногда в Москве и других пунктах России. Такие события, как

[1]) Возникшая в 1893 году под руководством Розы Люксембург „Социал-демократия Царства Польского" на время сошла со сцены.

стрельба в рабочих в 1897 году в Домброве и систематическое запрещение со стороны властей делать какие-либо уступки стачечникам, способствовали тому, что и в период резкого промышленного под'ема рабочие массы не только не погружались всецело в заботы об улучшении своего экономического положения, но все более усваивали себе конечные социалистические и ближайшие демократические требования, выдвигавшиеся в партийной агитации.

Открытые проявления политического протеста со стороны рабочих масс выражались, главным образом, в демонстративном чествовании первого мая. В 1894 г. ни одна фабрика не работала 1-го мая в Ченстохове, до 3.000 рабочих бастовало в Домброве, где также бастовали многие ремесленные мастерские [1]). В 1896-м году в день 1-го мая бастовали рабочие одной из шахт в Домбровe [2]). В 1898 году в день 1-го мая „Польск. соц. партия" пыталась организовать впервые открытые уличные демонстрации, что ей и удалось в Варшаве, Сосновицах, Домброве и Сельце [3]). Демонстрации, в которых участвовало небольшое число рабочих (по словам Кульчицкого до 2.000), прошли мирно. В 1899 году такие же демонстрации произошли по поводу 1 мая в Варшаве и Домброве; в обоих местах часть рабочих бастовала в день 1 мая [4]).

Из других манифестаций следует отметить произведенную рабочими Домброва 1 октября 1899 г. на могилах убитых в 1897 г. во время стачки на „Гуте Банковой", демонстрации на похоронах одного из организаторов „Союза польских рабочих", Я. Танского, рабочего Игнатия Милявского и рабочего Я. Ледера (в начале 1899 г. в Варшаве) и манифестацию в декабре 1898 г. по поводу открытия памятника А. Мицкевичу [5]). К этому надо прибавить чрезвычайно энергичную поли-

[1]) Кульчицкий. I. с., стр. 133.
[2]) Кульчицкий. Стр. 166.
[3]) Кульчицкий. Стр. 175; „Рев. движение в России в докладах м-ра Муравьева". К-во „Летописец". Спб., 1907. Стр. 163.
[4]) „Раб. Дело", № 2—3.
[5]) „Рабочее Дело", № 4—5: „Рев. движение в России", стр. 163—4; Кульчицкий. Стр. 175—176.

тическую агитацию польских социалистов, которая велась преимущественно распространением воззваний и особенно регулярно выходившей нелегальной газеты „Работник". Массовых собраний социалисты еще не могли устраивать.

В Литве и Белоруссии майская агитация также являлась главным средством пробуждения внимания рабочих к вопросам политическим. В 1894—95 гг. при этом соц.-дем. не выходили из рамок очень тесных тайных собраний, организованных в кассы еврейских и литовских рабочих, на которых произносились агитационные речи. В 1896 году в Белостоке впервые распространено среди еврейских рабочих воззвание, посвященное дню 1-го мая; с этого времени эта форма майской агитации все более распространяется.

В июне 1897 г. и феврале 1899 г. толпы рабочих демонстрировали на улицах Вильны при проводах ссылаемых в восточную Сибирь соц.-дем. В 1899 г. произошел, кроме того, ряд других уличных манифестаций: в Витебске и Невеле (Витебской губ.) при отправке новобранцев были антимилитаристические манифестации; демонстрации устраивались в некоторых местах при похоронах влиятельных рабочих; наконец, в Витебске в ноябре 1899 года толпой рабочих был разрушен дом, в котором обитал сыщик; этот сыщик донес на одного рабочего, который, будучи арестован, был затем найден в участке мертвым. Деятельность „Бунда", в среде еврейских рабочих, стачечной борьбой которых он энергично руководил, доставила ему громадное влияние на рабочие массы, и уже в 1900 г. в своем докладе на Парижском конгрессе „Бунд" насчитывал 3.000 рабочих, организованных им политически в разных городах и местечках западного края [1]).

Во внутренней России деятельность соц.-дем., как указывалось выше, лишь в 1894—95 гг. выходит из тесной кружковой пропаганды. В 1894 и 1895 гг. в Одессе делались соц.-дем. попытки менее замкнутой пропаганды в артелях строительных рабочих и в трактирах, служащих местом собрания их. В 1895 г. в Одессе с.-д. изда-

[1]) Доклад на Парижском конгрессе. 1900.

вали время от времени рукописный журнал, обсуждавший злободневные политические вопросы и распространявшийся за пределы организованных в кружки рабочих-социалистов. В 1895 же году в Петербурге и Москве стали появляться прокламации, посвященные вопросам экономической борьбы; в Москве делались летом попытки собирать многочисленные собрания рабочих. С осени 1895 года прокламации в обоих центрах стали выпускаться с большой регулярностью, и влияние с.-д. начало распространяться непосредственно на широкие массы. В 1896 г. впервые в Петербурге „Союз борьбы" обратился к рабочим с воззванием по поводу 1-го мая. Рядом с воззваниями, посвященными вопросам экономической борьбы, появляются такие, которые освещают роль правительства в этой борьбе и пропагандируют идеи политической свободы. С 1897 г. постоянный выпуск прокламаций начинается в Екатеринославе и Киеве, в следующем году—в Ростове-на-Дону, Харькове, Иваново-Вознесенске, Саратове, в 1899 году—в Одессе, Николаеве. В разных местах появляются нелегальные рабочие газеты.

Открытые проявления политического недовольства со стороны масс не имели места до конца 1898 г. В стачечных движениях, в том числе и в петербургских стачках 1896—97 гг. рабочие массы держались по отношению к политическому режиму чрезвычайно лойально. Они относились к политическим речам агитаторов и прокламациям без вражды, но сами политических требований не выставляли. Во время студенческих волнений по поводу смерти М. Ветровой в Петропавловской крепости (1 марта 1897 г.) была сделана попытка группой с.-р. в Киеве привлечь рабочих к участию в демонстрации, но местная с.-д. группа обратилась с „письмом к рабочим", в котором предлагала им воздержаться от такого выступления, несоответствующего слабости их организованных сил: группа указывала, что начатое при условии такой слабости движение может, на почве бессознательности и темноты масс, выродиться в анти-еврейский погром.

В день 1-го мая 1898 года в Петербурге уже наблюдалось значительное волнение в рабочих массах. На Северной мануфактуре Гука рабочие требовали прекращения работ, и для ткацкого отделения это требование

было удовлетворено [1]). Часть рабочих бросила также работу на Ижорском адмиралтейском заводе в Колпине; они пытались остановить работы на всем заводе. Это, повидимому, был первый случай майской забастовки в собственной России. Волновались также рабочие Александровского чугунного завода и петербургского порта, но до забастовки дело не дошло.

В декабре того же года, во время известной забастовки на фабриках Максвеля и Паля, в Петербурге стачечники-ткачи, в числе других требований, пред'явили властям требование о свободе собраний и стачек.

Вспыхнувшие в феврале 1899 г. студенческие беспорядки, принявшие небывало крупные размеры и вызвавшие большое оживление в обществе, отразились и на настроении рабочих, среди которых местами проявлялось стремление демонстрировать открыто сочувствие студентам. В Харькове и Казани им удалось это сделать в небольших манифестациях.

1 мая 1899 г. отказались от работы рабочие некоторых цехов Екатеринославского Брянского завода. В этот же день бросили работу в Либаве грузовщики в порту, рабочие спичечной фабрики, а затем и большая часть крупных заводов и фабрик. Эта забастовка затем превратилась в всеобщую стачку с непосредственными экономическими требованиями.

Таким образом, проявления прямого политического возмущения со стороны рабочих оставались в течение данного периода единичными фактами, и, хотя число их, под влиянием правительственных репрессий, росло из года в год, все же, в общем и целом, рабочий класс в непосредственной своей борьбе не выходил за пределы требований экономических. Даже в Польше условия промышленного под'ема налагали на движение масс такой отпечаток, хотя здесь, во всяком случае, как и в Литве, эти массы не относились индиферентно к политической агитации социалистов. В России в интенсивную экономическую борьбу рабочие массы втягивались, обладая известным доверием к правительству и слабым

[1]) Приложение к книге Петербуржца; „Очерк петерб. рабоч. движения 90-х гг.“, 1902.

интересом к вопросам политики. Достигаемые, благодаря экономическому под'ему, непосредственные успехи парализовали впечатление, оказываемое политической репрессией и защитой интересов капиталистов. Недовольство нарастало, но оно не являлось ни достаточно глубоким, ни тем более достаточно сознательным, чтобы в условиях общего спокойствия в стране вылиться в широкое политическое движение.

Русские с.-д. считались с этим фактом и не пытались увлечь рабочие массы на путь открытого политического движения, на который за ними последовали бы лишь некоторые, слабые, численно, группы. Более того: они—особенно с 1897 года—стали склоняться к недооценке существовавшего уже в массах политического недовольства и чрезмерно преувеличивать политическую косность этих масс. Сложилось представление о том, что на сравнительно-долгий период рабочее движение и не может выйти за пределы чисто-профессионального движения. В значительной степени здесь сказывалось увлечение первыми непосредственными успехами экономической борьбы: среди некоторых кругов с.-д. господствовала даже уверенность в том, что рабочий класс фактом своего непрекращающегося экономического движения добьется от правительства узаконения права стачек и коалиции, как он добился уже закона о нормировке рабочего времени.

Вопреки „Манифесту" 1898 г., в рядах с.-д., таким образом, задачи политической борьбы решительно оттеснялись на задний план для ближайшего будущего, и лишь прекращение эпохи промышленного под'ема и политическое оживление в не-пролетарских классах создали условия для борьбы с этим „экономизмом".

V.

Экономический кризис последних лет XIX столетия и перелом в рабочем движении.

Промышленный подъем 90-х гг. должен был завершиться кризисом. Осенью 1899 г. этот промышленный кризис, предвестником которого был в предыдущие годы кризис биржевой, начал ощущаться во всех концах России.

С осени 1899 года цены на железо начинают падать. В Лодзи многие фабрики закрываются. Еврейское благотворительное общество зарегистрировало 2.000 семейных рабочих, оставшихся без заработка. На улицах подбирают истощенных от голода рабочих (до 5 случаев в день). В Белостоке прекращает работу большинство фабрик. В Иваново-Вознесенском районе с осени наблюдается застой в торговле. С 1 окт. 1899 г. фабрики сокращают штаты рабочих и уменьшают расценки. На фабрике Иван.-Вознесенской мануфактуры останавливают почти половину ватерных машин. Плата ткачам понижается с 11 до 9 и 6 руб. в месяц. В январе 1900 г. вновь распускается часть рабочих. С осени же 1899 г. сокращение штатов на механич. заводах г. Нижнего-Новгорода, на пароходных верфях там же, в Сормове. В Петербурге сбавляют расценки на Путиловском и Обуховском заводах, на фабрике Торнтона.

В донецком районе с сентября 1899 г. по март 1900 г. прекращают платежи 18 бельгийских предприятий. В начале 1900 г. прекращаются работы на мариупольских заводах; безработные в этом городе насчитываются тысячами.

В Баку уже в ноябре 1899 г. множество безработных среди слесарей и токарей. Ряд фирм банкротится. В Киевском районе прекращают платежи несколько крупных заводов. В Туле с весны 1900 г. приостанавливается или сокращается производство на фабриках и заводах.

За 1900 г. в ткацком производстве Белостока заработная плата сократилась почти на половину; в то же время рабочий день увеличился до 14—15 часов. В Иваново-Вознесенске осенью 1900 г. расценки вновь сокращены на 20% и одновременно вводится усиленная система штрафов.

С началом 1901 года разражается нефтяной кризис в Баку, и местный губернатор телеграфирует астраханскому о приостановке движения безработных, направляющихся на промыслы. В течение 1901 года число занятых на нефтяных промыслах рабочих упало с 33 тыс. до $27^1/_2$, а заработки мастеровых в Баку сократились на 20—25%. Безработица одновременно свирепствует в Петербурге, Кинешме, Костроме, Москве, Лодзи, Харь-

кове, Екатеринославе, в каменноугольном производстве Донецкого бассейна, в портовых городах Черного моря. В Туле в течение первой четверти 1901 г. на оружейном заводе уволено свыше 600 рабочих, а рабочий день удлинен. В Харькове Бельгийский завод сократил число рабочих с 700 до 150. В Москве на механич. заводах расценки сильно падают: так, на заводе Бромлей литейщики за 2 недели вырабатывают всего 7—8 руб. С осени 1901 г. на заводах Риги сильно сокращено число рабочих, и они заняты всего по 8 ч. в сутки. На московских ткацких фабриках сбавляют расценки, то же в Кинешме, в жел.-дор. мастерских Саратова (50%), в Твери и Ярославле. В Польше к концу 1901 г. на многих фабриках работают всего 3—4 дня в неделю. В Батуме за 1900—1901 гг. поденная плата на заводах упала с 2—3 руб. до 60 коп.

В начале 1902 г. о понижении расценок сообщают из Брянска, Борисоглебска, Твери, Вышнего-Волочка. В Варшаве громадное количество безработных. В Вильне—строительный кризис, одних столяров без работы 100 человек; рабочие голодают. В Батуме в феврале из 900 рабочих завода Ротшильда, за сокращением спроса на керосин, увольняют 389 чел. В Москве Прохоровская мануфактура сокращает число рабочих на 900 человек, Реутовская — на 1.200, многие мелкие фабрики после Пасхи вовсе не возобновляют работ. В цементном производстве Московской губернии разражается кризис, многие заводы закрываются, Подольский завод рассчитал 2.000 рабочих. На механических заводах Москвы сокращение работ повсеместно. На Путиловском заводе в Петербурге, рядом с понижением расценок, идут ежемесячно расчеты по 150 чел. К концу года число рабочих на заводе, равнявшееся в 1898 г. 12 тысячам, упало до 8.000. В Златоустовском заводе уволено 500 рабочих. На шахтах Донецкого бассейна сокращаются работы, увеличивается интенсивность труда; плата на Чулковск. заводе упала на 20—30%; для глейщиков за время кризиса она уменьшилась с 30—40 коп. до 17—20 к. Летом 1902 г. кризис чувствуется в лесопильной промышленности Вильны (из 400 занятых выгрузкой бревен 60 чел. без работы), в Ковне, среди ремесленников в Киеве, на

заводах и фабриках Рязанской губ. (на игольной фабрике в Коленцах число рабочих сократилось с 500 чел. до 200; Истьинский завод Пронского уезда совсем закрылся), на механических заводах Саратова, среди столяров и других ремесленников Екатеринослава; в Керчи закрылся механический завод. С мая сокращают расценки в железнодорожных мастерских Ростова-на-Дону.

Осенью прекращают производство Шиповские заводы в Нижегородской губернии, два завода с 800 рабочими в Двинске. Безработица приняла массовый характер в Риге, Ковне, Минске, Астрахани, на заводах Урала и Южной России. На Голубовских рудниках (Екатеринославской губ.) в литейном цехе к концу года рассчитано 1.000 рабочих. В Мариуполе два крупных завода рассчитали несколько тысяч человек. В Екатеринославе на заводе Гандтке сокращено производство (работают вместо 12 часов 9), понижены расценки и увеличена интенсивность труда. Работы сокращены к концу года на машиностроительном заводе Струве в Коломне, на Обуховском заводе в Петербурге; также и на ниточной фабр. Штиглица сильно сокращены расценки.

С началом 1903 г. понижаются расценки на заводах Екатеринослава; в бессемеровском цехе Брянского завода число рабочих сокращают с 600 до 300; в рельсопрокатном рабочие работают лишь половину времени. В Харькове паровозостроительный завод в марте рассчитывает 400 человек. В Луганске понижают расценки (за два года плата слесарей упала с 80—90 р. до 35—40 руб. в месяц). В Саратове число безработных растет. В Сормове рабочие работают через месяц. В Петербурге весной понижены расценки на Обуховском заводе, в Варшавских железнодорожных мастерских, на фабрике механического производства обуви; на Урале—в Мотовилихинском заводе в г. Перми. На Белорецком заводе, Оренбургской губернии, закрывается ряд цехов. Вильский листопрокатный завод Нижегородской губ. закрылся вовсе; на соседнем Выксунском заводе сокращение работ.

Одновременно сильно понижались расценки в районе хлопчатобумажного производства: в Костроме, Александрове, Озерах, Твери. Летом в Шуе громадное количество безработных; села Рязанской губ., из которой происходит

отход на фабрики Владимирского района, переполнены безработными.

Однако, в 1903 году уже заметны признаки прекращения застоя. В Бакинском районе уже с начала года заметно оживление нефтяной промышленности. В Екатеринославском районе к лету заводы начинают получать заказы.

Затяжной кризис 1899—1903 гг., с одной стороны, прерывался полосами оживления в отдельных производствах и районах (напр., в Белостоке весной 1901 г.), с другой стороны, осложнялся действием аграрного кризиса, поскольку голодовки в деревне, выбрасывая массы безработных на городской рабочий рынок, угнетающе давили на последний.

Явившийся частью мирового промышленного кризиса, наступившего вслед за оживлением средины 90-х годов, русский кризис внес, благодаря специфическим социальным условиям России, в ее экономическую жизнь величайшее расстройство, вскрыв и доведя до крайней остроты то противоречие между социально-политическими отношениями и развивающимися производительными силами, которое назревало в течение всей пореформенной эпохи. Показав наглядно, что русская экономическая жизнь уже всецело подчиняется законам капиталистического производства с его неизбежными колебаниями, промышленный кризис в то же время обнаружил слабость и узость того экономического основания, на котором в течение 90-х гг. развивалась крупная индустрия. „У нас,—говорится в отчете государственного контроля за 1902 год,—обширную обрабатывающую промышленность можно создать лишь, подготовив внутренний рынок, который может быть основан только на цветущем земледелии". В самом деле, вскрывшийся, вместе с промышленным кризисом, кризис аграрный, обостряя бедствия первого, затруднял процесс исцеления экономической жизни от его последствий.

Расстройство хозяйственной жизни, наступившее после ряда лет, в течение которых бурно и быстро развивалось рабочее движение, должно было оказать сильное влияние на настроение всех классов населения, затронутых кризисом. И, действительно, первые годы XX века

видят политическое пробуждение одного слоя населения за другим. В течение всего 1900 года идет глухое брожение в студенчестве. В конце 1900 г., благодаря отдаче 183 студентов в солдаты, это брожение разражается всеобщими беспорядками в учебных заведениях, переходит в уличные демонстрации и вызывает, с одной стороны, террористические акты (Карпович, Лаговский), с другой—открытые протесты интеллигенции и либеральной части имущих слоев города. Зимой 1901—1902 гг. поднимает голову земское оппозиционное движение (сельско-хозяйственные комитеты), усиливается брожение в среде „третьего элемента", закладываются основы нелегальной либеральной партии („Освобождение") и начинает возрождаться революционное народничество. В то же время волнения в высших учебных заведениях не прекращаются и переходят уже в среднюю школу. Весной 1902 г. бурно вспыхивают крестьянские беспорядки на юге и востоке России и с тех пор крестьянское движение уже не сходит с поверхности.

В то же время начинается первая энергичная мобилизация контр-революционных сил. Весной 1903 г. происходит анти-еврейский погром в Кишиневе, за которым следует погром в Гомеле.

Наконец, в течение всего рассматриваемого периода совершается могучее общественное движение в Финляндии, борющейся за свою конституцию, а в средине 1903 года вспыхивает армянское национальное движение на Кавказе, как ответ на политику угнетения В. К. Плеве.

В атмосфере этого оппозиционного и революционного брожения, охватывавшего все слои населения, рабочий класс, угнетаемый бедствиями кризиса, отнимавшего у него все завоевания предыдущего периода, быстро переживает резкий перелом в своем настроении. Лойальные чувства по отношению к государственной власти и надежды на экономическую борьбу начинают исчезать, а вместо исключительного внимания к противостоящим ему в экономической сфере капиталистам в нем замечается все более сильный интерес к общеполитическим вопросам, вокруг которых ведется борьба других классов. Продолжающаяся стачечно-экономическая борьба все теснее сплетается с борьбой политической и все

более растут симпатии рабочих масс к нелегальным партиям, ведущим энергичную атаку против всего существующего строя.

Официальные данные указывают для рассматриваемого периода следующие цифры стачечников:

1900 г. . . . . 29.389 (125 предприятий).
1901 „ . . . . . 32.218 (164 предприятия).
1902 „ . . . . . 36.871 (123 предприятия).
1903 „ . . . . . 86.832 (250 предприятий).

Как и относительно предыдущих годов, эти данные далеки от точности; но они могут служить показателем роста и ослабления стачечного движения. Напомним, что в 1899 г., по этим же данным, бастовало 97.948. 1900 год показывает уменьшение числа стачечников более, чем втрое,—до нормы, достигнутой уже в 1896 г. И, действительно, в течение всего 1900 года в целом ряде районов: Петербургский, Прибалтийский, Варшавский, Петроковский, Иваново-Вознесенский, вовсе или почти вовсе не слышно о стачках, по крайней мере, в крупных предприятиях.

В начале года из более значительных стачек можно отметить происшедшую в г. Трубчевске (Орловской губ). на пенько-трепальных фабриках (1.000 чел.), где рабочие успешно боролись против понижения расценок; на Вознесенской фабрике под Москвой, где стачка, вызванная той же причиной, была подавлена применением казацких нагаек, и на Витимских золотых приисках Якутской области, где впервые приисковые сибирские рабочие мирной стачкой завоевали себе некоторое улучшение условий труда. Перед 1 мая 1900 г. вспыхнула забастовка на ткацкой фабрике Паля в Петербурге, вызванная борьбой против понижения расценок. Стачка длилась 2 недели и была побеждена усилиями полиции.

Предмайская агитация уже в этом году нашла гораздо более широкий отклик в массах, чем в предшествовавшие годы; агитация раз'яснила значение промышленного кризиса, как явления, вытекающего из противоречий капиталистического строя.

В день 1-го мая нов. ст. (19-го апреля) произошли уличные демонстрации в Варшаве, Домброве, Вильне, Минске и Креславке, Витебской губ.; в гор. Витебске нигде не работали. В Варшаве громадная толпа выдержала уличную схватку с казаками, в которой многие были ранены. До 2.000 чел. было арестовано.

В день 1-го мая по русскому стилю в Харькове забастовали все крупные и мелкие механические заводы, канатная фабрика, железно-дорожные мастерские, типографские рабочие и многие ремесленные мастерские (заготовщики, булочники, портные, столяры и т. д.). Произошла уличная демонстрация. Рабочие всюду пред'являли требования 8-ми часового рабочего дня, свободы собраний, союзов, стачек и печати. Так как в этот день свыше 50 человек было арестовано, то на следующий день на многих заводах рабочие отказывались приступать к работам до их освобождения. В то же время по отдельным заводам рабочие пред'явили местные требования и, не получая удовлетворения, вновь забастовывали. Требовали повышения расценок, сокращения рабочего дня и участия представителей от рабочих при приемке работы. В железно-дорожных мастерских эта стачка длилась 2 недели, на отдельных заводах—по несколько дней; часть требований рабочих была удовлетворена.

Являясь по своему типу сходной с лодзинским движением 1892 г. и либавским 1899 г. (смешение элементов майской демонстрации и профессиональной борьбы), харьковская стачка, подобно им, характеризовалась сравнительно резко выраженным политическим направлением; а так как это было первое крупное проявление политического протеста рабочих в таких широких размерах в коренной России, то она оказала сильное впечатление на местное общество и интеллигенцию всей России. Очень сильно было также ее влияние на рабочие массы Юга, особенно благодаря высылке в разные места арестованных участников движения.

День 1-го мая (по стар. ст.) праздновали также забастовкой некоторые цехи механических заводов в г. Николаеве.

Вслед затем начался ряд стачечных движений в разных городах, толчок к которым, несомненно, подала майская агитация. В Вильне и Ковне были стачки всех сапожников (в Вильне—1.200 чел.), в Двинске—каменщиков, столяров и маляров (до 1.000 челов.), которые добились 10-часового дня, в Тифлисе—на табачной фабрике, на механических заводах и некоторых мелких фабриках (на заводах добились 10-час., на фабриках—11-час. рабоч. дня) и в отдельных цехах железнодорожных мастерских (из-за сверхурочных работ). В Красноярске в железнодорожных мастерских была успешная забастовка против увеличения работы в предпраздничные дни; в Туле рабочим патронного завода удалось устранить некоторые злоупотребления.

В Киеве выделилась своей организованностью и выдержанностью общая забастовка булочников, длившаяся 3 недели и захватившая 1.000 человек. Рабочие требовали и, в большинстве случаев, добились 10-час. рабочего дня, повышения заработной платы, установления воскресного отдыха и оздоровления помещений.

В течение лета стачка булочников вновь повторилась и в Киеве, а также в Одессе, Лодзи и Варшаве. Летом же и осенью были забастовки различных ремесленников в Витебске и Шавлях, кожевников в Сморгони и Крынках, лесопильщиков в Двинске, переплетчиков в Могилеве, портных в Борисове, приказчиков, шапочников и красильщиков в Вильне, портных и ткачей на мелких фабриках в Лодзи и щетинщиков в Вержболове, Креславке и других пунктах этого производства. Стачки эти велись на почве борьбы как за рабочий день, так и за заработную плату. Кроме того, происходили мелкие забастовки в Екатеринбурге (типографщики, ткачи), Московской губ., Одессе (механич. заводы).

Крупные размеры имела стачка в железнодорожных мастерских в Тифлисе, начавшаяся 1-го августа и поддержанная частными механическими заводами. Рабочие требовали установления 8-мичасового рабочего дня, увеличения платы и отмены сверхурочной работы. Стачка длилась 2 недели и закончилась назначением правительственной комиссии для пересмотра условий труда в мастерских.

Конец года ознаменовался лишь рядом стачек ремесленных рабочих в Гродне и Белостоке и в щетинном районе Сувалкской губернии. В Трубчевске начались вновь стачки из-за новых попыток понизить расценки на пенько-трепальных (девушки стали вырабатывать по 10 коп. в день): стачки потерпели неудачу. Столь же неудачно прошла сопровождавшаяся бурными беспорядками стачка шахтеров на Прохоровских рудниках (Донецк. бассейна) в октябре 1900 г., требовавших повышения платы. Стачка была усмирена военной силой, после чего полиция подвергла стачечников телесному наказанию.

За исключением литовско-белорусского района, где стачки, частью, происходили во имя возвращения тех уступок, которые раз были даны, но после вновь отобраны хозяевами, частью же, знаменовали собой распространение движения на новые, более глухие, пункты, мы в течение 1900 года видим стачечное движение, главным образом, в районах и городах, свободных от него в предыдущий период (Тифлис, Харьков, Киев, Одесса, Екатеринбург, Тула, Красноярск). Этим объясняется и значительная успешность стачек в этих местах, где, как это было и в начале десятилетия в крупных центрах, победы рабочих часто достигались легко, благодаря неожиданности стачек и неподготовленности предпринимателей к борьбе.

В главных же центрах рабочего движения в течение всего года господствует затишье, и в этом сказывается громадный прогресс сознательности рабочих. Они воздерживаются от борьбы, сознавая невыгодность экономической конъюнктуры.

Среди менее сознательных масс сдерживаемое недовольство прорвалось в Одессе в беспорядках, устроенных в июне рабочими порта. Поводом к ним послужило зафрахтование казной всех пароходов Добровольного флота для нужд начавшейся Китайской экспедиции. Так как все работы по нагрузке исполнялись солдатами, то тысячи грузчиков остались без хлеба. После тщетных просьб они произвели разгром магазинов. Беспорядки носили отчасти антисемитский характер и были настолько серьезны, что для их прекращения властям пришлось арестовать 1.041 человека.

В то время, как массы, в общем, сохраняли напряженное спокойствие, экономический кризис, война на Дальнем Востоке, глухая борьба в студенчестве сильно волновали интеллигенцию. Прежняя тактика преимущественно экономической борьбы с осторожными и умеренными лозунгами переставала удовлетворять как ее, так и соц. круги пролетариата. Направление „Рабочей Мысли“ и „Рабочего Дела“ стали вызывать недовольство. Борьба, которую в эмиграции вела Группа освобождения труда против „Рабочего Дела“,—между прочим, во имя более решительной постановки политических задач,—начала вызывать к себе симпатии в России. Образовалась группа, поставившая себе целью изданием нового органа поднять партию над тем уровнем мелкой будничной почти профессиональной агитации, которой она держалась в предыдущие годы. К концу года это издание осуществилось под именем „Искры“, которая оказала сильное влияние на все дальнейшее направление деятельности с.-д.

Но еще прежде, чем это издание осуществилось, возникал в течение 1900 года ряд групп, в иной форме, чем „Искра“, отразивших нараставшую потребность в иной постановке политических задач. Ближе других к „Искре“ стояла группа „Южного Рабочего“, выпустившая под этим названием 1-ый № газеты еще в 1899 году. В ее литературной деятельности отразилось возбужденное состояние рабочих, пострадавших от кризиса, юга России. В Петербурге недовольные „Рабочей Мыслью“ и, частью, вообще, неудовлетворявшиеся марксистской с.-д-тией, элементы образовали группы „Социалист“, „Рабочая библиотека“ и „Рабочее знамя“; последняя имела отделы и в Литве. Там же образовалась „Рабочая партия политического освобождения России“—группа, в которую вошли еврейские рабочие, недовольные экономическим характером рабочего движения, рядом с некоторыми представителями народнической интеллигенции; в ее тактическую программу входил и политический террор. С подобными же тактическими тенденциями выступил и „Союз с.-р.“, объединивший кружки рев. народников на Волге и в Петербурге; напротив, южная группа с.-р., выступившая, как „Партия с.-р.“, держалась и в поста-

новке тактических задач, и в программе ближе к с.-д. выдвигая на первый план политическую агитацию среди рабочих. Наконец, и в Польше из рядов Польск. соц. партии выделилась группа, усвоившая себе имя старого „Пролетариата“ и призывавшая к террористической борьбе.

Это идейное брожение оказало уже заметное влияние на умонастроение затронутого предыдущей борьбой слоя рабочих, когда в начале 1901 года разразились студенческие беспорядки.

Убийство министра Н. П. Боголепова, совершенное 14 февр. 1901 г. бывшим студентом Карповичем, дало толчок к выходу студенческого движения на улицу. 19-го февраля в Петербурге и Харькове студенты пытались организовать демонстрации, приуроченные к годовщине освобождения крестьян. В Харькове рабочие, узнав об аресте 60 студентов-демонстрантов, вышли по окончании работ на улицы и демонстрировали до ночи, несколько раз избиваемые и разгоняемые казаками.

24-го февраля московские студенты устраивали процессии по городу; в них приняли участие рабочие ремесленных мастерских и городских заводов. Когда среди рабочих разнеслась весть о бывших в этот день случаях избиения демонстрантов, они 25-го февраля возобновили демонстрации, при чем число участников уже достигало десятков тысяч, и полиция не успевала их рассеивать. Демонстранты устраивали из скамеек баррикады, затруднявшие движение казаков. На следующий день демонстрации также повторились.

Известное избиение студентов демонстрантов 4-го марта на Казанской площади в Петербурге дало повод к новым демонстрациям, на этот раз организованным с.-д. 11 марта эти демонстрации произошли в Киеве и Казани.

Вылившееся в демонстрациях возбуждение дало толчок и стачечной борьбе. В Москве, непосредственно под влиянием уличных демонстраций, произошли волнения на мануфактурах Цинделя, Прохоровской и Даниловской. В Ярославле рабочие Норской мануфактуры пытались бороться против понижения расценок, но потерпели поражение. То же было на Добрянском заводе Пермской

губернии. В Казани булочники, участвовавшие в демонстрации 11 марта, забастовали и добились введения 10-час. раб. дня. В железнодорожных мастерских юго-восточных дорог (Воронеж, Луганск, Орел, Козлов и Борисоглебск) стачками добились получения отмененных праздничных наград. В Киеве, под влиянием демонстрации, власти обратили внимание на брожение среди служащих городского трамвая и удовлетворили часть их требований. В Николаеве грузчикам в порту удалось добиться стачкой значительного повышения заработной платы.

На почве кризиса и безработицы волнение, вызванное демонстрациями, передаваясь темным слоям городского пролетариата, вылилось около Пасхи беспорядочным движением в ряде городов. В Кишиневе и Екатеринославле толпы народа, после столкновений с полицией, разгромили еврейские лавки. В Киеве произошло нападение толпы на полицию, вызванное грубыми действиями военной охраны. Такое же нападение на полицию имело место в Таганроге. В Сочи безработные русские произвели разгром жилищ турецких и имеретинских рабочих. В Горловке шахтеры, не получая бесплатных билетов для проезда на родину, громили магазины. В Одессе подобные же беспорядки были предотвращены тем, что полиция на все время Пасхи оцепила ночлежные дома, арестовав их обитателей.

Политические демонстрации в феврале и марте, вызванные непосредственно симпатией к студентам, не носили определенного классового характера, и участие, которое имущие классы приняли в студентах, тем более закрепляло за этим движением характер обще-демократический. Самые лозунги рабочих-демонстрантов не шли дальше протеста против определенных действий данного правительства.

Но тот резонанс, который студенческое движение нашло в рабочих массах, об'яснялся обострением, благодаря кризису, социальной нищеты в этих последних. И так как увлекшее за собою рабочих оппозиционное движение студентов и либерального общества стихло в своих внешних проявлениях вслед за назначением ген. Ванновского, рескриптом о „сердечном попечении“ и амнистированием сданных в солдаты студентов, то рабочие

массы, далеко не удовлетворенные, продолжали проявлять свое недовольство уже под знаменем своих классовых требований. Обычная агитация перед днем первого мая подхватила настроение, поднятое февральскими и мартовскими событиями.

В воскресенье перед 1-м мая по новому стилю (15 апреля) произошли две значительные уличные демонстрации в Варшаве и одна в Лодзи. Полиция в этом году не прибегала к тем насилиям, которые имели место в предыдущем. Накануне несколько сот еврейских рабочих демонстрировали в Вильне. В самый день 2-го мая нов. ст. произошли демонстрации снова в Вильне, в Сморгони, Ковне, Гомеле, Креславке, Вильковышках и в Красноярске (рабочие железнодор. мастерских). Самая крупная демонстрация в этот день произошла в Двинске; в ней участвовало до 4.000 чел., была произнесена речь. Рабочие во всех этих городах в этот день не работали. Общим для этих демонстраций было провозглашение требования политической свободы. В следующее воскресение (22 апр. ст. ст.) были неудачные попытки уличных демонстраций в Киеве и Петербурге; в Тифлисе же рабочие табачных фабрик, к которым примкнули рабочие железнодор. мастерских, собрались на базарной площади и подняли знамя с портретами Маркса, Энгельса и Лассаля. Была сделана попытка сказать речь, но в это время на демонстрантов бросились солдаты, полиция и казаки, вскоре очистившие площадь.

В день 1 мая по русскому стилю не работали сапожные и портняжные мастерские в Харькове и несколько тысяч рабочих в Ростове-на-Дону. В этот день была уличная манифестация в Харькове. В Петербурге же на Выборгской стороне забастовали рабочие ткацкой фабрики Чешера и, предъявив требование 8-ми час. раб. дня, направились к другим фабрикам и заводам района, снимая рабочих. Забастовали завод Леснера, фабрики Воронина, Сампсониевская и др., выставляя свои требования; на некоторых фабриках забастовки длились неделю. Кроме того, в день 1 мая бастовали Невский завод и часть рабочих Обуховского и Путиловского заводов.

4 мая забастовщики Выборгской стороны пытались пройти в центр города для демонстрации. У Сампсониев-

ского моста их встретила полиция. Рабочие пытались прорваться. насильно, пускали в ход камни и ножи. В происшедшей свалке было ранено много рабочих.

7 мая администрация Обуховского завода стала рассчитывать рабочих, не работавших в день 1 мая. Это вызвало стачку всего завода. Рабочие пред'явили администрации ряд требований (возвращение уволенных, увольнение помощника директора, 8-мичасовой рабочий день, отмена ночных работ и штрафов, повышение расценок и вежливое обращение). Значительная толпа рабочих собралась на тракту, к ней присоединились рабочие соседнего Александровского (чугунного) завода и работницы карточной фабрики. Предполагалось устроить демонстративное шествие. Между тем, прибыл отряд пешей и конной полиции, пытавшейся рассеять рабочих. Натиск толпы смял полицию; подоспевший воинский отряд вытеснил рабочих с тракта, но, когда он затем пытался входить в дома и дворы, чтобы арестовать отступивших рабочих, последние оказали чрезвычайно упорное сопротивление, в котором принимали участие женщины и дети. Несколько полицейских и один офицер были легко ранены: воинская команда стала стрелять. По оффициальным данным, было убито трое рабочих; раненых было очень много; тысячи рабочих были арестованы и на баржах отправлены в город. „Обуховская оборона"—первый едва ли не с декабристского восстания случай воинской стрельбы на улицах столицы—произвела потрясающее впечатление на всех. Вернувшийся из отпуска директор завода Власьев примирительными действиями успокаивал рабочих, немедленно удовлетворив часть требований (отмена ночных работ, возвращение уволенных, повышение расценок); прочие требования (в том числе и вновь выдвинутое требование—признания дня 1 мая праздником) было обещано подвергнуть рассмотрению высших властей. На Невском заводе рабочие выставили такие же требования и добились аналогичных результатов. Между тем, выхваченные на удачу 37 участников событий 7 мая были преданы суду петербургской палаты, состоявшемуся осенью 1901 г. Суд оправдал 8 человек, из остальных приговорил 2—к каторге (на 6 и 5 л.), 14—к арестным ротам

(от 3 до 5 л.) и 13—к тюремному заключению (от $1^1/_2$ до 3 лет). Столь суровых судебных приговоров по делам о рабочих беспорядках русская практика еще не знала.

В течение майских дней произошла еще небольшая уличная демонстрация в Симферополе (5 мая) и новая неудавшаяся демонстрация в Киеве (6 мая, по почину с.-р.).

В течение лета 1901 года происходил ряд стачечных движений в Петербурге, Московской губ. (на Раменской мануфактуре), Иваново-Вознесенске, Вичуге, Серпухове, Нижнем-Новгороде, Вильне, Витебске, Саратове, Полтаве, Одессе, Тифлисе, на Урале, в Тамбове, Смоленске, Курске, Астрахани, Кишеневе. Из движений в пользу сокращения рабочего дня надо отметить стачки на городских трамваях в Курске и Тифлисе; рабочий день был сокращен. На Раменской мануфактуре удалось добиться сокращения рабочего дня с $11^1/_2$ до 9 час. В мастерских Николаевской ж. д. в Петербурге рабочие выдвинули странное требование—введения отмененных сверхурочных работ, как подспорья к очень сократившемуся заработку. Разумеется, администрация охотно пошла им навстречу. Что касается борьбы за заработную плату, то на механическом заводе Калашникова (Ив.-Вознес.) и на пристанях Астрахани рабочие достигли ее повышения; напротив, ткачи фабрики Гука в Петербурге, рабочие табачных фабрик Тифлиса и механ. зав. Саратова не добились повышения платы, а рабочие Усть-Катовского завода, Уфимской губ., и мануфактуры Коншина в Серпухове тщетно боролись против понижения расценок.

В Петербурге летнее стачечное движение (в июне), не имевшее непосредственного успеха, захватило значительную часть заводских рабочих. Во главе шли рабочие казенных Невского и Балтийского заводов. В числе требований, кроме повышения платы (рабочие Невского завода требовали минимальной поденной платы для чернорабочих в 90 коп.) и сокращения рабочего дня (до $9^1/_2$ ч.), значились: правильная организация медицинской помощи, гарантия от произвольных увольнений, контроль выборных от рабочих за приемкой работы. Рабочие Невского завода, между прочим, потребовали учреждения ссудосберегательной кассы и помощи пра-

вления для организации потребительного общества [1]).

С наступлением осени демонстрации возобновились как со стороны студентов, так и рабочих. Между тем, возобновились и студенческие беспорядки. Рабочие приняли некоторое участие в студенческой демонстрации в Харькове 29 ноября, завершившейся избиением студентов казаками. 2-го декабря в уличных демонстрациях рабочие участвовали в более значительном числе. Сильное избиение было произведено полицией и казаками при рассеянии рабочих паровозостроительного завода, двигавшихся на место демонстрации.

15 декабря, по инициативе с.-д. комитета, екатеринославские рабочие, в числе нескольких тысяч человек, демонстрировали против избиений рабочих и студентов в Харькове. Толпа, состоявшая, главным образом, из ремесленных рабочих, дважды прошла по бульвару с пением и возгласами. На следующий день в предместье города Чечеловке—демонстрация повторилась; на этот раз участвовали рабочие заводов.

В связи с студенческим же движением Киевский с.-д. комитет организовал демонстрацию рабочих 2-го февраля 1902 г., которая повторилась 3-го числа. В Москве рабочие пытались проникнуть 9-го февраля в университет на митинг студентов, но войска заблаговременно оцепили фабрики и их не пустили. В феврале и марте произошли крупные демонстрации в Ростове-на-Дону, Екатеринославе, Одессе, Полтаве, Рославле, Креславке, Минске. В Белостоке 21 марта толпа рабочих пыталась отбить у полиции арестованного агитатора. 11 марта в Петербурге на Невском просп. произошла рабочая демонстрация, организованная с.-д. комитетом. В апреле в Уфе железнодорожные рабочие устроили овацию пересылавшимся в Сибирь студентам.

В области стачечного движения, за время с осени 1901 г. до весны 1902 г., следует отметить продолжавшееся затишье в Польше (лишь зимой были стачки на мелких ткацких и чулочных фабриках Лодзи из-за за-

[1]) Относительно первого требования рабочие ссылались на Харьковское общество взаимопомощи; популяризация легальных потребительных обществ среди петерб. рабочих является в известной мере заслугой „Рабочей мысли".

работной платы) и начавшийся застой в стачечном движении в Петербурге. В южном горнозаводском районе стачек также почти не было. В Таганроге в начале 1902 г. рабочие металлургич. завода отстояли стачкой старые расценки; такая же попытка рабочих завода Пастухова в Сулине (Донской обл.), сопровождавшаяся разгромом заводских зданий (в день 19 февраля), потерпела неудачу. Напротив, в центральном промышленном районе с весны 1902 г. начался ряд стачек в Твери (фабр. Залогина и вагоностроительного зав.), Москве, Серпухове и др. местах. Стачки велись, главным образом, из-за заработной платы и потерпели поражение. В Москве, сверх того, действовала агитация рабочих обществ, основанных Зубатовым (о них ниже), которым удалось добиться устранения кое-каких частных злоупотреблений. В Рязанской губернии была в декабре 1901 г. стачка 1.500 углекопов, равным образом, против понижения расценок, и также неудачно. В Брянске, напротив, борьба против такого понижения велась успешно в разных цехах Брянского завода (февр.—март 1902 г.). На Хлудовской мануфактуре Смоленской губ. (апрель) борьба велась против расчета части рабочих.

Бурное движение разлилось на Кавказе. В октябре 1901 г. рабочие железнодорожных мастерских Тифлиса вновь бастовали в течение 2 нед., требуя повышения заработной платы. Они были разбиты. После того начались стачки ремесленных рабочих в Тифлисе и Баку за сокращение раб. дня; они увенчались успехом. В январе 1902 г. началось стачечное движение в Батуме на заводе Манташева (из-за увольнения части рабочих); в феврале на заводах Ротшильда и Хачатурова рабочие требовали сокращения рабочего дня и увеличения платы. В марте те же требования выставил опять завод Манташева. 9 го марта толпа рабочих требовала освобождения арестованных за стачку товарищей; произошло столкновение, во время которого войска стреляли и убили 11 человек. В конце-концов, после упорной борьбы, стачечники победили. В марте же отмечается первая забастовка на нефтяных промыслах в Баку (промысел „Аромат"); рабочие добивались повышения платы. В феврале 1902 г. впервые произошли забастовки в Екате-

ринодаре (табачн. фабр. и механическ. зав.) из-за повышения платы. 21 марта 1902 г. крайне бурное по форме движение разыгралось на Урале, на Воткинском казенном заводе (Вятск. губ.). Требуя повышения платы и введения 8-ми час. дня, рабочие проявляли стремление перейти к агрессивным действиям. Это судорожное движение, в котором вылилось возмущение уральских рабочих растущей безработицей и падением заработков, было вскоре же подавлено военной силой, причем губернатор подверг десятки рабочих наказанию розгами.

На северо-западе, в юго-западном крае и прибалтийских губерниях в течение всего этого времени происходили обычные стачечные движения ремесленных (главн. обр., еврейских) рабочих. Такие стачки имели место в Киеве, Бердичёве, Житомире, Каменец-Подольске, Кишиневе, Елизаветграде, Одессе, Симферополе, Харькове, Екатеринославе, Александрии, Витебске, Вильне, Ковне, Двинске, Шавлях, Гомеле, Могилеве, Либаве, Риге, Смоленске и т. д. В Сморгони 4 недели длилась закончившаяся поражением 1.300 участников стачка на кожевенных заводах, боровшихся за сокращение рабочего дня (конец 1901 г.). Увеличение заработной платы и сокращения рабочего дня добились трамвайщики в Белостоке. В Черкасах рабочие сахарн. завода потерпели в ноябре 1901 г. поражение в забастовке с требованием платы.

Стачечное движение попрежнему в значительной своей части развивалось вне главных центров промышленности.

Майские демонстрации состоялись в 1902 году в Варшаве, Домброве, Вильне, Двинске, Ковне, Минске, Екатеринославе, Кременчуге, Ростове на-Дону, Тифлисе, Баку, Нижнем-Новгороде, Сормове, Саратове, Красноярске. В Харькове на паровозостроительном заводе рабочие пытались бросить работу; произошло столкновение с полицией. Наиболее нашумела демонстрация в Вильне, где полиция, по распоряжению губернатора фон-Валя, подвергла наказанию розгами всех арестованных демонстрантов (то же затем имело место и в Минске, Кременчуге и Екатеринославе). Как известно, акт фон-Валя имел последствием покушение на его жизнь

со стороны сапожника Гирша Лекерта, казненного по приговору военного суда. В Сормове часть забастовавших 1 мая рабочих произвела разгром потребительной лавки, но с.-д., во главе с рабочим Заломовым, удалось удержать массу от дальнейших эксцессов и организовать многолюдную политическую демонстрацию. В Саратове толпа демонстрантов подверглась избиению со стороны полиции и мобилизованных ею мещан и хулиганов. Демонстранты Сормова, Нижнего-Новгорода и Саратова были затем преданы суду и наказаны им чрезвычайно сурово—около 20 человек было лишено всех прав и сослано в Сибирь на поселение.

В начале же мая произошло событие, приобревшее политическое значение, благодаря сенсации, вызванной им во всех общественных сферах. Рабочие железнодор. мастерских станицы Тихорецкой (Кубан. обл.) произвели демонстрацию по поводу загадочной смерти Татьяны Золотовой, арестованной в вагоне судебным следователем. Молва приписывала смерть казачьей полиции, подвергшей Золотову изнасилованию. Рабочие заставили вырыть труп Золотовой для расследования и разгромили станичное правление. Дело Золотовой, благодаря этим беспорядкам, было вырвано из области канцелярской тайны, и послужило предметом оживленного обсуждения в печати и, вместе с тем, чрезвычайно подняло в глазах общества престиж рабочих.

Из стачек за лето и осень 1902 г. можно отметить в центральном районе всего три (на м-ре Морозовых в Твери в июне, на Устьинских заводах, Рязанской губ., тогда же и на Мещеринской мануф. в Москве). Тверские стачечники добивались повышения платы и были побеждены. На юге, кроме продолжавшего разгораться стачечного движения ремесленников, имели место забастовки табачных фабрик (Одесса, Херсон, Симферополь), кирпичных заводов (Феодосия), фабрик механического производства обуви (Херсон, Тифлис), на мельницах Кишинев), на Чулковском руднике Донецк. бассейна, среди грузчиков на пристанях (Азов). В западном крае происходили многочисленные мелкие стачки. В Астрахани имела место стачка бондарей. Ряд забастовок произошел по линии Сибирской железной дороги (в Омске,

Еланская, Красноярске, Иркутске); поводом к этим стачкам, непосредственно руководимым с.-д., явилось лишение рабочих разных служебных льгот.

В начале июня имело место первое серьезное движение сельских рабочих, явившееся отголоском, частью, городского рабочего движения, частью же, аграрных беспорядков весны 1902 г. Движение это, носившее стихийный характер, разыгралось в Кубанской области, захватило, по некоторым сведениям, до 10 тысяч рабочих и выразилось преимущественно в уничтожении косилок, сноповязалок и других сельскохозяйственных машин, введение которых в капиталистическом земледелии северного Кавказа вызвало сокращение спроса на рабочие руки.

В ноябре 1902 года разразилась стачка в Ростове на-Дону, которая приобрела политическое значение и, открыв собою политическую кампанию 1902 – 3 гг., оказала сильное влияние на развитие рабочего движения вообще.

Брожение началось в субботу, 2-го ноября, в котельном цехе железнодорожных мастерских. По какому-то мелкому поводу котельщики бросили работу. Подготовленный сведениями о настроении рабочих к ожиданию крупного движения Донской комитет с.-д. выпустил 4 ноября воззвание, в котором приглашал всех рабочих этих мастерских бросить работу и формулировал требования, выработанные организованными рабочими с.-д. Главными из этих требований были: 1) 9-час. раб. день; 2) окончание работ перед праздниками в 2 часа; 3) повышение зараб. платы на 20%; 4) отмена штрафов; 5) удаление 2 мастеров; 6) вежливое обращение и 7) учреждение школы для детей рабочих. Собравшиеся в понедельник 4-го ноября в мастерских рабочие, по сигналу передовой группы, бросили работу, столпились во дворе, выслушали выступивших перед ними ораторов и одобрили формулированные в воззвании требования. На следующий день к стачке примкнули рабочие железнодор. депо. 6 ноября забастовал механич. завод Пастухова. С этого дня бастующие рабочие начали собираться за городом, в долине реки Темерника, устраивая там грандиозные митинги. На митингах выступали

ораторы Донского комитета, главным образом, интеллигент Брагин и рабочий Ставский, из которых особенно первый своими речами приобрел громадное влияние на слушателей. Ораторы касались преимущественно политических тем. Слушать ораторов собирались, кроме забастовщиков и их жен, тысячи рабочих, домашняя прислуга, мелкая и средняя буржуазия; многие приезжали на собственных лошадях. Весь город жил этими митингами и событиями стачечной борьбы; сочувствие к рабочим, благодаря политической окраске их движения, было полным. Даже некоторые фабриканты жертвовали деньги в кассу с.-д. комитета для поддержки бастующих.

Этот взрыв общественного сочувствия совершенно парализовал энергию местных властей, которые в первые дни не делали вовсе попыток воспрепятствовать митингам силой. Митинги происходили в присутствии полицейских властей, отрядов полиции и казаков. На совещаниях с предпринимателями власти, напротив, держались далеко не примирительно, настаивая на том, чтобы рабочим не давались никакие уступки.

Между тем, стачка разгоралась и приобретала характер всеобщей, захватив механические заводы, табачные фабрики, хлебопекарни и ряд других заведений. Рабочие везде выставляли требования, сходные с требованиями железнодорожников; в общем, они не старались конкретизировать эти требования, и в их присоединении к стачке главную роль играло стремление принять участие в ежедневных политических митингах. Только на механическом заводе Токарева рабочие определенно потребовали ряда реформ и добились их немедленно.

Выйдя из своего первоначального оцепенения и стянув в Ростов войска из окрестных пунктов, власти, по инструкции из Петербурга, решили действовать более энергично. 11-го ноября митинг был разогнан военной силой после упорного сопротивления рабочих. Последние уже рассеялись, когда по запоздалым кучкам был дан казаками залп, убивший шестерых и ранивший 12 рабочих. Вслед за тем начались аресты. Брагин, потрясенный зрелищем кровавой расправы, сам отдался в руки полиции, некоторым другим руководителям вскоре пришлось скрыться. Тем не менее, 12-го и 14-го ноября рабочим

удалось еще устраивать митинги. Дальнейшему их продолжению полиция и войска помешали. Стачка длилась еще 2 недели, и лишь 24 ноября рабочие жел.-дор. мастерских вернулись к работам, получив обещание об удовлетворении части требований. На частных заводах и фабриках стачка тоже прекратилась.

Весть о ростовских событиях вызвала движение на ближайшем участке Владикавказской железной дороги. 15-го ноября забастовали жел.-дор. рабочие станции Тихорецкой. 17-го ноября полицейские власти, окружив стачечников военной силой, пытались принудить их возобновить работу. Когда это не удалось, были пущены в ход сначала нагайки, а затем ружейные залпы. Пятеро рабочих было убито, многие ранены. Стачка была подавлена.

17-го ноября забастовали жел.-дор. рабочие в Новороссийске. Они увлекли за собой мелкие механические заводы, элеваторы, портовых рабочих, цементные заводы. Здесь тоже происходили массовые собрания рабочих, хотя и не велось организованной агитации по образцу Ростова. Известия о том, что в последнем городе стачка прекратилась, приостановили движение, и 20-го ноября работы возобновились.

В течение зимнего сезона 1902—1903 гг. произошел ряд политических демонстраций рабочих в Тифлисе (ноябрь 1902 г.), Варшаве, Сувалках, Белостоке, Одессе (январь 1903 г.), Томске, Тифлисе и Вильне (февраль), Ростове на-Дону, Батуме и Баку (март 1903 г.). Наиболее крупными были февральские и мартовские демонстрации на Кавказе и в Ростове на-Дону. В Тифлисе 20 февраля демонстрировало несколько тысяч рабочих, в Батуме демонстрация, организованная в годовщину прошлогодних убийств 9 марта, была также очень многолюдной. В Баку 2-го марта собралось на площади 2.000 рабочих, агитаторами произносились речи. В Ростове на-Дону в тот же день социал-демократический комитет организовал многолюдную демонстрацию. Во время свалки с подоспевшей к концу ее полицией был смертельно ранен пристав. Пользуясь этим обстоятельством, В. К. Плеве впервые применил к уличной демонстрации прием предания военному суду случайно выхваченных участников, из которых трое—рабочие Куксин и Колосков и интеллигент А. Браи-

ловский—были приговорены к смертной казни и, по смягчении приговора, отправлены на каторгу вместе с несколькими другими рабочими.

В то же время стало заметно усиливаться и стачечное движение. В Петербурге в январе происходили безуспешные стачки, направленные против понижения расценок, на Невской мануфактуре, фабрике механического производства обуви и в Варшавских железно-дорожных мастерских. В центральном районе были стачки на ткацкой фабрике Кашина в Костроме, Сенькова в Вязниках и на ковровой фабрике в Тверской губ. В Польше бастовала одна ткацкая фабрика в Ченстохове. В северо-западном крае были крупные стачки кожевников в Сморгони (1.200 человек в феврале 1903 г. из-за рабочего дня); чулочниц (до 2.000 чел. в Двинске, Витебске, Полоцке, Гомеле и других местах в марте того же года по той же причине); на кирпичных заводах Копыся, Минской губ. (в феврале); в железно-дорожных мастерских Гомеля и Ветки (в апреле против понижения расценок), на табачных фабриках в Гродне и Вильне и различных фабриках Белостока. Большая стачка чулочниц и стачка железнодорожных рабочих Гомеля увенчались успехом. На юге были более крупные забастовки на сахарных заводах в Одессе и Киевской губ. (Александровский завод), на механических заводах в Одессе, Таганроге и Мариуполе, на бумажных фабриках Ростова на-Д., на табачной фабрике в Кременчуге, в шахтах около Луганска. На Кавказе были забастовки в Новороссийске (цемент. завод), Батуме (завод Ротшильда), в Баку (ткацкая и табачная фабрики, нефтяной промысел), Тифлисе (механический завод), в станице Крымской, Кубанской обл. (шахтеры). В Сибири была забастовка железнодорожных мастерских в Чите (декабрь 1902 г.). На Урале, в феврале 1903 г., на пушечном заводе в Мотовилихе близ Перми рабочие бастовали против понижения расценок и потерпели поражение; в марте такая же борьба велась на Михайловском сталелитейном заводе Екатеринбургского уезда. В марте же произошла трагедия в Златоусте, по своим размерам и характеру затмившая все прежние драматические эпизоды стачечного движения в России.

Рабочие казенного завода в Златоусте забастовали

по той самой причине, которая вызвала всеобщую стачку в Белостоке 1895 года—они отказались принять новые расчетные книжки, в которых заключалось, между прочим, перечисление карательных статей, направленных против стачек, и табель всевозможных штрафов и вычетов. Один этот факт свидетельствовал о сравнительно отсталом характере этого движения, которое, действительно, было менее организованным и сознательным, чем движение 1897 г. в том же городе, когда борьбой рабочих руководил организованный кружок. Теперь социалистических организаций в городе не было, и никакой политический элемент в стачку не входил. Между тем, прибывший в город уфимский губернатор Богданович арестовал делегатов рабочих и, когда возбужденная толпа осадила его жилище, он, не подвергаясь серьезной опасности, скомандовал войскам стрелять в упор в скучившуюся пятитысячную толпу. В результате—на месте легло 69 чел. убитых, в том числе малолетние; раненых было свыше 100. В рабочей среде событие 13-го марта произвело глубокое впечатление.

Ремесленное стачечное движение за эту зиму, продолжая развиваться в сев.-западном крае, захватывает новые пункты на юге (Белая Церковь, Ялта, Нежин, Чернигов, Городня, Тульчин), в Польше (Сувалки, Полоцк, Ченстохов), на Волге (Самара), в Сибири (Томск). Замечается во многих местах стачечное движение среди типографских рабочих, усиливается движение среди приказчиков, возникает среди фармацевтов.

Празднование 1-го мая в 1903 г. носило более значительный характер, чем в предыдущем. Во многих городах не работало значительное число рабочих: в Николаеве (наиболее крупные заводы), Одессе, Чите, Иркутске, Харбине, Белостоке, Гродне, Гомеле, Поневеже, Сувалках и т. д. демонстрации в Варшаве, Ростове на-Дону, Феодосии, Таганроге, Баку, Балаханах, Тифлисе, в селах Гурии, в Томске, Чите, Харбине. В Томске в демонстрации участвовало несколько тысяч человек, в Балаханах при столкновении демонстрантов с войсками во время демонстрации 27 апреля был убит один и ранено несколько рабочих.

VI.

Новый подъем стачечного движения и всеобщие забастовки на юге.

Как нами уже указывалось, с началом 1903 года стали замечаться признаки промышленного оживления. Россия, казалось, вступала в полосу нового экономического под'ема, но наступившая в начале 1904 г. русско-японская война вызвала новый общий застой в делах. Тем не менее, короткого и небольшого оживления оказалось достаточно, чтобы в массах, раздраженных несколькими годами кризиса и возбужденных политической борьбой, вызвать стремление к обратному завоеванию отобранных капиталистами позиций. Конец весны и лето 1903 года характеризуются рядом стачечных движений, продолжающих дело ростовской ноябрьской стачки.

В Петербурге, Костроме, Вышнем-Волочке, Николаеве эти движения возникли под непосредственным действием майской агитации. В Петербурге ткачи боролись у Воронина и Лебедева за сокращение предпраздничной работы, у Максвеля—за повышение платы, у Паля—против увеличения рабочего дня. Везде, кроме фабрики Воронина, рабочие победили. В Николаеве в средине мая с успехом бастовали Французский завод против неправильной расплаты, Черноморский—против системы штрафов. В Вышнем-Волочке майские воззвания с.-д. вызвали брожение, вылившееся в забастовку трех крупных мануфактур. Рабочие требовали девятичасовых смен, увеличения расценок на 20%, учреждения библиотек и отчета в штрафных капиталах. Стачка кончилась компромиссом: обещано увеличение расценок на 5—15%, при чем впоследствии на фабр. Прохорова эта уступка вновь была взята обратно.

Наиболее бурным было костромское движение. Новое понижение очень скудной платы вызвало 5 мая забастовку рабочих крупной мануфактуры Бельгийского общества. Они потребовали повышения расценок. Через несколько дней стачечники произвели уличную демон-

страцию. Начались столкновения с полицией и казаками; было много раненых с обеих сторон. Проявляя чрезвычайное воодушевление, стачечники держались 3 недели, но должны были уступить под давлением местной администрации. Волнение передалось на фабрику Золотова, где рабочие добились увеличения платы.

Повышения платы удалось также добиться стачками рабочих фабрики Моргунова (Озеры, Коломенск. у.), московских механических заводов Бромлея и Листа и многих мелких ткацких фабр. Лодзи. На Барановской мануфактуре (Александров, Владимирской губ.) рабочие отстояли заработную плату от понижения. Борьба за сокращение рабочего дня была успешна для судовых команд г. Поти, строительных рабочих Лодзи и ряда ремесл и мелких фабрик Варшавы. Напротив, потерпели поражение рабочие железнодорожных мастерских ст. Инокентьевской (Иркутской губ.) и гор. Борисоглебска, выставившие требование: первые—8-мичасов., а последние—9-тичасового рабочего дня. Кроме этих стачечных движений, в течение мая и июня 1903 г., происходили стачки среди ткачей в Кинешемском уезде, на фортепьянной фабрике в Петербурге и на механических заводах Шуи, Иванова-Вознесенска и Бердянского уезда Таврической губ.

В Белозерском уезде, Новгородской губ., и Сквирском уезде, Киевской, происходили мирные и организованные забастовки *сельских рабочих*, приведшие к повышению платы. Такие же забастовки в Могилевской губ. (близ Шклова) были проведены крестьянками-работницами. Следует отметить демонстрацию нескольких тысяч еврейских рабочих в Лодзи, протестовавших против систематических насилий местной полиции. Много демонстрантов было ранено.

Начавшиеся в июле всеобщие забастовки своим исходным пунктом имели стачечное движение среди рабочих нефтяных промыслов в Баку и рабочих, занятых в Одесском порте. И в нефтяной промышленности, и в морском транспорте уже сказалось довольно сильно наступление промышленного оживления, и рабочие спешили учесть его в свою пользу. Соответственно этому, в обоих названных пунктах стачечники стремились со-

хранить за движением чисто-профессиональный характер, не примешивая к нему политического элемента. Но начатые ими стачки вызвали среди рабочих самых различных категорий бурный прилив классового возмущения, в котором сплетались и непосредственное стремление к экономическим улучшениям, и стремление выразить общеклассовую солидарность, и долго накоплявшаяся жажда формулировать протест против политического и гражданского бесправия. Этот стихийный прилив политической волны захлестнул чисто-профессиональные движения и поставил во главе всеобщих забастовок социал-демократов, оттеснив на задний план первоначальных инициаторов движения.

Общая картина движения рисуется так.

В Баку 29 июля забастовали рабочие промысла Бибиэйбатского товарищества. На 2-й день стачки их мелкие требования были удовлетворены, но на следующий день—1 июля—забастовка распространилась на некоторые другие промыслы. 2 июля стали типографии. 4-го и 5-го забастовали все промыслы в районе Баку. Затем бастуют железнодорожные мастерские и депо, машинисты и их помощники, кондуктора железной дороги, трамвай, пароходы, все заводы и фабрики, ремесленные мастерские, ресторанная прислуга, строительные рабочие, мостовщики, команды наливных шкун, амбалы (носильщики), ассенизаторы и мусорщики, рабочие электрической станции, сотрудники газет, дворники и даже часть городовых. Не бастовали лишь приказчики и булочники. Число забастовщиков дошло до 50 тысяч.

Рабочие нефтяных промыслов приняли формулировку требований, выработанную стачечным комитетом, во главе которого стояли социал-демократы. Требовали 8-ми часового рабочего дня, устройства школ, народных театров и больниц на средства заводчиков, увеличения платы на 20%. Аналогичные требования выставлялись рабочими других категорий. В течение всей забастовки происходили за городом открытые собрания стачечников, на которых велась и политическая агитация, но последняя не всегда встречалась сочувственно серыми массами промысловых рабочих: особенно в балаханском районе явно преобладало желание ограничиться чисто-экономической

борьбой. Рабочая масса держалась весьма мирно и сама брала на себя охрану промыслов. Симпатии населения были на стороне рабочих и, считаясь с ними, совет нефтепромышленников, в ответ на требования стачечников, об'явил, что принципиально признает за рабочими право стачек и право на коллективный договор. Во время стачки серьезных столкновений с властями не было: войск в городе было очень немного и они действовали сдержанно. Все же им удалось открыть железнодорожное и трамвайное движение силами железнодорожного батальона, и с этого момента забастовка стала падать. К 17—18 июля она закончилась.

В Тифлисе известие о бакинской стачке пришло через несколько дней после громадной демонстрации (до 10 тыс. чел.), устроенной рабочими при проводах 4 социал-демократов, ссылавшихся в Сибирь. На демонстрации полиция стреляла из револьверов и убила одного рабочего. В городе царило возбуждение, еще более усилившееся после того, как 2-го июля до 2.000 приказчиков „захватным путем" добились сокращения торгового времени с 16-ти до 14-ти часов. Начались стачки портных, медно-литейщиков и сапожников, которые добились 12-тичасового рабочего дня. 11-го июля забастовали мясники, 12-го— типографщики и пекаря. Власти стали принимать репрессивные меры, подвергая забастовщиков избиению. Тогда социал-демократический комитет об'явил всеобщую забастовку. Она началась 14-го июля, захватив, кроме заводов, фабрик и мастерских, железную дорогу (до Батума). Бастовали также официанты. 18-го июля железнодорожные рабочие у станции Михайлово пытались остановить поезд. Войска стреляли и убили, по официальным сведениям, 11 рабочих. 20-го стачка прекратилась. Вызванное ею волнение отозвалось в уездном городе Тифлисской губернии, Гори, политической демонстрацией.

В Батуме стачке также предшествовала политическая демонстрация на похоронах рабочего, убитого провокатором. 17-го июля, по призыву социал демократического комитета, началась всеобщая забастовка. Кроме заводов и железной дороги, бастовали пекаря, носильщики, строительные рабочие, конторщики, приказчики. Происходили ежедневно митинги. Во время одного из них 18-го июля

произошло столкновение с войсками, которые стреляли и убили несколько человек. Начиная с 20 июля, стачка прекращается. С 18-го июля бастовало несколько тысяч рабочих марганцевых рудников в Чиатурах, Кутаисской губернии.

В общем, на Кавказе бастовало около 80.000 рабочих.

В Одессе с весны шло брожение между теми рабочими, которых удалось организовать так называемым „независимым", проводившим идеи чисто-экономической борьбы и лойальности по отношению к правительству. Рабочие требовали от своих руководителей, с Шаевичем во главе, исполнения данных им обещаний завоевать улучшение условий труда. После стачек на небольших заводах заволновались 1-го июля железнодорожные мастерские: рабочие котельного цеха потребовали возвращения уволенного товарища. 2-го июля мастерския забастовали, требуя 9-тичасового рабочего дня, увеличения платы и т. д. На собрании стачечников началась борьба между „независимыми" и социал-демократами: первые требовали устранения всякого политического элемента и умеренности в экономических требованиях. Эта борьба дезорганизовала стачечников, и на следующий день часть рабочих вернулась к работам.

4-го июля бросили работу портовые рабочие, требуя удвоения заработной платы, достигавшей 1 руб. 10 к. в день. Через несколько дней они было согласились удовлетвориться платой в 1 руб. 50 к., когда бросили работу матросы и кочегары на судах. Их требованием было также повышение платы. Одновременно стали бастовать заводы, фабрики, мастерския, пекарни, трамвай, винные склады, водопровод, скотобойни; прекратились работы на постройках; близ Одессы забастовали рабочие в каменоломнях; узнав о событиях в Баку, вновь бросили работу в железнодорожных мастерских. Бастовало несколько десятков тысяч человек. Общие требования формулировал с.-д. комитет: 8-ми часовой рабочий день, увеличение платы на $^1/_8$, помощь больным рабочим на счет хозяев, отмена сдельной платы. На некоторых фабриках рабочие требовали введения выборной фабричной администрации.

С 17-го июля стали устраиваться многолюдные митинги. Их пытались разгонять казаки, но не всегда успешно. По улицам ходили процессии с красными флагами и революционными песнями, что вызывало смущение в части рабочих. Пользуясь их недовольством, „независимые“ на митинге 18-го июля в Рубовом саду вели агитацию против с.-д., мешали им говорить, кричали „долой переодетых студентов“ и требовали устранения политических вопросов. Был случай избиения с.-д. оратора. Но уже на следующий день с.-д., проникнув на собрание „независимых“, убедили их, вопреки сопротивлению руководителей, принять требование 8-мичасового рабочего дня.

Между тем, власти, начав репрессии, не щадили и „независимых“. 19-го июля была произведена полицией расправа над арестованными кучерами и кондукторами конки. Это раздражило „независимых“ и толкало массы к с.-д. Тем не менее, репрессии ускорили окончание забастовки. 21—22 июля работы возобновились.

К этому времени забастовка началась в Николаеве. 21-го июля рабочие Французского завода забастовали, требуя 8-мичасового рабочего дня и применения незадолго до того изданного закона о фабричных старостах. Рабочие громадной толпой пошли с песнями по городу „снимать“ другие заводы. При попытке присоединить к стачке работниц спиртоочистительного склада произошло столкновение с солдатами; было ранено несколько рабочих. Работа была остановлена во всех промышленных заведениях и элеваторах; остановилась и конка. 23-го числа во время митинга солдаты стреляли, убив одного прохожего. Стачка прекратилась после того, как на Французском заводе объявлен расчет всем рабочим.

В Елизаветграде стачечное движение начиналось дважды: 11—12-го июля бастовали и добились сокращения рабочего дня на 1 час и увеличения платы рабочие некоторых заводов сельско-хозяйственных орудий; 28-го июля, частью под влиянием перебравшихся из Одессы „независимых“, забастовали каменщики, плотники и маляры, за которыми пошли ремесленники и рабочие мельниц, приказчики и биндюжники. Стачка длилась 3 дня и во время процессии рабочих сопровождалась столкновением с полицией.

В Киеве стачка началась по призыву с.-д. комитета, предложившего требовать 8-мичасов. рабочего дня и увеличения расценок на 40—50%. Забастовали железнодорожные мастерския, депо, механические заводы. 22-го присоединились типографщики, 23—трамвай, 24—все фабрики и заводы, затем, пароходы, мельницы, пекарни, извозчики.

Уже 22-го июля, при попытке остановить поезда, рабочие были обстрелены войсками, при чем после долгой схватки было убито несколько человек. 24-го июля, при попытке „снять" рабочих некоторых заводов, на Галицком базаре было новое столкновение, многие получили штыковые раны. 25-го июля такое же столкновение на Подоле снова закончилось стрельбой солдат и стоило рабочим нескольких жизней.

Киевское движение особенно ярко выделялось резкой политической тенденцией. На многих заводах рабочие вовсе не выставляли требований, подчеркивая, что цель забастовки прежде всего политическая. Через неделю стачка закончилась.

Теперь она перенеслась в Екатеринослав. Здесь с.-р. пытались ее вызвать уже 4-го августа, но с.-д. сдерживали массу, и 5-го августа забастовали лишь булочники. 6-го августа многие из них были арестованы, и стачка их стала угасать. Но 7-го с.-д. комитет призвал к всеобщей забастовке, охватившей все заводы, железнодорожные мастерския, конку и ремесленников. Требовали 8-мичасового рабочего дня и повышения платы. 7-го августа солдаты стреляли в толпу рабочих, не желавших расходиться, убили 11 человек и тяжело ранили 13, из которых трое вскоре умерло. Похороны убитых обратились в демонстрацию. Стачка длилась неделю и закончилась 15 августа.

26-го июля в Александровске, Екатеринославской губернии, забастовали все ремесленные заведения; мерами полиции предотвращено присоединение к стачке заводских и железнодорожных рабочих. Наоборот, в Конотопе произошла забастовка железнодорожных мастерских. В Феодосии 24-го августа бастовали портовые рабочие. В Керчи 8-го сентября забастовали пароходные команды, с требованием повышения платы. 12-го стачка стала все-

общей. 13-го, при попытке рабочих проникнуть в порт, войска стреляли, убив одного человека. Стачка закончилась 14-го сентября.

Экономические результаты этого движения представляются в таком виде: в Баку нефтепромышленники дали рабочим некоторые мелкие уступки, на некоторых промыслах повысили поденную плату. По свидетельству изданного советом нефтепромышленников очерка стачечного движения [1]), из 37 фирм 3 удовлетворили требования рабочих полностью, 15—частично, 19—вовсе не удовлетворили; но при этом 31 фирма уплатила рабочим за стачечные дни. В Тифлисе добились удовлетворения своих требований приказчики, ремесленники и официанты. В Одессе матросы добились увеличения столовых денег и организации медицинской помощи; плата портовых рабочих поднялась до 1 р. 60 к. в день. В Киеве даны уступки служащим трамвая, сокращен рабочий день и увеличена плата в типографиях. На заводах, напротив, условия труда не улучшились. В Екатеринославе экономических уступок добились лишь ремесленные рабочие, в Керчи—портовые, в Елизаветграде—рабочие на заводах сельскохозяйственных орудий, в Феодосии—судовые команды.

В общем, забастовки подняли положение наиболее отсталых и наихуже оплачиваемых рабочих масс. Но не этим определяется главное значение всеобщей забастовки 1903 г. Она вовлекла в классовую борьбу громадные массы пролетариата, стоявшие до этого времени в стороне от нее, расширив, таким образом, значительно русло рабочего движения. Вместе с тем, она втянула в сферу политических интересов весь пролетариат Юга, обострила политическое раздражение и уничтожила всякое влияние „независимых". Утрата влияния этим направлением получила яркое подтверждение в событиях, происшедших в сентябре в Москве, являвшейся с 1901 г. сосредоточием „зубатовщины".

Московские типографские рабочие стояли вне русла того рабочего движения, которое было руководимо с.-д. Под влиянием „зубатовской" пропаганды чистого про-

[1]) Составлено под ред. В. И. Фролова. 1907 г.

фессионализма, хотя, повидимому, и вне организационной связи с „зубатовцами", они в 1903 г. стали готовиться к борьбе. Южные стачки оказали на них свое действие. С 7-го сентября они стали собираться на сходки по 300—500 чел., включавшие представителей всех типографий. На сходках были выработаны общие требования: 1) 9-часовой рабочий день (8 часов в ночной смене); 2) повышение месячной платы на 20% и увеличение тарифа до 22 коп. с 1.000 букв (вместо прежних 17); 3) установление медицинской помощи; 4) введение фабричных старост; 5) общие для всех типографские тарифы и коллективный договор.

Выставление последнего требования особенно характерно для этого движения. Мы выше видели, что тот же вопрос выдвинулся в нефтяных промыслах во время всеобщей стачки в Баку. Как типографы, так и промысловые рабочие в 1903 году только еще начинали свою стачечную борьбу, и это выдвинутое ими и характерное для развитого профессионального движения требование впоследствии приблизилось к осуществлению всего более именно в этих двух отраслях производства.

9-го сентября все московские типографии, литографии и переплетные забастовали. Число забастовщиков достигло 10 тысяч. Предприниматели сейчас же предложили рабочим компромисс: 10-часовой рабочий день и 18 к. с тысячи букв. Уступка была принята наборщиками, работающими сдельно, и 13 сентября они стали на работу. Остальные бастовали до 23-го, когда хозяева согласились повысить месячную плату в требуемом размере. Все время стачки полиция арестовывала и высылала стачечников.

Для московского рабочего движения эта стачка означала конец „зубатовского" периода и начало нового сближения с общим потоком рабочего движения в России.

Сентябрьской стачкой собственно заканчивается полоса движений, непосредственно связанных с развитием пролетарской борьбы в XIX веке. С появлением на политическом горизонте дальневосточного кризиса, вся русская общественная жизнь, а с нею и рабочее движение, вступает в новую фазу исторического развития.

VII.

Правительство и рабочий вопрос в начале 1900-х гг.—Попытки легальной организации рабочих.

Выход рабочего класса на арену политической борьбы заставил правительство значительно изменить свою тактику по отношению к рабочему движению. Политика репрессий не была оставлена; напротив, именно за этот период она применяется во все более суровых формах. В 1901 году в одном случае применено действие огнестрельным оружием против рабочих демонстрантов, в 1902 г. оно применяется уже 3 раза, в 1903 году—10 раз. В 1900 году правительственные власти впервые с 70-х годов для расправы со стачечниками прибегают к телесным наказаниям (на Прохоровских рудниках); в 1902 году—эта мера применяется уже 4 раза по отношению к „бунтующим" в той или иной форме рабочим. В 1902 году обычная для социалистов и участников рабочего движения административная ссылка сменяется преданием суду сословных представителей и тяжелыми приговорами на поселение за участие в демонстрациях или простое распространение воззваний (дела саратовских, нижегородских, сормовских, бакинских демонстрантов; дела Денисова в Саратове, Фролова в Екатеринославле, Соснюка в Елизаветграде, соц.-дем. типографии в Кишиневе и др.). В 1903 году уже переходят к военному суду (дело ростовских демонстрантов) и к 15-тилетней каторге для агитаторов (дело рабочих Киселева и Кабакова на Урале).

Рядом с этой прежней тенденцией, в деятельности правительства все определеннее сказывается другая, представителями которой в предыдущие годы явились Трепов и Зубатов. По мере того, как разгоралось общественное движение в самых разнообразных формах, в правительстве устанавливалась все более резко выраженная гегемония полицейского ведомства над другими органами управления. С вступлением в должность министра внутренних дел Плеве (1902 г.) эта гегемония окончательно укрепилась, и без большого успеха боролся против нея

прежде всемогущий Витте. Последнему еще удалось воспрепятствовать проекту передачи всей фабричной инспекции в ведомство министерства внутренних дел, но эту победу он одержал лишь тем, что в циркулярах строго предписывал инспекции сообразовать свою деятельность с видами местных губернаторов; указом же, изданным в начале 1903 года, инспекция поставлена и в формальную зависимость от губернаторов, которым дано право утверждать инспекторов в должности, смещать и контролировать.

В то же время глубокий промышленный кризис выбил почву из-под ног той правительственной политики, которая строилась на гармонии между бюрократией и крупной промышленностью. Вместо того, чтобы быть источником растущего могущества бюрократического государства, промышленность сама нуждалась теперь в жертвах с его стороны, чтобы устоять против кризиса. Правительство вынуждалось обратить внимание на совершенно игнорировавшиеся им в момент под'ема области народного хозяйства и задуматься об „оскудении центра" и положении земледелия. Аграрный вопрос (образование сельско-хозяйственных комитетов) выдвигается на первый план, и общественному мнению дается возможность вести во имя интересов страны атаку против одностороннего промышленного протекционизма 90-х годов. Если во главе этой политической кампании идет либерализм, преследующий цели освобождения экономического развития от пут, наложенных сословно-крепостническим режимом, то за ним в земствах и сельско-хозяйственных комитетах, в печати и в бюрократических учреждениях выступают аграрии, стремящиеся использовать в своих интересах государственную машину, до сих пор работавшую преимущественно для городского капитала. Тем самым уже создавалась в правительственных кругах благоприятная почва для игнорирования интересов капиталистического класса там, где они сталкивались с соображениями бюрократии о некотором успокоении высоко вздымавшихся волн рабочего движения.

Но для расцвета „зубатовщины" имелось еще одно основание. Политическое движение, в которое начинали втягиваться рабочие массы, об'единяло их с демокра-

тической интеллигенцией, которая первоначально стояла в центре политической борьбы и за которой виднелись ряды либеральной буржуазной и помещичьей оппозиции. Для реакционных дворянско-бюрократических кругов отвлечение рабочих от с.-д.-тии становилось, поэтому, средством их мобилизации против оппозиционного движения: опираясь на темный классовый инстинкт, реакционеры надеялись организовать „черносотенное" движение народных масс, во имя союза монархии с пролетариатом, против либеральной буржуазии и демократической интеллигенции. Таким образом, первоначальная задача, поставленная зубатовщиной—отвлечь пролетариат от социал-демократии—расширялась до задачи резко столкнуть его со всем общественным оппозиционным движением. Для этой цели приходилось уже пускать в ход более крупные тактические средства, чем те, с помощью которых пытались оперировать в Москве в 1899 году Зубатов и Трепов. И прежде всего приходилось ограничить принцип благожелательной полицейской опеки, допустив, в известных пределах и в известном направлении, развитие самодеятельности самих рабочих масс.

Высшие представители правительственной власти в своих соображениях по рабочему вопросу, относящихся к 1901 г., еще целиком проникнуты чисто-охранительными соображениями об ограждении на фабриках общественного порядка. Так, шеф жандармов, кн. Святополк-Мирский, признавая [1]), что „в самой жизни рабочих есть не мало условий, облегчающих пропагандистам их разрушительную деятельность" и что, благодаря этому, „поставив себе целью создать из рабочих организованные массы для борьбы с правительством, пропагандисты, к сожалению, значительно успели в этом",—приходит к выводу об отдаче под усиленный надзор воскресных школ, о создании „правильно организованных библиотек для рабочих", об издании правительственного органа, который бы вытеснил из обращения подпольные листки. Святополк-Мирский согласен предоставить рабочим право иметь доверенных для переговоров с капиталистами,

[1]) Записка по поводу беспорядков на Обуховском и др. заводах. См. у Озерова l. c., стр. 131—2.

так как „просьбы и заявления, облеченные в законную форму, уже не имели бы тогда характера протеста, опасного для спокойствия". Но, рядом с этой реформой, он предлагает устройство фабричных помещений не только для того, чтобы „заставить рабочих более дорожить своим положением", но и чтобы „облегчить надзор за их настроением и попытками внешнего воздействия". В 1901 году это было слишком полицейски ограниченно даже и для высшей бюрократии. Святополк-Мирский бесконечно отстал и от варшавского генерал-губернатора, князя Имеретинского, и от одесского градоначальника, графа Шувалова, которые за 2 года до него излагали свои соображения по рабочему вопросу. Гр. Шувалов, напр., уже додумался до необходимости „открыть пути для образования, облегчить устройство чтений и библиотек, возможно широко распространять среди рабочих дешевые книги, даже бесплатно,...—книги, которые откроют пытливому уму рабочего несравненно более широкие горизонты, чем те, которые указываются в подпольной литературе"; до необходимости сократить рабочее время и нежелательности бороться с рабочими путем административных высылок [1]).

Министр Сипягин после объезда 4-х губерний центрального района предлагал в своей записке „поступательное развитие" фабричного законодательства и создание „среди самих рабочих устойчивого и консервативного элемента, который являлся бы опорой существующего общественного строя не в силу одних лишь смутных чувств и привычек, имеющих бессознательный корень в прошлом народной жизни, а сознательно, в силу ясно понимаемой и ощущаемой связи повседневных личных интересов с интересами порядка и спокойствия". Для этой цели предлагаются: участие рабочих в прибылях предприятий и приобретение усадебной оседлости. Сверх того, Сипягин намечает усиление правительственной регламентации на фабрике вплоть до регулирования заработной платы и до запрещения законодательным путем предпринимателям вносить во время стачек изменения в условия найма без согласия фабричной инспекции.

[1]) Там же, стр. 133—4.

Понятно, что при такой общей тенденции у Сипягина нет и намека на возможность свободы коалиций и желательность каких бы то ни было рабочих организаций[1]).

В то время, как высшая власть топталась на одном месте, московская полиция сделала смелый эксперимент, шедший далеко впереди самых крайних ее мечтаний о приручении рабочего движения. Нет никакого сомнения, что этот эксперимент мог быть проделан на виду у проникнутого бюрократической рутиной правительства, лишь благодаря исключительному авантюризму начальника московского охранного отделения, Зубатова.

Бывший революционер, предавший (в 80-х гг.) своих товарищей, Зубатов, став сначала провокатором, в середине 90-х годов был назначен начальником охранного отделения и в этой должности проявил большое умение в деле организации сыска. Развив до небывалых со времен Судейкина (1881—83 гг.) размеров систему провокации и наводнив своими агентами революционную среду Москвы, он достиг того, что очень сильная в 94—96 гг. с.-д. организация в этом городе была почти совершенно уничтожена в следующие годы, и в то время, как в остальных крупных центрах возникали на место разгромленных новые организации с более широким размахом агитации, в Москве к концу десятилетия царил в революционной среде полный хаос, в котором люди боялись приступать к коллективной работе, чтобы не пасть жертвою полицейской ловушки. Вместе с тем, развращая и подкупая подходящих для того революционеров, Зубатов, в ожидании утверждения правительством своих широких планов социальной демагогии, не ограничивался превращением своих жертв в простых шпионов, но делал их пропагандистами „легализации“ рабочего движения путем его сближения с монархией.

Получив в 1898 г. поручение организовать надзор за „Бундом“ в западном крае и искусно выследив эту организацию, многие члены которой были арестованы им в средине этого года, Зубатов и здесь вступил в переговоры с рядом арестованных социал-демократов, чтобы найти среди них адептов своей политики. В 1900 г. вы-

[1]) Там же, стр. 135—141.

пущенный им из тюрьмы рабочий Шахнович стал пропагандировать в Минске и других городах западного края, а затем в Екатеринославе, необходимость коренного изменения направления рабочего движения в сторону отказа от революционно-политических задач и сближения с правительством на почве мирной культурно-профессиональной работы. Шахнович ссылался при этом на свои беседы с Зубатовым и обещания, данные ему последним о готовности правительства терпеть и даже поддерживать направленное в такую сторону рабочее движение.

В конце того же года одна московская учительница, Дмитриева, вместе с группой рабочих выработала и представила властям на утверждение устав общества взаимопомощи рабочих механического производства.

Стремление к образованию таких обществ, чуждых боевых задач и ставящих целью самопомощь и обслуживание некоторых культурных нужд, продолжало сказываться в рабочем классе по мере роста его экономической борьбы и пробуждения самодеятельности в таких его группах, которые, в силу ли большей материальной обеспеченности, в силу ли более зрелого возраста или в силу консервативного настроения, чуждались участия в подпольных кассах и организациях, охватывавших преимущественно весьма революционно-настроенную рабочую молодежь. По мере погружения самих с.-д. комитетов в сферу профессиональной агитации, в их собственной среде являлись партизаны разных видов мирной рабочей организации, и на них, наприм., часто обращала внимание петербургская „Рабочая Мысль". В рядах организованных с.-д. передовых рабочих появлялись единицы, принципиально не враждебные классовой борьбе в ее форме профессиональной борьбы, но находившие темп, принятый этой борьбой в России, слишком ускоренным и недовольные односторонним развитием экономической агитации в ширь в то время, как не делалось попыток крепко сплотить и организовать более культурные элементы пролетариата. Кружок рабочих такого направления сгруппировался в конце 90-х гг. в Иванове-Вознесенске вокруг техника Кондратьева и переплетчика Евдокимова. Считая себя с.-д., члены этого кружка держались в сто-

роне от стачечного движения и искали более мирных и легальных путей экономической самодеятельности.

Возникшее в конце же 90-х гг. бернштейнианское или ревизионистское течение среди социалистической интеллигенции, пропагандировавшее смягчение классовой борьбы и настаивавшее на важности мирных форм рабочего движения, усилило эти тенденции. С наступлением промышленного кризиса и затруднением условий экономической борьбы, идея рабочей организации для целей простой взаимопомощи должна была пустить более глубокие корни. В 1898 г. в Харькове основалось „общество взаимопомощи лиц, занимающихся ремесленным трудом", явившееся, по сравнению с обществами более давнего происхождения, наиболее близким к западноевропейским рабочим организациям не-боевого типа. Это общество имело значительный успех, образовывало секции в других центрах юга и, с развитием рабочего движения в Харькове, приобретало заметное влияние на менее увлеченные политикой и более умеренные по настроению слои заводских рабочих. Большое влияние на самое общество оказывали переселившиеся в Харьков представители упомянутого выше „иваново-вознесенского толка". К 1 янв. 1902 года харьковское общество насчитывало 593 члена, к 1 янв. 1903—877. Выступая нередко против революционных стремлений с.-д., харьковские „экономисты", тем не менее, держались вполне независимо по отношению к правительству и были всегда политически-прогрессивны; поэтому само общество нередко подвергалось преследованиям администрации, а после майских событий 1900 года его председатель был арестован.

В других городах тоже проявлялось стремление организоваться легально в общества взаимопомощи. В 1899—1901 гг. таких обществ основано 5 (в Петербурге два, 2 в Белостоке и его уезде и 1 в Москве [1]).

Таким образом, упомянутая выше попытка кружка московских рабочих не заключала в себе ничего исключительного. Но идя навстречу политическим планам Зубатова, она сыграла своеобразную роль в истории рабочего движения.

---

[1]) См. Прокопович. „К рабочему вопросу". Стр. 38 и сл.

Агенты Зубатова—на первых порах преимущественно Афанасьев, рабочий из бывших с.-д.—приобрели влияние на кружок инициаторов и придали его деятельности необычный характер.

Как и все подобные кружки стоявших вне с.-д-тии, но затронутых классовым движением рабочих, члены московского кружка были настроены в общественном смысле прогрессивно. Образование обществ взаимопомощи они связывали с удовлетворением своих культурных интересов. На этой почве у них возникла мысль об устройстве собеседований по рабочему вопросу между рабочими и благонадежными в полицейском отношении, но прогрессивными интеллигентами. Паника, которую вызвало в местной администрации бурное участие московских рабочих масс в февральских демонстрациях 1901 г., заставила ее допустить устройство таких собеседований, чтобы попытаться отвлечь рабочих от общения с с.-д. интеллигенцией и студенчеством.

По рассказу видного участника этих событий, проф. Озерова, рабочие прежде всего обратились к академику Янжулу, прося о содействии осуществлению их кассы взаимопомощи. Последний направил их к проф. Озерову, а Лев Толстой, с которым они также советовались,—к пр.-доц. В. Э. Дэну. Самый факт обращения к Л. Толстому, только что перед тем отлученному синодом, свидетельствует о том, что инициаторы попытки не были сознательно одушевлены реакционными стремлениями. Переговоры рабочих с проф. Озеровым и Дэном и привели к упомянутым беседам, из которых первая была устроена в помещении общества народных развлечений в мае 1901 г. и была посвящена вопросу об обществах взаимопомощи.

В этом и следующих собеседованиях, происходивших вплоть до ноября и собиравших по несколько сот рабочих, участвовали, в качестве руководителей, гг. Дэн, Анофриев, Озеров, Мануилов, Езерский, Вормс и некоторые другие—все люди, принадлежащие к прогрессивному лагерю. Собеседования посвящались вопросам о кассах взаимопомощи, потребительных обществах, биржах труда, квартирной нужде, продолжительности рабочего дня, коллективном договоре и т. д. Программа

их заранее утверждалась обер-полицеймейстером, и самые беседы происходили под контролем чиновников полиции.

Необычайность таких собраний в то время, когда правительство не разрешало никакого обсуждения общественных вопросов, покровительство им со стороны московской полиции и связь всего предприятия с агитацией зубатовцев—все это заставило с.-д. и радикальную интеллигенцию Москвы отнестись в высшей степени подозрительно к этому делу, тем более, что уже скоро среди рабочих стали говорить о случаях, когда выступление на собраниях рабочих-социалистов вело к их аресту. Сами беседы профессоров не только отличались чрезвычайной и весьма понятной осторожностью, но и носили на себе явную печать недоговоренности и умолчания о таких сторонах разбираемых вопросов, которые сколько-нибудь затрагивали интересы правительства. Достаточно упомянуть, что, напр., проф. Озеров прославлял введенную Витте винную монополию, как средство борьбы с алкоголизмом, и восхвалял деятельность „попечительств о народной трезвости" в то время, как самая умеренная часть прогрессивной прессы отмечала их реакционный характер.

С осени 1901 года некоторые руководители собраний стали раздавать рабочим анкетные листки для получения сведений о продолжительности рабочего времени и других условиях труда. Для выработки ответов на заданные вопросы стали устраиваться районные собрания рабочих в разных трактирах под руководством более влиятельных организаторов кассы взаимопомощи. На некоторых районных собраниях присутствовало по 200—400 человек. Руководители районных собраний собирались регулярно для согласования своей деятельности, и из их совещаний возник так называемый „Совет рабочих механического производства г. Москвы". Рабочие отнеслись к этому Совету, как к естественной форме своего профессионального представительства и стали обращаться к нему со всякого рода жалобами и за указаниями, а Совет пытался выступать в роли посредника перед капиталистами и властями.

По изображению проф. Озерова, районные собрания были посвящены профессиональным интересам рабочих.

На самом деле, с возобновлением осенью 1901 г. студенческого движения и уличных демонстраций, руководители районных собраний, являвшиеся видными „зубатовцами" (Красивский, Афанасьев, Соколов, Слепов и др.) и получившие соответственные инструкции, стали все чаще ставить на обсуждение вопросы политические. Они знакомили слушателей с историей политических движений и программами партий, ведя при этом демагогическую агитацию против конституционного движения, как движения буржуазии, желающей стать у власти, чтобы поработить рабочих. Особенно старались возбудить рабочих против студенческого движения и укрепить в них представление о самодержавии, опирающемся на рабочий класс и защищающем их интересы против капитала. Отдельные рабочие пытались бороться с этой демагогией, противопоставляя ей с.-д-тическую критику. Но здесь, вне наблюдения профессоров, с оппонентами расправлялись еще более бесцеремонно, чем на общих собраниях. Сам Озеров, идеализирующий московское предприятие, рассказывает, что на одном из собраний полицейский пристав отобрал у рабочих № „Русской Мысли", который они читали, и обругал их. В Совете против Афанасьева и Слепова также поднялась оппозиция, настаивавшая на устранении политики из его деятельности; но зубатовцы, действуя в высшей степени авторитарно, постепенно вытеснили все независимые элементы, и вскоре Совет стал вполне сознательным проводником зубатовско-полицейской политики.

Агитация с.-д., клеймивших деятельность либеральных деятелей, которые протянули руку полицейским интриганам и демагогам, не могла остаться без следа. Правда, благодаря вышеотмеченной слабости с.-д-тической рабочей организации в Москве, со стороны рабочих никакой серьезной борьбы против происков зубатовцев не проявилось, и наиболее радикальные элементы после ареста лиц, выступавших на собраниях, большею частью старались держаться в стороне от зубатовцев. Но в разгоряченной политическими волнениями среде интеллигенции агитация с.-д. вызвала негодование против гг. Озерова и других, и к осени 1901 г. В. Э. Дэн отстранился от собеседований, а чрез некоторое

время и остальные лекторы обратились к проф. П. Г. Виноградову и В. Ю. Скалону с просьбой рассмотреть вопрос о желательности продолжения их участия в собеседованиях. 7 декабря Виноградов и Скалон вынесли свой вердикт, который признал известную полезность данного дела, нашел неубедительными доводы его критиков, но тем не менее, указал, что его продолжение желательно лишь при соблюдении известных гарантий „успешности и чистоты дела". В числе таких гарантий были указаны: 1) самостоятельность и коллегиальность ведения бесед лекторами, которым рекомендовалось „примкнуть к какому-нибудь авторитетному обществу, напр., к российскому техническому"; 2) отстранение лекторов от всякой „опеки" над советом, районными собраниями, кассой взаимопомощи и т. д.

Смысл вердикта был совершенно ясен: лекторам предлагалось поставить свою деятельность под контроль надежной прогрессивной группы и отстраниться от той сферы практического руководства рабочими, где они приходили в двусмысленное соприкосновение с зубатовцами. Но так как эти условия были явно неприемлемы для Трепова и Зубатова, то дело сводилось к прекращению бесед. Так оно и было в действительности. Зубатовское предприятие вступило во второй фазис своего развития: отказавшись от попытки прикрываться именем представителей либеральной науки, зубатовцы окончательно вступили на путь открытой реакционной политики. Слепов и его коллеги вступили в непосредственную связь с редакцией „Московских Ведомостей", и этот орган взял их под свое покровительство.

Деятельность зубатовцев расширялась: рядом с рабочими механического производства, они начали организовывать ткачей, которые также ходатайствовали об утверждении общества взаимопомощи. Далее намечались организации пуговичников, табачников, булочников. Переходя к открытой контр-революционной агитации, зубатовцы уже не дорожили более культурными металлистами, перед которыми им приходилось фигурировать в роли сторонников учений Зомбарта и даже Э. Бернштейна, и начали спускаться к более темным слоям рабочего населения. Контр-революционная агитация велась все

громче, и среди отсталой части рабочих в начале 1902 г. стала ходить легенда о предстоящем отобрании фабрик в ведение самого монарха. На фабриках в начале 1902 г. начало происходить брожение; кое-где вспыхивали стачки.

Перед зубатовцами стояла определенная ближайшая задача, и они ее осуществили. 19-го февраля 1902 г. им удалось устроить громадную патриотическую рабочую демонстрацию перед памятником Александра II в присутствии великого князя Сергея, который говорил рабочим речь и после принял депутацию зубатовцев. Такая демонстрация, организованная в момент, когда по всей России происходили манифестации революционные, знаменовала значительный успех, который опьянил зубатовцев. Они решительнее прежнего стали действовать в роли представителей рабочих перед капиталистами и обещать возбужденным рабочим массам немедленное осуществление их пожеланий.

По словам совещания, образованного впоследствии министром финансов для выяснения положения на московских фабриках [1]), „число забастовок в настоящем году в значительной степени превышает обычную норму, наблюдается огромное, небывалое количество коллективных заявлений о неудовольствиях, число коих с течением времени увеличивается все более. При этом заслуживает внимание то обстоятельство, что в январе и феврале 1902 года недовольство выражали почти исключительно рабочие московских городских фабрик, в марте же из общего числа 60 слишком заявлений уже около трети исходит из фабрик, расположенных в уездах, что с очевидностью указывает на процесс распространения московского движения... В умах рабочих создалось непоколебимое убеждение, что эти организации созданы с исключительной целью защиты интересов рабочих против фабрикантов, вследствие чего все раз'яснения и обещания, исходящие от главных деятелей сих органов, принимаются рабочими с слепой верой в их правильность и осуществимость, несмотря на явную иногда их нелепость". В пример приводятся интересные постановления московских ткачей: коллективный договор, заключаемый

[1]) Озеров. Стр. 234.

обществом ткачей, обязательство не поступать на фабрики, не принявшие условий организации, и не доставлять работы тем рабочим, которые не примкнут к организации (при приеме на фабрику неорганизованных, организованные должны об'явить расчет).

Инспекция Владимирской губ. писала, что московское движение волнует механических рабочих в Коврове; рязанская,—что „если не будет парализована деятельность московского союза рабочих механического производства, она крайне печально может отразиться на настроении рабочих". То же писали из Ярославской и даже Пермской губ., где шла речь о создании союза по образцу московского.

Такое распространение зубатовщины совершалось не без прямого участия чинов администрации. Не говоря уже о Западном крае, где велась самостоятельная работа зубатовцев, есть сведения о деятельности в этом направлении фабричного инспектора в Екатеринославе (под его влиянием создалось общество взаимопомощи печатников), полицейских властей в Костроме и Николаеве, саратовского губернатора Энгельгарда в Царицыне, полицеймейстера в Бердичеве, жандармских полковников Новицкого в Киеве (содействие образованию производительной артели портных, речь на ее открытии) и Потоцкого в Житомире. В Ярцеве, Смоленской губ., на известной фабрике Хлудова образовано в 1902 г. при участии полиции, духовенства и фабричной администрации „братство" рабочих с целями „борьбы с крамолой".

С другой стороны, в тревожных донесениях фабричных инспекторов, действовавших в полной солидарности с капиталистами, проглядывало настроение этих последних. Они уже раньше косились на деятельность зубатовцев, и еще летом 1901 г. на заводе Винтера был случай увольнения 10 рабочих за распространение воззвания, приглашающего записываться в потребительное общество. 21-го февраля 1902 г. произошла забастовка на шелковой фабрике Мусси и у Гужона; рабочие, руководимые Слеповым и К°, требовали не только возвышения платы, но и возвращения неправильных вычетов за ряд лет. Гужон жаловался Трепову на действия агентов охраны, выступавших в роли подстрекателей. Трепов

отвечал угрозами и стал донимать фабрику санитарными протоколами. Гужон, в качестве французского гражданина, обратился к своему консулу, а московский биржевой комитет отправил депутацию к Витте. Аналогичные эпизоды повторились на Прохоровской мануфактуре и на фабрике Беляева. Прохорову охрана, в случае неуступчивости, грозила высылкой из Москвы.

Группа крупных промышленников обратилась в министерство финансов с запиской [1]), в которой жаловалась на зубатовскую агитацию. „Объединение принадлежащих к различным фабрикам рабочих является крайне опасным, в особенности в том настроении, когда они задаются уже разбором вопросов общегосударственных, и если в предоставлении им известной организации имеется в виду отвлечение их от участия в антиправительственной деятельности, то не менее опасным оказывается допущение их к деятельности анти-капиталистической, которая, несомненно, имеет одинаковое политическое значение, тем более, что справиться с массами, увлеченными каким-либо успехом в этом отношении, может впоследствии оказаться чрезвычайно трудным, если даже не совершенно невозможным... Положение чрезвычайно опасно".

Но уже само высшее правительство было испугано. Крупные размеры патриотической демонстрации 19-го февраля напугали его самого. Сипягин разослал по главному управлению по делам печати циркуляр, в котором раз'яснял, что не следует в этой демонстрации усматривать признак существования в России особого рабочего сословия [2]). Жалобы московских фабрикантов, во главе которых стало министерство финансов, побудили его вмешаться. „Московским Ведомостям" было предписано умерить социально-реформаторский пыл. Стачечники, вовлеченные зубатовцами, были вскоре оставлены на произвол фабрикантов, которые решили не делать никаких уступок. Стачечное движение затихло, и зубатовская эпопея в Москве вступила в третью и последнюю фазу. 14 февраля 1902 г. был, наконец, утвержден прави-

[1]) Озеров. Стр. 214.
[2]) „Освобождение", №№ 17 и 21.

тельством устав общества механических рабочих, проект которого был выработан проф. Озеровым. Устав утвержден с большими искажениями, и деятельность общества поставлена в более тесные границы по сравнению с харьковским. Члены правления должны утверждаться администрацией, лица, состоящие под надзором полиции, в общество не допускаются, а безработные, пострадавшие от административных мер, лишаются права на пособие.

Теперь на районных собраниях стали говорить о гармонии интересов труда и капитала, осуждать стачки и призывать исключительно к мирной взаимопомощи. Возобновились и беседы, но в качестве лекторов теперь выступали председатель цензурного комитета Назаревский, отец Фудель и другие духовные лица, а также Лев Тихомиров. Беседы скоро зачахли, а касса взаимопомощи, в утвержденном правительством виде, настолько не увлекла собою рабочих, что с 1 марта по 14-е сентября в нее записалось всего 197 членов. Среди фабрикантов нашлись люди, которые при таком изменении характера зубатовской политики соглашались ее поддерживать, и некоторые из них вносили пожертвования в кассы взаимопомощи. Но в глазах большинства промышленников дело было окончательно скомпрометировано, и 26-го июня 1902 г. Зубатов на собрании фабрикантов в трактире Тестова пытался уже представить всю свою деятельность, как руководимую прежде всего заботой об интересах капиталистического класса, который, ныне поставлен в обособленное от всех сословий положение—настолько, что рабочий класс, интеллигенция и духовенство смотрят уже на представителей этого сословия, говоря вообще, как на мошенников". По словам Зубатова, „наше торгово-промышленное сословие может найти искреннее сочувствие и защиту своих законных прав только в охранном отделении канцелярии г. московского обер-полицеймейстера, которое, сознавая всю трудность положения этого сословия, принимает все зависящие от него меры к предупреждению и пресечению преступлений, направляемых против него, как представителя капитала, со стороны рабочего класса и интеллигенции. Но, к сожалению, само торгово-промыш-

ленное сословие, не будучи посвящено во все изгибы дальновидной и прозорливой политики охранного отделения, не только не сочувствует его предначертаниям, но даже, повидимому, противодействует им".

Эту оппозицию Зубатов об'ясняет „ложными слухами, распускаемыми французским гражданином Гужоном", и жалуется, что названный фабрикант, „не взирая на то, что подлежал строгой ответственности..., не был привлечен к оной ни в судебном, ни в административном порядке". Относительно фабричной инспекции Зубатов прямо заявляет, что она „потеряла в глазах рабочих всякое доверие". „Именно поэтому охранное отделение... не только решилось принять на себя часть обязанностей фабричной инспекции..., но и почти склонно поставить на самом этом учреждении, как на анахронизме, крест".

В целях предотвращения роста рабочего движения, охранное отделение признает полезным „расширение прав фабричных рабочих, но отнюдь не в законодательном порядке, как на этом настаивает г. министр финансов, а в порядке, так сказать, внезаконном, нелегальном". Рабочие должны иметь на каждой фабрике свой „комитет", ведающий их экономические нужды, избираемый самими рабочими и являющийся посредником между ними и хозяевами. Допускается общение между комитетами, а „общий надзор за комитетами сосредоточивается в охранном отделении, которое назначает в сих целях особых из среды опытных и благонадежных рабочих, умудренных долгим опытом в искусстве управлять народными громадами, массами". Таких агентов, по словам Зубатова, охранное отделение не прочь принимать даже из числа рабочих, отбывших административную ссылку.

„В виде первого опыта, так сказать, генеральной репетиции управления народными громадами, был произведен 19 февр. начальником охранного отделения сбор всех фабричных рабочих к памятнику Царя-Освободителя, где выборные возложили венок. Этот внезапный сбор 50.000 толпы... вызвал восторженное умиление е. и. в. августейшего ген.-губ. и его превосходительства московского обер-полицеймейстера". Внезаконный

путь отстаивается охраной „по соображениям высокой государственной важности, на основании коих может действовать пока только г. московский обер-полицеймейстер". Иначе говоря, в силу оппозиции высшего правительства в лице Витте, а может быть, и Плеве, зубатовской политике. Уверяя, что охранное отделение уже успело снискать „искреннейшее доверие рабочих", Зубатов призывает промышленников „лишь замкнуть ту цепь, отдельными звеньями которой являются рабочий класс, интеллигенция и духовенство, сплотившиеся около обожаемого августейшего хозяина столицы".

Это обращение к фабрикантам не имело никакого успеха и само знаменовало уже банкротство московских зубатовцев, обязавшихся перед рабочими массами организовать наступательную борьбу против капитала. Московские капиталисты продолжали, опираясь на министерство финансов, бороться против опасного эксперимента, и вскоре сам Зубатов был переведен Плеве в Петербург.

Одновременно с московскими зубатовцами выступили минские. Здесь вдохновителем демагогии явился один из помощников Зубатова, жандармский офицер Васильев. Но „Бунд" пустил в рабочих массах гораздо более прочные корни, чем с.-д. комитет в Москве, и руководимая им еврейская рабочая масса не могла увлечься идеей патриархальной полицейской опеки, как средства улучшения своего положения. Равным образом, и исполнители, которых Васильев мог избрать здесь орудиями проведения своей политики, имели более принципиально обоснованное мировоззрение, чем Красовские и Афанасьевы. Это были рабочий и работница, которые во время заключения в московской тюрьме познакомились с Зубатовым и—не без его влияния—склонились к принципам европейского ревизионизма или поссибилистического социализма. В изданном ими осенью 1901 г. воззвании они излагали принципы „Еврейской независимой рабочей партии". В этом воззвании их отпадение от „Бунда" об'ясняется тем, что для последнего „экономическая деятельность является средством революционизировать рабочую массу, и потому „Бунд" намеренно игнорирует в своей экономической деятельности многие безусловно

полезные для рабочей массы мероприятия"; что, внося партийность в создаваемые рабочими экономические организации, „Бунд" тем самым оставляет вне их несоциалистическую часть рабочих и раскалывает рабочий класс; что, наконец, благодаря той же партийности его профессиональной политики, в стороне от последней должны оставаться интеллигентные силы, не принадлежащие к социалистическому лагерю, но могущие быть полезными рабочим. В программу своей деятельности „независимые" вводили „поднятие материального и культурного уровня еврейского пролетариата посредством культурно-экономических организаций как нелегальных, так и легальных по мере возможности". Намечалось создание трэд-юнионов, клубов и ассоциаций, распространение научных и профессиональных знаний. „Партия" не выставляла никакой политической программы и стремилась „об'единять для экономической и культурной деятельности рабочих всяких политических взглядов и вовсе без них".

Бесспорно „независимая партия" отразила в этом воззвании тенденции некоторых слоев пролетариата, которых не удовлетворял или отпугивал револ.-социал. и политический характер деятельности с.-д. организации,— слои, из которых в любой стране вербуются кадры „чистых" профессионалистов и кооператистов. В этом смысле она продолжала традиции „экономистов" „Рабочей Мысли", кружка „иваново-вознесенцев" и других элементов, образовавшихся внутри самой с.-д. Но она отразила эти тенденции в самой уродливой форме. Стоявшая за кулисами организации жандармерия стремилась сделать ее простым орудием развращения рабочих посредством подкупа и застращивания. Никаких легальных организаций минским рабочим образовать не дали и лишь разрешили собираться некоторым цехам для обсуждения своего положения и не преследовали стачек, устраиваемых „независимцами". Но так как, параллельно с тем, рабочие-бундовцы продолжали подвергаться все более суровым преследованиям, то первоначальный успех „независимых" вскоре смешился полным недоверием к ним рабочей массы. Они пытались распространить свою деятельность на другие города Западного края,

но, сталкиваясь везде с прочной организацией „Бунда", терпели поражение. В феврале 1903 г. они уже официально заявили, что отказываются от всякой деятельности в Вильне в виду несочувствия масс. Фактически, они, скомпрометировав себя актами полицейской провокации, к этому времени потеряли всякое влияние во всем Западном крае, откуда их вожди Волин, Шаевич, Вильбушевич и др. переехали на юг России. Часть находившихся под их влиянием рабочих, повидимому, образовала впоследствии кадры, примкнувшие к левым группам еврейского сионизма, которые подчеркивали важность не политических мирных форм рабочего движения.

Осенью 1902 года некоторые московские зубатовцы посетили ряд городов и пытались завязать связи с местными рабочими, но попытки оказались неудачными.

Осенью же 1902 г. делается попытка пересадить московский эксперимент на петербургскую почву под непосредственным руководством самого Зубатова.

С осени 1902 г. среди петербургских фабрикантов стали ходить слухи о предстоящем открытии каких-то легальных рабочих организаций. Действительно 10 и 17 ноября состоялись собрания нескольких рабочих механического производства в Выборгском районе, являвшихся учредителями обществ взаимопомощи. В числе их был рабочий Горшков, который впоследствии, в ноябре 1905 года, выступил в роли редактора газеты „Рабочий Голос", носившей „революционно-синдикалистский" характер и одинаково горячо нападавшей и на социал-демократию, и на всесильный в то время в рабочих массах „Совет рабочих депутатов". 17-го ноября группа учредителей представлялась Плеве. 10-го декабря в „Русском Собрании", в присутствии протоиерея Орнатского, гр. А. Игнатьева, В. Комарова, Случевского, Величко, Сыромятникова, Лелянова, рабочий Соколов читал доклад о нуждах рабочего класса и такой же доклад прочел Слепов от имени московского общества взаимопомощи механиков. Они говорили о благотворной роли „Советов" московского типа и о необходимости государственного кредита для касс взаимопомощи. Русское собрание отнеслось к ним очень сочувственно, и реак-

ционная пресса на некоторое время взяла под свое покровительство рабочий класс.

Между тем, учредители стали устраивать беседы по образцу московских. Однако, с первых же дней они здесь столкнулись с более решительной, чем в Москве, оппозицией. Оппоненты высмеивали зубатовскую затею, требовали отстранения агентов полиции и духовенства от общества взаимопомощи. На 3-м заседании „общества взаимопомощи" рабочие потребовали, чтобы до обсуждения устава был обсужден вопрос об общих задачах рабочей организации и о гарантиях для ее участников от произвола властей, о включении в библиотеку общества книг Маркса и Энгельса. Стоявшие во главе учредителей Слепов и Соколов были встречены самым враждебным образом.

Тогда последние, чтобы приобрести популярность, стали вмешиваться в конфликты рабочих с хозяевами. Как и в Москве, они от механических рабочих бросились в более серую массу ткачей. В донесении министру финансов от 11 янв. 1903 г. старшего фабричного инспектора говорится о признаках возбужденного зубатовцами на фабриках брожения (особенно на фабр. Паля и Штиглица). Согласно донесению, фабричная инспекция, встревоженная этим брожением, вошла в соглашение с градоначальником о нежелательности повторения в Петербурге московского опыта. Таким образом, на этот раз зубатовцы наталкивались на противодействие общей полиции. С другой стороны, фабриканты заняли самую враждебную позицию. Зубатовцы, очевидно, подтянутые свыше, стушевались, Слепов и другие москвичи отстранились от общества механических рабочих, и последнее прозябало в самых скромных размерах, не пытаясь стать во главе рабочих масс. Лишь в 1904 г. при Гапоне в Петербурге полиция решилась на серьезный опыт рабочей организации.

Весною 1903 года в Сормове, пользуясь угнетенным настроением рабочих после процесса и осуждения в ссылку прошлогодних демонстрантов, зубатовцы выпустили ряд воззваний, призывая к борьбе с крамолой. Тогда же в ответ на листок комитета с.-д. партии, который призывал к борьбе с бессмысленным проведе-

нием досугов массы рабочих (кулачные бои и т. д.), появилось воззвание за подписью „группы сормовской молодежи", в котором говорилось: „единственное средство поднять уровень рабочих—общество взаимной помощи".

Несколько ранее—в конце 1902 г.—такое же воззвание появилось в Харькове под именем „Листка рабочих касс" от имени „харьковских рабочих, организовавшихся в профессиональные союзы". Листок призывал не обращать внимания на полицию и организоваться в профессиональные общества.

Как выше указано, к 1903 году „независимая рабочая партия" перебралась на юг. Центром ее деятельности стала Одесса, где, подобно Москве, можно было найти, с одной стороны, довольно широкий слой лучше поставленных и в то же время трезвенно и умеренно настроенных рабочих, с другой—громадные массы темных рабочих, стоящих на границе Lumpenproletariat'a, далеких от новейших политических интересов и пригодных для демагогических экспериментов (портовые рабочие и судорабочие). Вообще говоря, эти два слоя рабочей массы: более пожилая и более мещански настроенная часть квалифицированной аристократии труда и наихуже оплачиваемые и наиболее эксплоатируемые группы, являлись все время главной средой полицейско-демагогических опытов, тогда как культурная молодежь привиллегированного слоя рабочих и средняя масса более или менее отлившегося в городской пролетариат слоя оставались опорой партийных организаций.

Первые попытки „независимых" овладеть умами одесских рабочих потерпели фиаско. На собраниях, устраивавшихся во второй половине 1902 г. среди еврейских рабочих, они были встречаемы крайне враждебно и организовать этих ремесленных рабочих им не удалось. Лучше в этом смысле для „независимых" обстояло дело среди рабочих механических заводов, менее затронутых движением. Здесь глава „независимых", Шаевич, вскоре организовал нелегализованный, но терпимый властями, „Союз рабочих по металлу г. Одессы". В уставе Союза было сказано: „Союз основан для улучшения условий жизни и труда рабочих этого ремесла и для поднятия

умственного и духовного уровня своих членов путем сокращения рабочего дня, увеличения заработной платы, взаимопомощи в случае болезни или нужды, устройства лекций по общим предметам и по рабочему вопросу, библиотек и пр." Членом союза мог стать всякий рабочий, но переход в положение хозяина, подрядчика или мастера вел за собою исключение из Союза. Таким образом, союз Шаевича приближался к типу боевых профессиональных союзов, и его рамки были значительно шире, чем рамки петербургского и московского общества.

Первоначально Шаевич, как и московские зубатовцы, не думал фактически выходить из рамок мирной рабочей организации, и его агитация носила характер преимущественно полемики с с.-д. Однако, события оказались сильнее его планов. Начавшийся стихийный под'ем экономической борьбы захватил и организованных им рабочих. При том Союз был скомпрометирован бегством одного из кассиров, помощника Шаевича, Волина, унесшего с собою кассу. Когда после этого факта рабочие стали отпадать от Союза, и борьба с ним с.-д. усилилась, Шаевич вынужден был показать рабочим Союз в роли руководителя экономической борьбы. Первоначально он организовал стачки в мелких мастерских, при чем, импонируя хозяевам-евреям обеспеченной ему поддержкой Плеве [1]), добивался от них уступок рабочим. В апреле он вмешался в конфликт рабочих с хозяином более крупного завода Рестеля. Здесь независимые натолкнулись на противодействие капиталиста, на помощь которому пришла фабричная инспекция. Союз требовал принятия на работу уволенного рабочего, инспекция поддерживала фабриканта, принципиально отстаивавшего свой абсолютизм в деле найма и увольнения рабочих. В упомянутом донесении фабричный инспектор писал: „Шаевич... называет себя доктором какого-то германского университета, еврей 24—25 л., очень развязен, хорошо говорит и руководствуется при организации рабочих не фабричным уставом, а „высшей справедли-

[1]) В янв. 1903 г. министерство вн. дел предписало одесской администрации не препятствовать Шаевичу (Донесение ст. фабр. инспект. Херсонской губ. от 24 апр. 1903 г.).

востью"... Выяснилось, что Союз рабочих искал лишь случая устроить забастовку для испытания того, как будут держаться забастовщики, и какую помощь им окажут члены Союза... Эта забастовка, начатая и веденная Союзом рабочих без всяких оснований и совершенно по-мальчишески, сократит производство одного из самых старых и надежных заводов и разрушит благосостояние одесских рабочих, имевших постоянный и хороший заработок... Администрация и полиция отнеслись к деятельности Союза нерешительно и неопределенно и своевременно не воспрепятствовали отклонению Союза от задач взаимопомощи к боевой деятельности. Ныне, после забастовки у Рестеля, администрация и полиция признают направление деятельности Союза опасным и нежелательным, но отношение их к Союзу и его руководителям остается таким же нерешительным, как и раньше".

Предприниматели решили организовать общество взаимопомощи против стачек. Рестель не уступил своим рабочим, и Союз, поддержав их материально, вынужден был, чтобы не потерять престижа, пойти навстречу рабочим других предприятий, стремившимся на борьбу за улучшение условий труда. Таким образом, в июле 1903 г. „независимые" оказались в центре стачечного движения, превратившегося во всеобщую забастовку. Волны последней быстро поднялись выше головы Шаевича и независимых, которые могли в отдельные моменты забастовки противодействовать успеху с.-д., но не могли остановить ее перехода в пропитанное политическими тенденциями классовое движение. Напуганное правительство закрыло Союз, арестовало многих независимых и выслало Шаевича в Вологодскую губернию. За ним пришла очередь Зубатова, который был отстранен от должности и удален в провинцию.

Но, прежде чем „независимые" были разгромлены правительством, они сами констатировали фиаско своей деятельности. 6-го июля состоялся их с'езд, на котором решено было приостановить деятельность „партии". В изданном по этому поводу заявлении решение мотивируется так:

„Правительство, согласно ясно выразившейся после долгих колебаний тенденции, готово допустить легаль-

ное рабочее движение, на манер московского... По отношению же ко всякому движению, носящему *классовый* характер и отнюдь не отождествляющему интересов рабочих с предпринимателями,—никаких мероприятий, кроме враждебных, со стороны правительства в *ближайшие* годы ожидать нельзя".

Всеобщая стачка 1903 г. привела с собою полное банкротство „зубатовщины". В качестве попытки отвлечь рабочих от революционного социализма, она могла бы рассчитывать на известный частичный успех, если бы правительство, с одной стороны, не стремилось сделать профессиональные организации орудиями своей активной контр-революционной политики, а с другой,—могло занять сколько-нибудь независимую позицию по отношению к предпринимателям. Но оно не могло сделать ни того, ни другого. Растущее движение масс заставляло правительство пускать в ход для борьбы с революцией все, что имелось в его распоряжении, и терпимые им рабочие организации были слишком заманчивым в этом смысле орудием. В то же время растущая оппозиция среди имущих классов не позволяла пренебрегать еще лойяльными крупными капиталистами. Если реакционные представители аграрных интересов еще в 90-х гг. готовы были подставить ножку промышленному капиталу путем поощрения полицейской демагогии в рабочем вопросе, то переход массы помещиков в лагерь земской оппозиции не оставлял правительству возможности предаваться иллюзии о том, что уход из правительственного лагеря представителей крупного капитала будет возмещен другими социальными силами (в пределах имущих классов). Демагогический же эксперимент в более смелой форме, в виде попытки опереться на время исключительно на народные массы, был невозможен в силу самой исторической природы полицейского абсолютизма, боящегося всякой формы народной самодеятельности; вдвойне невозможен был он потому, что налицо, к моменту зарождения зубатовщины, было прочное сплочение широких слоев рабочих под рев.-социалист. знаменем, делавшее возможными и вероятными новые революционные потрясения при каждом успехе „легального" рабочего движения.

В результате этих условий три года зубатовских экспериментов имели своими последствиями: пробуждение некоторых отсталых и не затронутых движением слоев рабочего класса, крайнее дискредитирование в глазах всего населения правительственной власти, ясно обнаружившей свою слабость, боязнь, двуличие и неспособность и, наконец, усиление оппозиционных тенденций в промышленной буржуазии, уверившейся в ненадежности и своекорыстии той поддержки, которую ей оказывала бюрократия в ее борьбе с рабочим классом. Для самого же правительства зубатовщина имела то значение, что дала сильный толчек тому процессу дезорганизации его механизма, который развивается во всяком устаревшем государственном организме при его столкновении с жизнью.

В широких массах рабочих эксперимент зубатовщины оставил горький осадок, внушив им убеждение в невозможности нормального развития рабочего движения при сохранении в стране абсолютистского режима. Нельзя, однако, отрицать, что попытки постановки легальных профессиональных организаций не остались и без положительного влияния на сознание рабочих. Подхватив те потребности рабочих, которые—особенно со времени весенних демонстраций 1901 г.—с.-д. оставляла без удовлетворения,—потребности в организации дела взаимопомощи и профессиональной борьбы,—зубатовщина сама всего менее могла удовлетворить эти потребности, но она обострила их и вызвала в известной части рабочих стремление при первом удобном случае организоваться профессионально. Первой попыткой в этом направлении явился московский „Союз типографских рабочих", возникший осенью 1903 года и существовавший нелегально, но пытавшийся и успевший в течение некоторого времени держаться на внепартийной почве, в качестве чисто-профессиональной организации.

В то время, как министерство внутренних дел разрешало рабочий вопрос путем усиленной репрессии и зубатовщины, министерство финансов пыталось двигаться дальше по пути развития фабричного законодательства и делало робкие попытки открыть законные пути для некоторого проявления самодеятельности рабочих. Самой

смелой из последних являлся проект Витте об отмене наказаний за стачки и допущение некоторых видов рабочих организаций (1902 г.). Одновременно правительство возбудило в законодательном порядке вопрос о создании института фабричных старост, которые являлись бы посредниками между рабочими, с одной стороны, властями и капиталистами—с другой. Отмена наказаний за стачки особой оппозиции со стороны фабрикантов не вызвала: напротив, в поданной 14 марта 1903 г. в министерство финансов докладной записке, направленной против учреждения фабричных старост и рабочих обществ взаимопомощи, г. Глезмер, председатель Петербургского общества для содействия развитию фабрично-заводской промышленности, указывал, что если стачки „иногда вызывают большую тревогу, то лишь вследствие косвенных явлений, сопутствующих репрессивным мерам“ [1]).

Напротив, учреждение старост и узаконение обществ взаимопомощи вызвали со стороны представителя капитала яростные возражения, исходившие из того положения, что опасно содействовать выделению рабочего класса в особую социальную группу со своим представительством и своими корпоративными организациями. „Фабрикант нанимает рабочего, но не союз рабочих, как в английских альянсах, и не артель, а потому он не обязан нормировать своих отношений к рабочим, кроме норм, установленных законом... Довериться мечте, что рабочая организация будет оставаться в каких-либо, предписанных ей, границах, было бы большой ошибкой... Оба проекта будут иметь естественным последствием обособление рабочих, подобно тому, как это исторически сложилось на Западе“ [2]).

При обсуждении законопроекта о старостах в Государственном Совете меньшинство его заявило: „если до настоящего времени, как свидетельствует министр вну-

[1]) Озеров. Стр. 280. На такое отношение фабрикантов, очевидно, влияло относительное ослабление стачечного движения в период кризиса и легкость его подавления в это время для фабрикантов. „Несмотря на общий промышленный кризис,—заявляет г. Глезмер,—в 1901 году по всей России объем забастовок выражается все же незначительной цифрой—около 100 тыс. потерянных рабочих дней“.

[2]) Озеров. Стр. 274—278.

тренних дел, социально-политическая агитация в рабочей среде пользуется еще сравнительно слабым успехом, то это, главным образом, объясняется тем, что она сталкивается с неорганизованной массой... Старосты не могут предотвратить недоразумений между фабрикантами и рабочими, а, напротив, скорее способны умножить случаи подобных недоразумений и создать почву для крайне нежелательной организации рабочей среды, через которую широко проникнут в народные массы разрушительные учения" [1]).

Тем не менее, законопроект о фабричных старостах был утвержден Госуд. Советом и получил силу закона 10 июня 1903 года. Он был насквозь проникнут полицейским духом. Рабочие получали право избирать лишь кандидатов в старосты, из числа которых фабричная администрация назначает самих старост. Губернской же власти предоставлено увольнять старост за неблагонадежность. Самое введение старост сделано факультативным в зависимости от согласия владельцев предприятий. Последние, оберегая свой абсолютизм, на деле бойкотировали закон, и к 1905 году он применялся всего лишь в 30—40 предприятиях, при чем нередки были увольнения и высылки старост, проявивших независимость по отношению к хозяевам. Эти факты лишь укрепили сильное с самого начала недоверие передовых рабочих к новому институту.

Пожелания Витте об отмене наказаний за стачки и разрешении рабочих союзов остались неосуществленными.

Последним словом социально-реформаторской деятельности министерства финансов явилось установление ответственности предпринимателей за несчастные случаи. В заседаниях Госуд. Совета при обсуждении законопроекта, представленного Витте, было признано, что, хотя, „конечно, в России не имеется социал-демократической партии, но, тем не менее, правительству все же приходится считаться с подпольной деятельностью таких лиц, которые избрали рабочих орудием для правительственной агитации". Бороться с последней можно лишь развитием законодательства по охране труда.

Законопроект получил силу закона 2-го июня 1903 г. Он обеспечивал рабочим, потерпевщим от несчастных случаев,

---

[1]) Прокопович, „К рабоч. вопросу", стр. 120—1.

$^1/_3$ действительного заработка во время болезни; 30 руб. на похороны взрослых и 15 руб. — малолетних рабочих; $^2/_3$ заработка в виде пенсии утратившему трудоспособность, $^1/_3$ пенсии—вдове умершего от несчастного случая и т. д. Главнейшими дефектами нового закона являются: 1) ограничение ответственности одними лишь несчастными случаями без распространения ее на случаи утраты трудоспособности или смерти вследствие *профессиональной болезни*; 2) освобождение от ответственности в случае доказанной „грубой неосторожности" рабочего; 3) определение „действительного заработка" помножением поденной платы на 260, тогда как число действительных рабочих дней в году значительно больше и 4) предоставление сторонам права (§ 31) входить в соглашение о получении меньшего вознаграждения.

Законы 1886, 1897 и 1903 гг. являются во всяком случае, единственными, хотя и крайне скудными социальными реформами, которые абсолютизм дал рабочему классу в ответ на его непрестанные жалобы и требования. Он решался на эти реформы лишь под сильным давлением самих рабочих масс, отказывая в уступках до того момента, когда дальнейшее упорство становилось безумием с точки зрения его собственных интересов.

Все реформаторские попытки внутри автократического правительства неизменно разбивались об один политический интерес, стать выше которого—даже в интересах самосохранения—одряхлевший организм был не в силах Этот политический интерес нашел ясное выражение в отчете Государственного Совета за 1903 год—год гигантского стачечного движения:

„Правительство,—говорилось в этом отчете,—не должно забывать о надлежащем охранении интересов фабрикантов, тем более, что последние составляют класс, ближайшим образом заинтересованный в охранении общественного порядка. Указанное обстоятельство должно особенно побуждать благоразумное правительство опираться на этих лиц при обсуждении различного рода мероприятий в области фабричного законодательства [1]).

[1]) Цит. у Полянского: „Стачки рабочих и уголовный закон". Спб. 1907. Изд. „Обществ. пользы", стр. 378—9.

БИБЛИОГРАФИЯ.

Развитие крупной промышленности и рабочее движение до 1892 г.

М. И. Туган-Барановский. Русская фабрика. Изд. III. 1907. В. Ильин. Развитие капитализма в России. Изд. II. 1907. Н. Флеровский. Положение раб. класса в России. 1869. К. Пажитнов. Положение раб. класса в России. 1906. Труды комиссии (Штакельберга) для пересмотра уставов фабричного и ремесленного. 1863. Давыдов. Отчет фабр. инспектора СПБ. округа за 1885 г. Новицкий. Отчет фабр. инспектора Киевск. округа за 1885 г. Блюменфельд. Отчет фабр. инспектора Варшавск. округа за 1885 г. В. Святловский. Отчет фабр. инспектора Харьковск. округа за 1885 г. Миропольский. Отчет фабр. инспектора Воронежск. округа за 1885 г. Шидловский. Отчет фабр. инспектора Казанск. округа за 1885 г. Свод отчетов фабр. инспекторов за 1900 год. Свод отчетов инспекторов за 1901 год. Свод отчетов фабр. инспекторов за 1902 год. Е. Андреев. Работа малолетних в России и Европе. 1884 г. А. Микулин. Сверхурочные работы в промышл. заведениях Киевск. округа в 1894 г. „Промышл. и Здор." 1904. I. Шестаков. Рабочие на м-ре Э. Циндель. 1900. Продолжительность раб. дня и зараб. плата. Изд. Д-та торг. и ман. СПб. 1896 г. С. Погожев. Учет численности и состава рабочих. СПб. 1906. Янжул. Фабричный быт Московской губ. Песков. Фабричный быт Владимирск. губ. Шульце-Геверниц. Очерки общественного хозяйства и экономической политики России. Я. Гарелин. Гор. Иваново-Вознесенск. 1885 г. В. Дадонов. Русский Манчестер. „Р. Б." 1900 г. XII. В защиту Иваново-Вознесенск. рабочих. Изд. „Искры" 1901 г. Рагозин. Железо и уголь на юге России. 1895 г. Брандт. Иностранные капиталы, т. I—II. Матвеев. Очерк южно-русской металлург. промышленности. „В. Фин." 1896—7 гг. Верещинский. Рабочий шахтер в Донецк. басс. 1892. Аксенов. Фабрично-заводск. промышленность Екатер. губ. 1899 г. Гнедич и Аксенов. Обзор фабр.-зав. промышл. в Харьк. губ. 1899 г. В. Святловский. Фабричный рабочий. 1899. Р. Люксембург. Промышленное развитие Польши. 1896 г. Колычев. Рабочие на приисках Сибири В. Семевский. Рабочие на сибирских золотых приисках. В. Семевский. Горнозаводские крестьяне. Рогозин. Железо и уголь на Урале. 1900 г. Дементьев. Фабрика, изд. 2-ое, 1897 г. Погожев. Фабричный быт Германии и России, 1882 г. Свирский. Фабрики, заводы и др. пром. заведения в Владимирск. губ. 1890 г. Труды торгово-

промышл. с'езда. 1896 г. т. III. С. Шашков. Русский рабочий. „Дело" 1881. VI. А. Троицкий. Договоры личного найма. „От. Зап." 1871. III. Положение тверских рабочих. Женева. 1898. Изд. „Союза". Женщины-работницы. 1900 г. Изд. „Искры". Я. Михайловский. О деятельности фабричн. инспекции. 1886. И. Озеров. Записка о раб. вопросе в России. „Русь" 1905 г. № 8. Литвинов-Фалинский. Фабричн. законодательство и фабр. инспекция в России. 1900. Янжул. Часы досуга. 1896. А. Микулин. Очерки из истории применения закона 3 июня 1886 г. во Владим. губ. 1893. Тайные документы по изданию закона 2 июня 1897 г. Женева. 1898 г. Изд. „Союза". Материалы по изд. закона 2 июня 1897 г. Изд. м-ва фин. 1905 г. Самодержавие и стачки. Записка Витте об отмене наказуемости стачек. С прилож. статьи Л. Мартова. Женева. 1905. Русский закон и рабочий. Изд. „Освобожд.". Штутгарт. 1902. Д. Кольцов. Закон 2 июня 1897 г. Женева. 1897. И. Озеров. Политика по раб. вопросу в России за последние годы. 1906 г. Полянский. Стачки рабочих и уголовный закон. СПб. 1907. Я. Ланговой. Нормирование продолжительности рабоч. времени на фабриках волокн. веществ. 1897 г. П. Струве. К характеристике фабричного законодательства. „Нар. Хозяйство", 1902 г. З. Литвинов-Фалинский. Новый закон о вознаграждении увечных рабочих. СПб. 1903. Шестернин. К вопросу о самовольном уходе фабрич. и заводск. рабочих. 1896 г. В. Иваншин. Фабричная инспекция в России. „Раб. дело" № 4—5. С. Прокопович. К рабочему вопросу в России. 1905 г. Общества взаимопомощи для рабочего населения г. Риги. „Мир Божий" 1900 г. VII. Труды с'езда по ремесленной промышленности, 1899. Итоги ремесленного с'езда. „Раб. Дело" № 7. Sarah Rabinowitch. Die Organisationen des jüdischen Proletariats in Russland. Karlsruhe, 1907. Грачев. О воскресном отдыхе. Смоленск. 1897. Тигранов. Касса горнорабочих. 1896. Труды 1-го с'езда представителей приказчичьих обществ в 1897 г. Тун. Революционное движение в России. Революционная литература 70-ых гг. СПб. 1906. Л. Мартов. Пролетарская борьба в России. 1905. Герасимов. Автобиография ткача. „Былое" 1907. В. Бурцев. Северный Русский рабочий Союз. „Былое" 1907. Куклин. Итоги революц. движения за 40 лет. Женева. 1903. Г. Плеханов. Русский рабочий в революц. движении. 1906. П. Аксельрод. Рабочий класс и революционное движение в России. 1907. Кульчицкий. (Мазовецкий). Социалистическое движение в Польше. 1904. Л. Плохоцкий. Стачечная борьба польских рабочих. „Жизнь". Лондон, 1902 г. VI. Доклад на международный социалист. конгресс в Лондоне. Женева, 1896. В. Поссе. Теория и практика пролетарского социализма. 1905. Социал-демократич. календарь. Изд. груп. „Борьба". Женева. 1902. В. Тотомианц. Свод сведений о деятельности потребительных обществ в России. 1905 г. В. Акимов. Очерк развития социал-демократии в России. 1905. М. Лядов. История российск. социал-демократ. р. п. Ч. I и II. 1906. Г. Плеханов. На два фронта. 1905. К. Пажитнов. Рабочее движение в России. 1906. Петербуржец. Очерк Петербургского рабочего движения 90-ых гг. Лондон. 1902 и СПб. 1906. С. М. На заре московск. рабоч. движения. „Текущий момент" 1906 г. Панкратов. Из вос-

поминаний о деятельности среди рабочих в Петербурге. М. 1906. Рабочее движение в Костроме. Женева. 1902. Рабочее движение в Иван.-Вознесенск. районе. Женева. 1900. Рабочее движение в Екатеринославе. Женева. 1900. Рабочее движение в Харькове. Женева. 1901. Рабочее движение в Одессе и Николаеве. Женева. 1900. Суд над брянскими рабочими. Женева. 1901. Борьба витебских рабочих. Женева. 1898. Из рабочего движения за Невской заставой. Женева. 1900. 10-тилетие Морозовской стачки. Женева. 1896. Батурин. Очерк развития соц.-демокр. в России. 1906. Г. Биск. Экономич. и политич. борьба раб. класса. 1906. Л. Мартов. Пролетарский праздник. 1906. А. Ельницкий. 1-ое мая в России. Доклад к междунар. конгрессу в Париже. Женева. 1900 г. С. Приклонский. Хроника рабочего труда в России. „Дело" 1883 г. 1. В. Богучарский. Из жизни в провинции (раб. движ. на Урале). „Нов. Слово", 1897 г. 11. Рубакин. Чистая публика и интеллигенция из народа. СПб. 1905 г. Майский праздник в России в 1899 г. „Рабоч. Дело", № 2—3. Варзар. Статистические сведения о стачках рабочих на фабриках и заводах за 1895—1904 гг. Ф. Дан. Доклад международ. социал. конгрессу в Амстердаме. Женева. 1904 и СПб. 1906. Деятельность Бунда за последние 2 года. Женева. 1903. Л. Мартов. Современная Россия. Женева. 1898. Речи нижегородских рабочих на суде. Женева. 1902. Речи петерб. рабочих 1 мая 1891 г. Женева. 1893. Речи еврейских рабочих 1 мая 1893 г. Женева. 1895. А. Б. Обуховская оборона. Женева. 1901. Обуховцы. Изд. „Союза". Женева. 1901. Амвросий. Ростовские дни. Штутгарт. 1902. С. А. Ратова. Всеобщая забастовка. 1903. „Былое", 1907. Всеобщая одесская стачка. „Рев. Россия", № 30. Правдин. Июльские дни в Киеве. Женева. 1904. В. Засулич. Чему учат июльские дни? В сборнике „За 2 года". 1906 г. Очерк забастовочного движения рабочих Бакинского нефтепромышленного района за 1903—6 гг., состав. Фролов. 1907. Таганрогский процесс. Женева. 1903. Рабочий Ежегодник. СПб. 1907. Революц. движение в России в докладах министра Муравьева. СПб. 1907. Григорьевский. Полицейский социализм в России. 1907. Новые друзья русского пролетариата. „Искра". № 1. Буржуазная наука перед московск. рабочими. „Искра". № 8. Политический разврат. „Искра". № 10. Зубатовщина. „Освобождение" №№ 17, 18, 19, 20, 21. Конец Зубатовщины. „Рев. Россия", № 31. Самодержавие перед задачами социально-реформаторского творчества. „Освобождение". № 26. Самодержавие и рабочий вопрос. „Освобождение" № 27. Самодержавие, как гражданская война, „Освобождение" № 34.

„Вперед" (Лондон) 1873—1877 гг. „Работник" и „Листки Работника" 1896—1898 гг. Женева. „Рабочее дело" 1898—1902. Женева. „Рабочая Мысль" 1897—1901. Петербург. „Красное Знамя" 1901—1902 гг. „Искра" 1900—1903 гг. „Освобождение" 1900—1902 гг. „Жизнь" I—VI. Лондон. 1902. „Последние Известия". Лондон-Женева. 1901—1903 гг. „Рев. Россия" 1902—1903 гг.

ОГЛАВЛЕНИЕ.

СТРАН.

Глава первая. Развитие крупной промышленности и рабочее движение до 1892 г. . . . . . 3—67

1. Промышленность и рабочее движение в 1-ой половине XIX в. Поссессионные и вотчинные фабрики и заводы (3—4). Вольнонаемные рабочие (5—6). Фабрично-заводский пролетариат к началу пореформенного периода (7—8) . . . . . 3—8

2. Рабочий вопрос с 60-х до начала 90-х годов. Заработная плата за первые 20 лет после освобождения (8—9). Рабочий день (9—11). Гигиенические условия работы и жизни (12). Волнения (12—14). Промышленный застой середины 70-х гг. (14—15). Рост оппозиционного движения. Стачка в Новой Бумагопрядильне (15—17). Забастовки 1879 г. (17—19). Застой в промышленности 1881 г. Стачки, вызванные понижением расценок (19). . . . . 8—23

3. Правительство и рабочий вопрос до начала 90-х годов. Внимание периодической литературы и правительства к рабочему вопросу (24). Начало развития законодательства (24—25). Оппозиция фабрикантов. Правила, регулирующие положение рабочих на казенных заводах. Законы, вызванные стачками конца 70-х и начала 80-х гг. (25—31). Ослабление рабочего движения и связанные с ним уступки правительства фабрикантам. Репрессии (31) . . . . . 24—33

4. Зачатки социалистического рабочего движения 1860—90 г. Отношение к рабочему вопросу правительства, городского и земского самоуправления (34). Сближение пролетариата с просвещенными и либеральными эле-

ментами общества. Увлечение кооперативами и кассами взаимопомощи (35—37). Препятствия со стороны бюрократии (37). Развитие культурно-просветительной деятельности (37—38). Влияние толстовства. Развитие рационалистических сект. Пропаганда утопического социализма (39—40). Социалистическое движение 70-х годов (41). Участие в нем рабочих (42). Северный союз русских рабочих (43). Полемика с „Землей и Волей" (44—47). Распадение Союза. Зарождение рабочих кружков в Польше (48). Южно-русский рабочий союз. Создание партии „Пролетариата" (48—49). Группа „Освобождения Труда" (50). . . . . 34—52

5. Стихийное и социалистическое рабочее движение в период 1890—93 гг. Промышленное оживление 1891—92 гг. (52). Наплыв в города безработных. Стачечное движение (52—55). Противодействие ему со стороны правительства (55—57). Социалистическая агитация в Польше (57—58). Усиление марксистских идей среди интеллигентов (59). Выступления рабочих. Празднование 1-го мая (59—60). Цеховые кассы в Вильне (61). Движение в пользу 10-часового рабочего дня среди ремесленников (61—62). Социал-демократическая пропаганда во внутренней России (62—63). История образования первого кружка в Иванове-Вознесенске (64—65). Тяжелые кары над арестованными социал-демократами (65). Причины медленности марксистской пропаганды (66). . . . . 52—67

Глава вторая. Крестьянство и народническое движение. . . . . . 68—118

1. Экономическое положение пореформенной России (68—71). „Земля и Воля" 1861 года (71). Беспорядки, вызванные об'явлением воли (72—75). Программа „Хождения в народ". Возникновение новых религиозных сект. (75—77). Отношение сектантов к социалистическому течению. (78) . . . . . 68—78

2. Городской пролетариат 70-х и 80-х годов (78—79). Перенесение центра социалистического движения в города. Кружковой характер социалистической пропаганды (80—83). . . . . 78—83

3. Трудовое крестьянство (83—85). Общинное землевладение (85). Развитие в нем уравнительного принципа (86—95). Общее обеднение всей крестьянской массы (96—99). Рост классового самосознания в трудовом крестьянстве (99—100). 83—100

4. Внешняя сторона общественной жизни русского крестьянства в течение 70-х и 80-х годов (101—108). Социальные причины еврейских погромов 1881—82 гг. (108—110). . . . . 101—110

5. Постановка политического вопроса в 80-х годах (110—111). Влияние общественных бедствий (111—113). Группа народовольцев 1891—94 гг. (113—115). Экономизм (116—118). Стачка 1896 г. и дифференциация социалистических партий (118). . . . . 110—118

Глава третья. **Развитие промышленности и рабочее движение с 1893 до 1903 г.** 119—236

1. Кульминационный промышленный под'ем и расцвет массового рабочего движения (1894—99 гг.). Промышленный под'ем 90-х годов (119—120). Рост марксизма (120—122). Стачечное движение (122—133). Закон 2 июня 1897 г. и новый взрыв рабочего движения (133—135). Забастовки на окраинах (135—138). Под'ем стачечного движения в 1899 году (139—143). . . . . 119—143

2. Экономические результаты стачечного движения. Оборонительная и наступательная борьба (144—146). Законодательное регулирование условий труда (146—148). Положение рабочих масс (148—150). Заработная плата (150—152). Жилищные условия (152—153). . . 144—153

3. Правительство и рабочее движение во второй половине 90-х годов. Закон 2-го июня (153—155). Тенденция к ухудшению закона 2 июня (155—156). Меры против растущего стачечного движения (156—157). Зубатовщина (158—159). Образование фабричной полиции (160—164). Сплетение интересов капиталистической промышленности с политикой министерства финансов (165—167). Министерство внутренних дел как выразитель интересов дворянства (167—168). Усиление жандармско-полицейской борьбы с рабочим классом (168—170). 153—170

4. Проявление политической борьбы в рабочем движении 2-й половины 90-х гг. Рабочее движение в Польше (170—171). Литве и Белоруссии (172). Во внутренней России (172—175) . . . . . 170—175

5. Экономический кризис последних лет XIX столетия и перелом в рабочем движении. Промышленный кризис осенью 1899 г. и ухудшение положения рабочего класса (175—178). Затяжной кризис и его последствия (178—179). Признаки прекращения застоя в 1903 г. (179—180). Оппозиционное брожение (180—181). Первомайская демонстрация (182—184). Возникновение ряда политических групп (185—189). Общественное движение 1901 г. (190—191). Демонстрация и стачечное движение осени 1901 г. (191—192). Движение на окраинах (192—193). Майские демонстрации и стачки 1902 и 1903 г. (193—199). . . . . 175—199

6. Новый под'ем стачечного движения и всеобщая забастовка на юге. Стачки весны и лета 1903 г. (200—201). Всеобщие забастовки в июле (201—206). Значения забастовок (207—208). . . . . 200—208

7. Правительство и рабочий вопрос в начале 1900-х гг. Попытки легальной организации рабочих. Политика репрессий (209—211). Гегемония полицейского ведомства (211—212). Допускается некоторая самодеятельность рабочих масс (212—213). Общество взаимопомощи рабочих механического производства (214—215). Распространение зубатовщины (215—222). Недовольство правительства зубатовщиной (222—226). Деятельность „независимых" в остальной России (226—229). „Независимые" в Одессе (229—232). Последствия зубатовских экспериментов (232—234). Проект Витте об отмене наказаний за стачки и создание института фабричных старост (234—236) . 209—236

Библиография . . . . . 237.

БИБЛИОТЕКА
СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ